

ОСЛА

Рождённая в огне

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Потемкин

ОСПА: Рождённая в огне

«Автор»

2026

Потемкин Е. А.

ОСПА: Рождённая в огне / Е. А. Потемкин — «Автор», 2026

Они называют это порядком. На деле это тирания. В колониальной Америке XVII века власть держится на порохе и крови: Сенат, пираты и работоторговцы делят Новый Свет, не считаясь ни с чьей жизнью. Кровь и страх стали валютой колоний. Капитан Шарль де Мелье не согласен платить эту цену. Он пишет свои правила, поднимает паруса и ведёт команду отчаянных храбрецов туда, где небо сливается с орудийным огнём, где каждый манёвр — игра со смертью, а каждый залп — шаг против системы. Но чем ближе они к свободе, тем яснее: победить не значит выжить. Приключенческий роман о борьбе, предательстве и цене свободы — для тех, кто любит напряжение, морские схватки и политические интриги. 18+.

© Потемкин Е. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

О характере материала	5
Предисловие	6
Глава I. Заговор	7
Глава II. Дневник капитана	14
Глава III. Кровавый Мэриленд	31
Глава IV. Роялист	38
Глава V. В ожидании наступления	45
Глава VI. Круглоголовый	50
Глава VII. Бич Божий	56
Глава VIII. Бостонское чаепитие	62
Глава IX. Последний рубеж	71
Глава X. Поиск истины	83
Глава XI. Божественная воля	88
Глава XII. Заклятые друзья	95
Глава XIII. Поместье Калверт	109
Глава XIV. Слёзы и кровь	119
Глава XV. Мэриленд в огне	129
Глава XVI. GR	143
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Евгений Потемкин, Михаил Кокшилов

ОСПА: Рождённая в огне

О характере материала

Данное произведение носит исключительно художественный характер. Любые совпадения с реальными событиями или людьми - случайны. Ни один реальный человек не пострадал от написания этого текста.

Произведение содержит устаревшие культурные стереотипы и представления, которые сегодня считаются оскорбительными и расистскими. Мы не поддерживаем подобные взгляды и осуждаем любые формы расизма.

Предисловие

Дорогой читатель

Ты держишь в руках (или читаешь в электронном формате) наш многолетний труд, которому мы посвятили четырнадцать лет (2012 — 2026) творческой жизни. Это был долгий путь, о котором мы сейчас поведаем.

Всё началось в сентябре 2012 года. Мы тогда учились в университете, на втором курсе исторического факультета. Идея книги пришла случайно, во время занятий физкультурой. Тёплым и солнечным сентябрьским днём мы бегали вокруг стадиона и обсуждали попутно историю колониальной Америки XVII века и между нами состоялся примерно такой диалог:

— Представь, на дворе XVII век, король назначил тебя губернатором одной из американских колоний. Что будешь делать?

— В первую очередь я подружусь с местными индейцами.

— А если король прикажет тебе уничтожить индейцев, чтобы расчистить эти земли для колонистов?

— Я пошлю этого короля куда подальше.

— Поднимешь восстание против короля? Тогда король отправит против тебя армию.

— А я объединюсь с индейцами и разгромлю его армию.

— ... Хм, а это неплохой сюжет для книги.

Не успела закончиться физкультура, как мы уже придумали имена ключевым персонажам. Попутно пофантазировали на тему того, что если бы независимое государство на территории Северной Америки возникло задолго до США. В последующие дни мы исписали все наши тетради черновиками, что впоследствии легли в основу нашей будущей книги. Мы настолько увлеклись этой нашей вселенной, что в последующие годы сняли несколько любительских короткометражек по мотивам наших черновиков. Возможно, они даже попадались тебе на глаза.

Процесс написания книги проходил нелегко, мы её то забрасывали, то вновь к ней возвращались, периоды творческой активности сменялись периодами застоя. Мы могли написать сотню страниц за месяц и не написать ни единой строчки за тот же период. Бывало, мы расходились в разногласиях из-за разного видения сюжета, но затем снова и снова приходили к компромиссу и работа над книгой продолжалась. Мы редактировали тексты друг друга. Предполагаемая дата завершения книги постоянно сдвигалась: 2020 год... 2021... 2022 — и так далее. Появлялись новые сюжетные линии.

И вот, наконец, в августе 2026 года книга была полностью завершена.

Дорогой читатель, мы будем очень рады, если ты уделишь внимание и прочтёшь нашу книгу, ведь это будет означать, что мы не зря старались все эти 14 лет.

Авторы данной книги:

Кокшилов Михаил и Евгений Потёмкин

Глава I. Заговор

Июньская ночь 1644 года в Вирджинии выдалась особенно тихой. Лёгкий ночной ветерок ласкал кроны деревьев. В тавернах Джеймстауна люди из самых разных слоёв колониального общества горячо обсуждали последние слухи и новости. В устье реки Джеймс равномерно покачивались величественные парусники.

Но те спокойствие и безмятежность явились лишь затишьем перед бурей. К северо-востоку от Джеймстауна, в поместье Ричарда Беннетта — богатейшего землевладельца Вирджинии, горели огни. Именно туда, прихрамывая и опираясь на богато украшенную резную трость, держал путь влиятельный виргинский сенатор Джон Вест — пожилой уже господин с седой бородкой и умудрённым взглядом. Накануне он получил письмо с приглашением. Мистер Беннетт организует у себя в полночь собрание для членов Сената. Очевидно, что не для всех. Иначе зачем рассылать эти приглашения? Почему в полночь? Что он задумал? С чего это я вдруг оказался в числе приглашённых? Эти вопросы раз за разом вертелись в седой голове мистера Веста, особенно последний, ведь мистер Вест никогда не был сторонником Ричарда Беннетта из-за его радикальных взглядов на работорговлю и отношения к местным индейцам. Джон Вест состоял в иной фракции. Решительный противник рабства и сторонник мирного сотрудничества с местными племенами, он полностью поддерживал главу своего государства — Шарля де Мелье.

Тем не менее почтенный сенатор не стал пренебрегать приглашением. Возможно, раньше он поступил бы именно так, но именно сейчас в нём взыграло любопытство, что пересилило даже неприязнь к Ричарду Беннетту.

«Надо выяснить, что он там задумал. Последний зуб готов поставить на то, что этот прохвост опять будет плести интриги против Мелье.»

С этими мыслями Джон Вест поднялся на высокое крыльцо особняка. Встретивший его здесь дворецкий услужливо проводил гостя к месту встречи. В полумраке большого парадного зала две дюжины человек восседали за длинным столом. При слабом мерцающем свете камина и свечей можно было разглядеть их нарядные одежды из бархата и кружева, что указывало на принадлежность сих господ к высшему сословию.

Тяжёлые створки дверей парадного зала гулко отворились и дворецкий торжественно объявил:

— Господин Джон Вест прибыл!

Взоры людей за столом сперва обратились к новоприбывшему, а затем во главу стола, где в кресле с высокой бархатной спинкой восседал сам хозяин поместья. Тридцати шести лет отроду, подтянутый и высокий как и его самомнение. Хозяин тысяч кабальных слуг, буквально половина Вирджинии числилась у него в должниках и даже те, кто заседал нынче в Сенате, сами некогда состояли у него в услужении, о чём он не забывал им частенько напоминать. Несмотря на аристократические манеры, Ричард Беннетт не был аристократом по происхождению, о чём свидетельствовали его нехарактерные для аристократии мощные крупные ладони и не менее развитые плечи, присущие больше крестьянам и ремесленникам. Такое телосложение, как у мистера Беннетта, имели люди, занятые именно физическим трудом, и оттого особенно нелепо смотрелась его «аристократическая» бледность кожи. Его длинные чёрные волосы спадали до плеч, как это было модно в то время, а пышные усы аккуратно подстрижены и завиты на концах. Завершал его образ делового человека с налётом аристократизма прямой греческий нос.

— А, мистер Вест! Вас-то мы и ждём. — поприветствовал гостя хозяин поместья. — Прошу, проходите, присаживайтесь. — указал на свободное место.

Створки дверей всё с тем же гулким звуком закрылись позади господина Веста. В зале повисла тишина. Все взоры были вновь обращены к новоприбывшему гостю. Затем стук трости по паркету — Джон Вест медленно направился к своему месту.

— Надеюсь, я ничего не пропустил?

По пути он беглым взглядом отметил каждого из присутствующих. Все они были влиятельными членами Сената, но не из тех, с которыми Джон Вест частенько проводил дружеские беседы за чашечкой горячего чая. В основном его политические оппоненты.

— Только самую малость, господин Вест. — ответил хозяин поместья. — Ничего, в процессе всё поймёте.

Вест уселся прямо напротив человека с, пожалуй, самой примечательной внешностью из всех здесь присутствующих. Всё дело в железной маске, что покрывала верхнюю часть его лица, скрывая тем самым уродство. Единственным своим глазом этот человек смерил господина Веста очень холодным взглядом. У любого другого от этого взгляда пробежал бы холодок по спине, но выдавший виды господин Вест и бровью не повёл.

— Господа! — Беннетт поднялся с кресла. — Достопочтенные отцы Сената. Теперь, когда мы все в сборе, полагаю, можем перейти к основной части. Я созвал вас всех с единственной целью — спасти нашу возлюбленную Республику! С Божьей помощью вы вырвем её из лап предателя, тирана и еретика, имя которого нам всем хорошо известно!

Одно лишь упоминание об этом человеке заставило присутствующих тревожно переглянуться. Беннетт между тем продолжал:

— Всем нам хорошо известно, что этот любитель краснозрых и ниггеров жаждет перечеркнуть все достижения нашей богоспасаемой Республики — то, за чем белый человек был призван править этим континентом!

Кто-то из гостей одобрительно захлопал в ладоши. Другие, чуть погодя, последовали его примеру. И только Джон Вест не разделил всеобщего единодушия.

«Ничего нового, — подумал он, — опять плетут интриги против нашего лорда-президента, как я и предполагал.»

Мистера Веста потешила мысль, что все эти заговорщики начали проявлять активность именно сейчас, когда де Мелье отправился в Квебек для ведения переговоров. Действовать прямо у него под носом им явно не хватало духу. Что говорится, кишка тонка.

Словно прочитав его мысли, сидящий напротив человек в железной маске обратился к Ричарду Беннетту:

— Этот лягушатник скоро вернётся. Нам надо действовать быстро.

«Действовать? О чём это ты? Что вы задумали?» — с этой мыслью Джон Вест обратил внимание на других сидящих за столом и да, некоторые из них, похоже, тоже не понимали, о чём идёт речь, озадаченно пялились на соседей.

— Совершенно верно, мистер Грейв. — невозмутимо ответил Беннетт. — Как человек военный, вы сразу переходите к делу. В сложившейся ситуации это чрезвычайно полезное качество.

Уильям Грейв — тот самый человек в маске — был не кем иным, как самим комендантом Джеймстауна. Именно ему подчинялся городской гарнизон.

— Вы что, задумали переворот? — не сдержался и прямо спросил Джон Вест.

Гробовая тишина повисла в зале.

— Мистер Вест, — нарушил молчание Ричард Беннетт, — я понимаю ваше удивление, но в сложившейся ситуации иного выхода у нас нет.

— В сложившейся ситуации? Что вы имеете в виду?

— Господин Мелье предал нашу Республику в тот самый момент, когда отправился в Квебек.

По голосу мистера Беннетта было сложно понять, верит он сам в сказанное или нет. Впрочем, сам Джон Вест нисколько в это не верил.

— Опять берётесь за старое, да, Ричард? — Вест откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. — Мелье — предатель, ничего получше придумать не могли?

Джон Вест, как никто другой знал, что с самого прибытия Мелье в Вирджинию Ричард Беннетт без конца принимал тщетные попытки похоронить его карьеру.

— Боюсь, в этот раз всё серьёзно. — произнёс Ричард Беннетт.

На лицах собравшихся читался немой вопрос: «Правда ли это? Правда ли то, что Шарль де Мелье предал Республику?».

— Бросьте. — усмехнулся Джон Вест. — У вас нет ни единого доказательства, подтверждающего ваши слова.

— А зачем, по-вашему, Мелье отправился в Квебек? Вести переговоры с нашим злейшим врагом — с англичанами!

Ричард Беннетт немного повысил голос.

— Это я знаю. — отмахнулся Джон Вест. — И что? Вы так уверены, что он хочет продать им нашу Республику?

— Позвольте уточнить, — подал голос один очень упитанный господин с заплывшими жиром пороссячьими глазками, — в Англии же сейчас идёт гражданская война, не так ли? С которой из враждующих сторон он ведёт переговоры? С роялистами¹ или с круглоголовыми²?

— И с теми, и с другими, мистер Уайетт. — ответил Беннетт. — Кто предложит лучшие условия, тому он и продаст свою задницу, а вместе с ней и все наши.

— Думается мне, — произнёс долговязый пожилой человек в очках, — это ещё зависит от того, кто выиграет эту войну. Лично я бы поставил на Парламент, у него более серьёзная народная поддержка.

— Да бросьте вы, мистер ван Халлен! — прохрипел комендант Грейв. — Король победит, не иначе! Я сражался с королевскими войсками, я знаю, насколько они ему преданны!

— Да не важно, кто выиграет! — вмешался в спор человек с грубыми чертами лица и седыми сальными волосами. — Важно, что перед победившей стороной Мелье преклонит колено!

— Господа, господа! — прервал спорщиков хозяин поместья. — Вне зависимости от того, кто выиграет, до этого дело не дойдёт! Мы избавимся от предателя прежде, чем в Англии закончится война! Как верно заметил мистер Грейв, времени у нас мало, действовать будем быстро. Мы и так очень долго ждали этого момента. Богом клянусь, ещё день промедления и потомки нам этого не простят.

— Воистину так, мистер Беннетт! — согласился Френсис Уайетт. Его заплывшие жиром глаза блеснули решительностью. — Тем более, Мелье никогда не согласился бы с принятием новой конституции.

— Какой ещё новой конституции? — удивился Джон Вест. — Что я пропустил?

— Кто-нибудь объясните ему. — раздался голос с другого конца стола.

— Да, господин Вест, пока вы опаздывали, мы с остальными рассмотрели проект новой конституции, предложенный господином Ортелиусом. — объяснил Френсис Уайетт.

Только сейчас Джон Вест заметил на столе листы бумаги с печатным текстом. Он взял один, чтобы ознакомиться с его содержанием. По мере того, как его глаза бегали по строкам, его жилистая рука, что держала лист, едва заметно задрожала.

Ричард Беннетт между тем положил ладони на стол и обратился к собравшимся:

¹ Роялисты - сторонники короля Карла I в период Английской революции XVII века

² Круглоголовые - обозначение сторонников Парламента во время Английской революции

— Джентльмены, я полагаю, все остальные уже ознакомились с текстом?

То был риторический вопрос. Члены Сената утвердительно кивнули.

— В таком случае, я готов выслушать ваши вопросы.

— У меня есть вопрос. — Френсис Уайетт положил перед собой экземпляр текста и надел очки в позолоченной оправе. — Здесь сказано, что ОСПА претендует на всю территорию Америки от океана до океана. Означает ли это, что сотни индейских племён занимают нашу территорию незаконно и должны быть выселены все до единого?

— Именно это и означает, мистер Уайетт. Краснокожие не являются гражданами ОСПА, а следовательно, не имеют права владеть здесь землёй. Эти территории отныне подлежат колонизации. Разумеется, без боя они их не отдадут. — выйдя из-за стола, Беннетт принялся с важным видом прохаживаться по залу. — Перед нами огромный неисследованный континент со всеми его природными богатствами и ресурсами, населенный лишь невежественными дикарями. И эта земля — наша! Поверьте, не пройдет и сотни лет, как наша страна раскинется на этих необъятных просторах, а народ наш займет достойное место. Место, которое мы заслужили! Возьмем же то, что наше по праву! — под аплодисменты хозяин поместья, обогнув стол, вернулся к своему креслу, лицо его озарила улыбка. — Ещё вопросы?

— У меня есть вопрос, мистер Беннетт. — сказал человек с грубыми чертами лица и седыми сальными волосами. — Здесь говорится, — потряс в воздухе листом бумаги, — что негры не могут быть гражданами ОСПА. Более того, они не могут быть свободными, вне зависимости от их нынешнего положения.

— Всё верно, господин Смит. — подтвердил Ричард Беннетт. — Не имеет значения, являются ли они долговыми слугами или успели уже отработать себе свободу, всех представителей чёрной расы надлежит обратить в пожизненное рабство и выставить на аукцион. Всё их имущество будет конфисковано в пользу казны.

— Это понятно, — кивнул Йозеф Смит, — но вот восполнит ли это недостаток рабской рабочей силы на табачных плантациях? Почему бы так же не обратить в рабство детей от смешанных браков? У меня в шахте, к слову, ощущается острая нехватка рабочей силы. Не забывайте, Фаллен-Крик обеспечивает железом всю Вирджинию.

— Значение Фаллен-Крик трудно переоценить, мистер Смит. И всё же, в соответствии с новой конституцией рабство пока будет распространяться исключительно на чистокровных нигтеров. Впрочем, будьте спокойны, чёрный континент обеспечит нас отборнейшими рабами в неограниченном количестве. Пока мы тут с вами беседуем, караваны кораблей с невольниками в трюмах уже вовсю тянутся сюда через Атлантику из самого Калабара³!

Заявление Беннетта было встречено бурными аплодисментами.

— Браво, мистер Беннетт, браво! — воскликнул Френсис Уайетт.

— Прошу, господа, задавайте ещё вопросы!

— Скажите, мистер Беннетт, как мы поступим с предателем де Мелье? — прозвучал хриплый, леденящий голос коменданта Уильяма Грейва. — Надеюсь, у него хватит ума не возвращаться из Квебека.

— Вы прекрасно понимаете, Уильям, что Мелье вернётся. Низшие слои населения его любят и он обязательно попытается воспользоваться их поддержкой. Вот только никакой поддержки он от них не дожждётся, этот сброд и палец о палец не ударит, если его хорошенько запугать. А уж никто не справится с этой задачей лучше, чем вы, Уильям.

Ричард Беннетт знал, о чём говорит. Трудно было сыскать на белом свете человека более жестокого, чем Уильям Грейв. Не будь у коменданта влиятельных покровителей, лорд-президент Мелье уже давно бы отправил его в отставку, а может даже и за решётку.

Слова Ричарда Беннетта не на шутку встревожили Джона Веста.

³ Калабар - крупнейший в XVII веке невольничий рынок в Африке

— Я вижу здесь лишь малую часть Сената. — сказал он. — Вы думаете, остальные поддерживают ваш заговор?

— Поддержат, мистер Вест, если к каждому найти подход. К счастью, мы это умеем.

Мистер Беннетт блеснул глазами, как будто золотыми монетами. Богатейший человек Вирджинии, он уже давно подкупил кого нужно. Оставалась только одна загвоздка...

— Шарль де Мелье — лорд-президент ОСПА, — напомнил Джон Вест, — и он наделён правом вето. В его отсутствие этим правом распоряжается его представитель и уж кого-кого, а доверенного представителя де Мелье вы подкупить не могли, мистер Беннетт. Он запретит любое ваше решение.

В зале вновь повисла тишина. С торжествующим видом Джон Вест откинулся на спинку стула и наблюдал за реакцией окружающих. К его большому разочарованию, многие из них улыбались и даже начали посмеиваться.

— Вы всё ещё не поняли, господин Вест, — улыбнулся хозяин поместья, — всем здесь присутствующим плевать на его представителя. Мы низвергнем Мелье большинством голосов и всю полноту власти возьмём в свои руки. Выглядеть это будет примерно так. Господа! — обратился он ко всем присутствующим. — Я считаю, что наш лорд-президент засиделся на своей должности. Вношу в Сенат предложение отправить Мелье в отставку! Кто за?!

— Да!!!

Вверх взвились десятки рук.

— Вот видите, господин Вест, будущее за нами. То, что вы увидели сейчас здесь, непременно произойдёт в Сенате. Остаётся лишь последний вопрос. Вы с нами?

Даже несмотря на их прежние разногласия Ричард Беннетт продолжал рассчитывать на поддержку Джона Веста. С влиянием последнего в Сенате он мог бы без особого труда переманить на свою сторону даже наиболее ярых сторонников де Мелье.

Джон Вест, однако, не торопился с ответом. С задумчивым видом он сидел скрестив руки словно наслаждаясь затянувшимся молчанием. Гробовая тишина повисла вновь в зале.

— Ну? — нетерпеливо потребовал Беннетт.

— Прежде, чем ответить на ваш вопрос, мистер Беннетт, я хочу задать встречный. — Джон Вест допустил паузу. — Неужели вы и вправду считаете рабство чем-то прогрессивным? Вы не раз делали подобные заявления в Сенате. С таким революционным запалом вы отстаивали идею рабовладения, мистер Беннетт, я вами восхищаюсь, серьёзно, я восхищаюсь с каким видом праведника вы идеализируете то, что противно самому Богу.

— Противно Богу?

— Поработать ближнего, превращать его в животное, вот что противно Богу!

Напряжённая пауза.

— Мистер Вест, — обратился к нему Беннетт, — неужели вы всерьёз считаете что какая-либо божья тварь кроме, разумеется, белого человека, может быть подлинно свободной?

— Именно так и считаю.

— Что ж, очень жаль это слышать. Так значит вы не с нами, мистер Вест?

— Вы всё правильно поняли.

Напряжение, казалось, можно было физически ощутить в воздухе.

Доктор ван Халлен попытался разрядить ситуацию:

— Мистер Вест, если всё дело только в работоторговле, полагаю, мы могли бы, — оглянулся на Беннетта, — найти компромисс. Позвольте предложить вам...

— Дело не только в этом. — перебил его Вест. — Вы намерены лишить родной земли тех, кто на ней живёт испокон веков. Кто жил на ней ещё задолго до нашего прибытия сюда.

— Вы про краснозрых варваров? — уточнил Френсис Уайетт.

— Я предпочитаю термин «индейцы». — сухо поправил его Вест. — Они славные ребята. Честные и благородные. Они — мои друзья. Мелье считает так же? Значит я назову его братом.

— Опираясь на трость, Джон Вест поднялся из-за стола. — Вы, верно, считаете Мелье каким-то там жутким тираном, не так ли? Тираном, который посягнул на ваши неприкосновенные «священные» права. На право владеть людьми как скотом, на право отнимать собственность у тех, кто вам не нравится, на право играть в богов на этой земле! Так вот, знайте, вы ошибаетесь! Тираны здесь только вы.

— Негодяй!

— Благодарю за лестную оценку, мистер Грейв. Осуждение из уст труса есть похвала.

— Труса?!

— Не горячитесь, мистер Грейв. — Беннетт предпринял попытку его унять. — Мистеру Весту наверняка есть что сказать.

— Он назвал меня трусом!

— Пусть выскажется.

— А я уже всё сказал. Вы тираны и узурпаторы, коль задумали перечеркнуть всё, за что мы проливали кровь последние четыре года. Серьёзно, что с вами стало? Вы забыли, за что мы боролись? Забыли, что целью нашей революции было построение общества, более справедливого, чем при короле? Так даже при короле признавалось право индейцев владеть землями, где жили их предки. При короле не было рабства, как в испанских колониях.

Беннетт глубоко вздохнул.

— Мистер Вест, вы же понимаете, что испанцы построили своё колоссальное богатство не в последнюю очередь на крови индейцев и поте негров? Их империя охватывает большую часть Нового Света! Зачем было притворяться? Вы же понимаете, что индейцы были нужны нам лишь в качестве военной силы в войне против англичан, но никак не равноправные граждане будущей Республики!

Джон Вест направился к выходу.

— Прощайте, господа.

— Куда же вы, мистер Вест? — крикнул ему вслед хозяин поместья.

— Я слышал достаточно и со всей уверенностью заявляю, нам с вами не по пути. — Вест внезапно остановился. — К счастью, у меня ещё осталось влияние в Сенате. Вот что я вам скажу, ни черта я вам не позволю сделать, пока Мелье не вернётся из Квебека.

— Не позволите?

— Да, мистер Беннетт. Вас по-прежнему меньшинство. По счастью, большинство членов Сената люди здравомыслящие, не подверженные как вы радикальному фанатизму. Сенат никогда не примет вашу конституцию, я об этом позабочусь. Кому-нибудь ещё есть что сказать?

— Стой где стоишь, паскуда!

Грейв вскочил с места и, выхватив из-за пояса пистолет с кремневым замком, прицелился в Веста. Тот медленно повернулся.

— Вы мне угрожаете?

— Да.

Вест лишь усмехнулся в ответ:

— Кажется, я назвал вас трусом, мистер Грейв. Если вы не согласны, предлагаю решить наш спор на дуэли. Сегодня же на рассвете перед зданием Сената. А пристрелить безоружного старика, в чём же тут доблесть? Что скажете, мистер Грейв? Вы принимаете мой вызов?

— Нет.

— Нет?

— Я не претендую на доблесть.

Раздался оглушительный выстрел. Сидящие за столом вздрогнули, а те, кто сидел рядом, даже подпрыгнули на стульях. Пуля пробила Весту горло. Задыхаясь и истекая кровью он повалился на блестящий паркет.

Из-за стола послышались крики:

— Уильям! Какого черта?!

— Ты сошел с ума!!!

Стрелок повернулся к ним, размахивая дымящимся пистолетом.

— Так отныне будет с каждым, кто посмеет пойти против нас.

Десятки полных ужаса глаз наблюдали, как с булькающими звуками из пробитого горла раненый Джон Вест корчится в предсмертных судорогах в луже собственной крови.

— М... м-милосердия ради, кт... к-то-нибудь, до... добейте беднягу Веста.

Никто не дёрнулся.

— Я сделаю это.

В голосе Грейва звучали стальные нотки. Он достал из ножен саблю, взмахом рассёк воздух и направился к жертве. Спустя несколько секунд остриё клинка вошло Весту в сердце и он испустил дух. В зале воцарилась мёртвая тишина, прерываемая тяжелым дыханием ещё не оправившихся от шока.

Внезапно — хлопок. Затем ещё и ещё. Это Ричард Беннетт воздал аплодисменты мистеру Грейву.

— Bravo, мистер Грейв. Чертовски меткий выстрел. Вы только что спасли Республику, мистер Грейв. Республика перед вами в неоплатном долгу.

Глава II. Дневник капитана

Фрегат «Николь» вошел в устье реки Святого Лаврентия. Великолепный парусник, украшенный замысловатой резьбой и гальюнной фигурой⁴ в виде прекрасной русалки, держал курс на Квебек — в самое сердце Новой Франции⁵. В роскошной капитанской каюте позолоченная резьба украшала переборки. Мебель из драгоценных пород красного дерева, персидские ковры, картины с изображением морских баталий — всё это дополняло царившее здесь великолепие.

За большим письменным столом, задумчиво склонившись над картой Северной Америки, восседал хозяин всей этой роскоши — капитан Шарль де Мелье. Чрезвычайно развитые челюстные мышцы выдавали в нём гасконца. Продолговатое смуглое лицо, едва тронутое мелкими морщинками на лбу и у рта. Чёрные кудрявые волосы с едва тронувшей их сединой ниспадали до плеч. Лицо украшали роскошные, лихо закрученные вверх усы. Выдающиеся скулы свидетельствовали о природной хитрости. Орлиный нос, ярко-голубые глаза и волевой взгляд выделяли, как человека решительного. Особая осанка выдавала в нём аристократа, который знает своё место в мире и всегда поступает по чести. Шарлю было уже за сорок — солидный по тем временам возраст. Возраст, когда у наследников королей уже подрастают собственные наследники. Однако по неведомой причине выглядел он моложе, несмотря на все испытания, что преподнесла ему бурная жизнь. Определить по лицу гасконца его истинный возраст для простого обывателя, незнакомого напрямую с этими горцами, и вовсе кажется задачей невыполнимой. Гасконец в глазах других будто всегда выглядит моложе своих лет.

Откупорив бутылку арманьяка, де Мелье сделал глоток. Крепкий напиток обжёг ему горло. Такой крепкий, что, как считалось, только гасконцы и могут его пить. Отпив из бутылки, он на время отставил её подальше, поскольку пить из горла потомку гасконских герцогов не позволяло благородное происхождение. Его отец всегда учил: «Запомни, сын, пьют из горла лишь простолюдины, да невежды. Всегда пей только благородные напитки и только из кубков. А если застанет тебя нужда в боевом походе и придётся таки пить из горла, то пей лишь с равными тебе и лишь с теми, кого назовёшь ты братьями по оружию».

Поднявшись из-за стола, капитан подошёл к буфету и извлёк из него добротный золочёный кубок, когда-то давно добытый во время похода на Гавану. Обычный, ничем не примечательный кубок из коих пьют вино distinguished лорды, герцоги и графы. Затем Мелье подошёл к ветхому морскому сундуку и, достав из него потрёпанный дневник в чёрном кожаном переплёте, вернулся обратно за стол.

«Сколько воды утекло с тех самых времён, когда я сделал первую запись. — подумал капитан, бережно проведя ладонью по кожаному, потрескавшемуся от старости переплёту. — Сколько воспоминаний хранят страницы этого дневника.»

Наполнив кубок до краёв, капитан открыл одну из первых записей на пожелтевшей от времени бумаге.

1 февраля 1625 года

На борту ихуны «Солёная устрица» я покидаю порт Кале. Пересеку Ла-Мани и, возможно, навсегда оставлю родную Францию. Кто бы мог подумать, что всё вот так обернётся? На той злополучной дуэли я тяжело ранил Юбера де Майе-Брезе — супруга моей возлюбленной Николь. Возможно, всё обошлось бы, не будь она сестрой Его Высокопреосвященства кардинала Ришелье!

⁴ Гальюнная фигура - украшение на носу парусного судна

⁵ Новая Франция - общее название французских владений в Северной Америке

Шестеро гвардейцев составили компанию любезному де Майе-Брезе на пустыре возле монастыря Пре-о-Клер, где и состоялась наша дуэль. Сначала они наблюдали, как мы машем шпагами, а когда я ранил этого рассерженного рогоносца, напали на меня шестером. Гвардейцы кардинала в массе своей неплохие бойцы, но проигрывают нам — королевским мушкетёрам — на практике. Ещё бы! Пока они патрулируют парижские улицы вместе с городской стражей, мы принимаем участие во всех войнах Его Величества, сопровождаем его повсюду, во всех походах, где требуется доказать силу французского оружия! В результате мне не составило особого труда одолеть этих горе-воjak. Они собирались арестовать меня за участие в дуэли. Ха! Умно придумано. Если бы победил де Майе-Брезе, ему, как доверенному лицу кардинала, ничего бы не было. Со мной же решили поступить иначе. И вот, в итоге, пятеро из тех гвардейцев сейчас, надо полагать, поправляют здоровье в монастыре Пре-о-Клер, а шестой отправился к праотцам.

Гнев кардинала достиг бы меня, прими я решение остаться во Франции! Прости, Николь, я был вынужден спешно покинуть пределы королевства... Даже не успел с тобой попрощаться...

Горько вздохнув, де Мелье задумался.

Николь... интересно, она всё так же молода и прекрасна? Почти двадцать лет прошло со дня нашей последней встречи.

В сознании всплыл яркий образ молодой женщины с чёрными как смоль волосами. Вьющиеся локоны, ниспадающие на узкие её плечи. Изящные изгибы её тела. Нежная как шёлк кожа, её белые груди и розовые сосцы. Её фигурка, хрупкая словно хрусталь, была совсем не похожа на фигуры придворных девиц и уж тем более девиц из третьего сословия⁶. Она была самой Афродитой во плоти! Красавица парижанка с карими глазами и томным игривым взглядом. О, этот взгляд, что сводит с ума, завораживает и не дает покоя, не отпускает до самого конца. Гасконец забывал обо всём на свете, когда видел эти глаза.

И сейчас, погрузившись в воспоминания об этих глазах, Мелье расплылся в улыбке.

«Как же хорошо мне было тогда.»

Теперь же выразительный взгляд Николь исчезал в тумане всех прочих воспоминаний, приятных и неприятных, пока совсем не растворился, мелькнув напоследок двумя огоньками пронзительных глаз.

Тяжело вздохнув от горечи утраты, гасконец продолжил чтение:

Эх, а ведь как всё хорошо начиналось. Я — корнет роты королевских мушкетеров и герой осады Монпелье — нежась в постели с моей милой Николь, уже мечтал вместе с ней, как великолепно будет смотреться на мне плащ лейтенанта королевских мушкетёров. Однако всё пошло не так, как мы с Николь желали. И в первую очередь я сам виноват в произошедшем.

Прощай, Николь, любовь моя! Прощай моя карьера в гвардии Его Величества Людовика XIII. У меня — потомка гасконских герцогов — за душой ничего боле не осталось кроме пары сотен экю⁷, да фамильных реликвий: медальона матери и шпаги отца.

Прочтя эти строки, Мелье нащупал под рубашкой медальон матери, инкрустированный шестнадцатью бриллиантами в золотой оправе, с экзотическим камнем в центре. С таким же камнем, но бóльшим по размеру, у него когда-то был перстень. Алмаз тот не обычный, но «полярный», с голубыми переливами — большая редкость. Теперь же перстня у него с собой

⁶ Третье сословие - во Франции Старого порядка (с конца Средневековья до начала Великой французской революции 1789 года) все группы населения за исключением привилегированных: духовенства (первое сословие) и дворянства (второе сословие)

⁷ Экю - французская золотая и серебряная монета, имела хождение с XIII по XIX вв.

не было. Эту реликвию он подарил Николь. С тех пор эта вещица служит ей напоминанием о её возлюбленном де Мелье.

Гасконец продолжил чтение:

2 февраля 1625 года

Поднимается сильный ветер. Господи, как же холодно!

Кутался в плащ... не помогло. Я весь продрог до костей, я едва чувствовал пальцы! Как будто этого мало, ночью выпал снег.

Ранним утром на горизонте вырос высокий берег за снежной завесой. Старая добрая, чёрт её дери, Англия. Я никогда ранее не был на этом проклятом Богом острове. Чего ещё можно ожидать от Туманного Альбиона? Ничего хорошего, если верить рассказам моих соотечественников.

Если бы не Генриетта Мария — сестра Его Величества Людовика XIII, я бы и вовсе не отправился к английским берегам. Ходят слухи, что скоро она станет женой Карла Стюарта — сына Его Величества Якова Стюарта и наследника английского престола. Совсем скоро будущая королева прибудет в Англию и, быть может, мне удастся получить достойное место при её дворе. Теперь она единственная связывает меня с покинутой Францией.

Я высадился в грязной дыре под названием Фолкстон, имея при себе лишь пару сотен экю. Маловато, конечно, но вполне хватит на первое время. За 50 — 60 экю куплю себе доброго коня и ботфорты с камзолом за 10 — 20 экю. Оставшейся суммы должно хватить на еду и пару месяцев ночёвок в местных клоповниках.

Едва я сошёл с корабля как меня тут же окружило это чёртово отребье, что зовётся вербовщиками, призывая вступить во флот. Ох и шустро же они бежали до самой ратуши с исполосованными в кровь задницами. Пусть знают, каково это предлагать мне, потомку великих герцогов Гаскони, стать каким-то там жалким моряком.

Лицо Шарля де Мелье озарила усмешка и он вновь отложил на время чтение дневника, предавшись воспоминаниям.

Кто бы мог подумать, что я тогда всерьёз и надолго свяжу свою жизнь с морем. Воевать на море в мои планы уж никак не входило. Я ведь тогда фок-мачту⁸ от грот-мачты⁹ отличить не мог, а уж служить во флоте и вовсе считал занятием недостойным благородного дворянина. Туда же набирали всякий сброд, что пренебрежительно называет нас сухопутными крысами. Впрочем, какое мне дело до того, что обо мне думают? Не каждый осмелится сказать мне это в лицо. А всех остальных смельчаков, кто всё же осмеливался это сделать, я всегда знакомил поближе со своей подружкой шпагой и её верным братцем дагой¹⁰. После подобных знакомств, как правило, претензии ко мне отпадали. Эх, молодость, прекрасная пора, когда с тобой лишь шпага, безрассудство и верный конь! И никакой ответственности. Как же всё поменялось.

Мелье тяжело вздохнул и очередным глотком запил горечь воспоминаний. Продолжив перелистывать страницы, он остановился для прочтения следующих записей:

12 февраля 1625 года

Спасаясь от холода, нашёл убежище в местном борделе. Вообще, не думал сюда заходить, но проходя мимо как будто увидел в окне Николь. Неужто мне мерещится? Ах, Николь, как же я скучаю! Местная жрица любви по имени Шарлотта уж очень сильно на неё похожа.

⁸ Фок-мачта - первая, считая от носа к корме, мачта на судне с двумя или более мачтами

⁹ Грот-мачта - вторая, считая от носа к корме, мачта на судне. Наиболее высокая мачта на двух- или трёхмачтовых судах

¹⁰ Дага - кинжал для левой руки при фехтовании шпагой. Имел широкое распространение в Европе XVII века

Всё те же чёрные волосы, карие глаза, игривый взгляд. Надеюсь, я не схожу с ума. Я не смог устоять и провёл с ней жаркую ночь. На губах всё ещё чувствую вкус её женских выделений, а в душе пустота. Она не Николь, просто похожа... и не так хороша в постели, к слову. Настоящая же Николь сейчас недостижима как луна.

20 февраля 1625 года

Чёртова погода! Отродясь не болел, а тут вдруг простыл. Чувствую себя поистине паршиво. Голова раскалывается, нос забит дрянью... похоже, у меня жар... ещё и тошнит. Никогда ещё мне не было так погано! Чёртова Англия! Ненавижу её!

Горечь воспоминаний нахлынула с новой силой. Как же он настрадался в те дни. Но вот зима закончилась и впереди замаячила перспектива королевской службы...

27 марта 1625 года

Король умер, да здравствует король!

Прибыв сегодня в Лондон, я узнал, что Яков Стюарт скончался. Теперь у Англии новый король — Карл. Чёрт побери! Фортуна вновь и вновь поворачивается ко мне задом! Придётся отложить аудиенцию до окончания траура. Как же мне уже осточертели эти туманы и бесконечная сырость. В тавернах вместо вина подают это мерзкое пойло под названием эль. На большее не хватает денег. У меня осталась лишь пара медных су¹¹. Придется всё же вербоваться во флот. Какой позор! Хорошо, что Николь не видит, как низко я пал.

13 апреля 1625 года

Ходят слухи, что намечается какая-то крупная экспедиция против испанцев. Для меня это отличная возможность себя проявить. Скорее бы выйти в море, а то уже начинаю сходиться с ума. Это место — сущий ад.

Начало правления Карла Стюарта ознаменовалось крупнейшей военной неудачей.

«Вступив во флот, я принял участие в той злополучной „пьяной экспедиции“ против испанского города Кадис. — вспомнил де Мелье. — Сокрушительный провал.»

Впрочем, несмотря на то, что успех Френсиса Дрейка полувековой давности¹² повторить не удалось, именно тогда Шарль де Мелье получил свой первый военно-морской опыт. Пьяной же эту экспедицию прозвали потому, что после взятия испанского бастиона Пунталь (во время штурма Мелье, к слову, храбро сражался в первых рядах, встав во главе небольшого отряда солдат) англичане и их союзники голландцы обнаружили в окрестностях винные погреба и напились до поросычьего визга. О дальнейшем штурме Кадиса не могло быть и речи — солдаты едва стояли на ногах, а некоторые и вовсе не стояли. Только Мелье и его соратники не притронулись к вину. Всё, что оставалось англичанам — отступить с большими потерями назад в Англию.

Пролистав неизвестное количество страниц, капитан остановился на следующих строках:

27 декабря 1625 года

Наконец-то! Мой контракт закончился! Я свободен! Большие никаких ночных вахт! Чем же мне теперь заняться? Может пойти на службу к лорду Сесилу? После Пунталя, мне кажется, я у него на особом счету. Правда, после всей этой эпопеи с окружением Кадиса он временно отстранён от управления войсками. Однако у него есть нечто более весомое, чем

¹¹ Су - французская серебряная и медная монета XIII - XVIII вв.

¹² В 1587 году английская эскадра под командованием Френсиса Дрейка разгромила испанскую флотилию в гавани Кадиса

его должность — его связи. Ему покровительствует сам герцог Бекингем — фаворит Его Величества Карла Стюарта. Чем не шанс вступить в королевскую гвардию?

2 января 1626 года

Мне удалось встретиться с лордом Сесилом. Поразительно, но он не забыл обо мне. Более того, он отложил все свои дела и пригласил меня на семейный ужин. За ужином он так расхваливал перед своей семьёй мою отвагу и находчивость при взятии Пунталя, что я покраснел несмотря на смуглую кожу. После ужина, проводив жену и детей в спальню, лорд Сесил выслушал мою просьбу о переводе в королевскую гвардию... и был вынужден отказать. Отказ объяснил шаткостью своего положения при дворе. Вместо этого он предложил мне помощь в получении каперской грамоты, уверяя, что каперство для меня наилучший вариант. Я обещал подумать. Заниматься каперством это ниже моего достоинства. Ведь я, как-никак, граф Арманьяк, потомок герцогов Гаскони.

«А всё-таки этот пройдоха лорд Сесил был прав. — подумал Мелье, вновь наполняя кубок. — *Sit tibi terra levis*¹³, лорд Сесил!»

15 января 1626 года

Через слугу лорда Сесила я принял от казначейства расписку на получение 20 000 фунтов и каперскую грамоту на моё имя. В письме лорда Сесила прочёл следующее — «Корабль ждёт своего капитана, господин де Мелье. Не забудьте дать ему имя и поблагодарить Его Величество за оказанную вам честь».

И вот я счастливый обладатель лицензии на морской грабёж. Боже, как низко я пал. Ниже некуда. Раскатал губу на королевскую гвардию, как же. Хотя, должен признать, корабль очень даже недурно выглядит. Особенно русалка на носу, ну вылитая Николь.

Неужели лорд Сесил рассмотрел во мне задатки морского волка? Как бы там ни было, людям такого ранга, как лорд Сесил и король Карл, невозможно отказать. Если они что-то дарят, то точно с намёком. Бежать некуда, либо в каперы, либо в Бастилию. Выбор очевиден. Хотя бы увижу Его Величество. Да и не пропадать же усилиям лорда Сесила даром.

Необходимо придумать название кораблю. Его Величество обязательно заинтересуется об этом. Глядя на русалку мне внезапно приходит мысль — А что если назвать этот фрегат в честь моей возлюбленной Николь? Я слышал, моряки часто дают своим кораблям женские имена и относятся к ним, как к женщинам. И если уж мне суждено всю жизнь бороздить моря на этой посудине, пусть она носит имя любимой моей женщины.

Николь... эх, Николь, как ты там без меня?

Этим вопросом Мелье задавался и спустя почти двадцать лет со дня их последнего свидания.

После очередного глотка гасконец перелистнул множество страниц. Внимание его привлекли следующие записи:

12 июня 1630 года

Удачный день. Захватил небольшую флотилию у самых берегов Кадиса — три галеона с грузом золота и серебра из шахт Вест-Индии¹⁴ пересекли Атлантику и лишь немного не добрались до испанского порта. Как удачно, что основные силы испанцев, охранявшие Кадис, в это время оттянула на себя подошедшая так вовремя английская эскадра. Впоследствии англи-

¹³ Пусть земля тебе будет пухом (лат.)

¹⁴ Вест-Индия - традиционно-историческое название островов Карибского моря

чане были вынуждены вновь отступить. Этот Кадис — какое-то проклятое место, никак не можем его захватить. Впрочем, я всё равно доволен. Благодаря английской эскадре мне удалось увести испанские галеоны на глазах у всего Кадиса.

3 июля 1630 года

Из Франции пришло письмо от Николь. Она пишет, что очень скучает и изыскивает все возможные средства чтобы вернуть меня обратно во Францию. Ах, Николь, как же я тебя обожаю за твою детскую наивность. У тебя уже дочка и сын, а ты всё ещё веришь, что написанное тобой никто кроме меня не читает. Люди Его Высокопреосвященства повсюду и они не дремлют.

Мелье задумался:

Отважных людей вроде меня кардинал обычно вербует на службу и в тот раз мог с лёгкостью меня помиловать за участие в дуэли, если бы я не спал с его сестрой. Его Высокопреосвященство старался, обычно, сквозь пальцы смотреть на похождения Николь, ведь его любвеобильная сестра была глубоко несчастна в браке. Однако публичный позор, что я устроил на дуэли её мужу, всячески унижая его мужское достоинство, невозможно было простить, ведь я бросил тень на репутацию не только этого рогоносца, но и самого кардинала. Половина монастыря и ещё толпа зевак сбегалась на звон шпага и видела, как я насмеялся над Юбером де Майе-Брезе. И ладно бы только рогоносца побил, но одолеть в одиночку шестерых гвардейцев Его Высокопреосвященства... такого оскорбления кардинал простить уж никак не мог, его шпионы ещё долго преследовали меня в Англии.

Что касается войны с испанцами, тот бой стал последним в этой войне. Когда захваченные галеоны оказались на безопасном от Кадиса расстоянии, Мелье присоединился к сражению, потопил четыре галеры и взял на абордаж тяжёлый галеон. Испанскому флоту был нанесён большой урон и сопротивляться всё возрастающему натиску каперов у своих берегов Испания уже не могла. Граф-герцог Оливарес¹⁵ охотнее пошёл на мирные переговоры. Крупные стычки практически прекратились и король пригласил Мелье в Уайтхолл¹⁶ для вручения награды.

Гасконец перелистнул страницу.

Вот он — очередной день, перевернувший всю мою жизнь...

15 июля 1630 года

В руках я держу королевскую грамоту, подписанную Его Величеством Карлом Стюартом. За военные успехи в Старом Свете король назначил меня адмиралом Виргинской флотилии и губернатором Вирджинии. Подумать только, какие замечательные перспективы открывает предо мной сей документ. Да, это целиком и полностью моя, кровью заслуженная награда! Пять лет, долгие пять лет каперства на службе английской короны вполне достаточный срок, особенно для меня — потомка гасконских герцогов, чтобы получить эту соответствующую моему титулу должность! Меньшего граф Арманьяк не заслуживает!

Кроме того, я получил перстень с руки Его Величества. Перстень ценою в тысячу пистолей. Дааа, Карл Стюарт тот ещё скряга, почище Людовика XIII будет. Такой перстень постеснялся бы дарить даже самый захудалый французский граф.

Эх, ну зачем я вспомнил Францию, там же Николь...

¹⁵ Гаспар де Гусман Оливарес - фаворит испанского короля Филиппа IV, управлявший страной в 1622 - 1643 гг.

¹⁶ Уайтхолльский дворец был основной резиденцией английских королей в Лондоне с 1530 по 1698 год, когда он сгорел. На момент пожара во дворце насчитывалось свыше полутора тысяч помещений, что делало его самым большим во всей Европе

«У Его Величества наверняка там целая шкатулка припасена с дешёвыми перстнями для пожалования с королевской руки. — недовольно помыслил Мелье. — Держу пари, когда я ушёл, он достал из другой шкатулки дорогой перстень и со словами „избавился от очередной дешёвки“ надел его себе на палец.»

Война заканчивается и каперы в Старом Свете уже не нужны. Неуёмные амбиции Мелье пугали короля. За пять лет этот капер захватил не меньше сотни испанских кораблей и ещё столько же потопил.

«Держу пари, Его Величество тогда решил отослать меня подальше от Англии, лишь бы я ничего не натворил. — подумал Мелье. — Перемирие с испанцами — штука хрупкая. Тогда же из колоний как нельзя вовремя пришла весть о гибели губернатора Вирджинии.»

Шарль тогда ничего практически не знал о Новом Свете. Лишь отрывочные рассказы, услышанные в тавернах и в салонах. Все его познания упирались в три факта: там есть красноекожее полуголые дикари, там выращивают табак, оттуда течёт испанское золотишко. Как раскуривают табак он знал — видел в парижских салонах. Однако его это увлечение нисколько не интересовало. На войне он видал и не такое задымление, а вкус и запах табака — та ещё мерзость. Куда как приятнее вдыхать аромат пороха. Впрочем, и от вдыхания пороха Мелье не испытывал особого удовольствия, воспринимая этот запах как военную необходимость. Золото Мелье с успехом добывал и в Старом Свете, пусть оно и было американского происхождения. Что действительно привлекало гасконца, так это украшения и предметы быта коренного населения. Воистину, в нём жила душа эстета, ценителя искусств и красоты женского тела. В какой-то момент Новый Свет поманил гасконца своим неповторимым духом приключений, романтики и новых открытий. Ранее Мелье и подумать не мог, что ему не просто доведётся побывать в Новом Свете, но даже возглавить одну из колоний. Когда Мелье брал на бордаж испанские галеоны с золотом из шахт Новой Испании¹⁷, даже тогда он не мог предположить, что будет тем же самым промыслять и в водах Карибского архипелага. Разумеется, Мелье отослали в Вирджинию не просто так, а с секретным заданием от короля — развить систематический грабёж испанских судов и колоний. Те же самые караваны ему теперь предстояло щипать уже здесь — на дальних подступах. Конечно, война закончилась, но только не в Новом Свете. Боевые действия здесь шли по особым правилам и не прекращались даже в мирное время. Да и скучно настоящему каперу живётся без пиратского ремесла, без романтики настоящего морского боя.

1 августа 1630 года

Корабль снаряжен и готов пересечь Атлантику. Команда укомплектована, припасы в трюме, днище очищено от ракушек.

«Николь» покидает Портсмут с утрением отливом. Ветер нам благоприятствует.

Вирджиния — далёкая колония по ту сторону океана со столицей в Джеймстауне, была основана Виргинской компанией в 1607 году и названа в честь королевы-девственницы Елизаветы I.

Когда король Яков Стюарт отказался от колонизации Нового Света, частные акционерные общества взяли инициативу в собственные руки. Однако в 1624 году компания утратила патент и Вирджиния стала королевской колонией с назначаемым из метрополии¹⁸ губернатором. Шарль де Мелье был назначен на эту должность после гибели в стычке с индейцами своего предшественника — мистера Блэквуда.

¹⁷ Вице-королевство Новая Испания - испанская колония в Северной Америке, существовавшая в 1535 - 1821 годах

¹⁸ Метрополия - государство по отношению к своим колониям, поселениям за пределами своих границ и эксплуатируемым территориям

3 августа 1630 года

3 день плавания

Берега Англии растворились в густом тумане. Возможно, я уже никогда не увижу Туманный Альбион... и слава Богу! Чёрт бы побрал эти дожди и туманы. Прощай, поганый берег! Прощай, прогнившая Англия! Удачи! Надеюсь, мы никогда с тобой больше не увидимся. И передай Карлу Стюарту привет!

7 августа 1630 года

7 день плавания

У мсье ван Халлена обнаружилась морская болезнь, совладать с которой он, даже как опытный доктор, оказался не в силах. Судовой врач целыми днями сидит в своей каюте и блюёт в ведёрко. Пытался ему посоветовать средства из народной гасконской медицины, но, похоже, от моих советов ему только хуже. Надеюсь, до конца плавания он не выблюет из себя остатки жизненной силы, ведь без него половина команды передохнет от цинги и прочих болячек, не успев причалить. Хорошего доктора в наши дни чёрта с два сыщешь, а ван Халлен воистину профессионал своего дела. Как говорят, такой специалист даже мёртвого на ноги поставит. К тому же он единственный на этой посудине образованный человек. Единственный, с кем можно побеседовать о смысле жизни и высших ценностях. Не то что эта матросня, у которой все разговоры о сиськах служанки Бетти из таверны Портсмута.

Ещё ван Халлен пишет какой-то трактат по медицине. Будет интересно прочесть на досуге.

19 августа 1630 года

19 день плавания

У Азорских островов наткнулись на испанский золотой флот¹⁹, что встал здесь на якорь для пополнения припасов. Флотилия в дюжину тяжелых галеонов. Формально наши страны уже не враги, но чёрта с два эти кастильцы подпустят нас к островам ближе, чем на пушечный выстрел! Можно подумать, я собираюсь их грабить. Всего лишь хотел пополнить запасы пресной воды. Конечно, я мог бы напасть под Весёлым Роджером будь у меня флотилия хотя бы ещё в пару-тройку фрегатов, таких как «Николь». На одном же корабле я точно нападать не решусь.

25 августа 1630 года

25 день плавания

Беседовал с ван Халленом. Ему уже гораздо лучше. Голландец убеждал меня, что земля наша круглая и в качестве доказательств ссылался на кругосветные экспедиции Хуана Себастьяна дель Кано, Френсиса Дрейка и Оливье ван Ноорта. Допустим, так и есть, земля наша круглая, как тогда объяснить, почему океан снизу не выливается? Ван Халлен говорит, что какая-то неведомая сила удерживает воду. Что это за сила? Светило науки так и не смог ответить на этот вопрос, мол наука ещё не готова дать ответ. Божий замысел? Вряд ли ван Халлен так считает. Вряд ли этот учёный голландский хер вообще верит в Бога. Когда же я поведал ему, что всю жизнь считал (и как мне кажется, до сих пор продолжаю считать), что земля наша плоская, голландец с усмешкой поинтересовался, почему тогда океан не выливается через край? За ответом я в карман не полез и заявил, что земля наша не поверхность стола, а огромная чаша!

— Чаша, что покоится на спинах трёх китов?

¹⁹ Серебряный или золотой флот - военно-транспортная флотилия Испанской колониальной империи, предназначавшаяся для вывоза из американских колоний в Европу разнообразных ценностей: серебра, золота, бриллиантов, пряностей, табака и шёлка

Учёный голландский хер и не скрывает усмешки. Я ответил, что когда доберусь до края земли, то обязательно это проверю.

К слову, поговаривают, что край земли расположен как раз где-то за Вирджинией. Как знать, быть может ещё полюбуюсь сверху на спину громадного кита? Что ты тогда скажешь, ван Халлен?

31 августа 1630 года

31 день плавания

Если расчёты наши верны, мы прошли уже полпути и покачиваемся сейчас на волнах где-то посреди Атлантики. Вокруг нас простирается бесконечный чистый горизонт. Подумать только, сколь велик этот мир. И мы в самом центре этого мира. На небе ни облачка. Идём под попутным северо-восточным ветром. Для фрегата моя «Николь» весьма быстроходна. Не раз уже упоминал и вновь повторяю, как гармонично она сочетает в себе скорость и огневую мощь. Совсем скоро мы будем наводить ужас на всё побережье Испанского Мэйна²⁰!

10 сентября 1630 года

41 день плавания

Сегодня узрели одно из тех мифических чудищ, что изображают на старых картах. Величавое создание, что бороздит просторы океанов с самого сотворения мира. Это кит и, клянусь морским дьяволом, сей гигант больше нашего корабля! Огромный, словно остров, словно большая гора. При погружении он машет массивным хвостом, словно веером, и выпускает фонтан подобно горячему, как кровь Сатаны, гейзеру. Конечно, это не один из тех трёх китов, на спине которого покоится этот мир, но тоже впечатляет.

Сколько ещё чудес скрывает горизонт?

23 сентября 1630 года

54 день плавания

Земля!!! Вот они перед нами — величественные берега Нового Света! К сожалению, это пока ещё не Вирджиния.

Мы причалили к Бермудским островам. Приятно, конечно, почувствовать твёрдую землю под ногами спустя почти два месяца плавания, но, вообще, нас здесь быть не должно. Штурман Маккарелли напортачил с координатами и мы немного отклонились от курса. Чёртов ирландский засранец! Понижаю его до рулевого! Ладно, хотя бы пополним припасы, а то корабельные крысы нынче особенно прожорливы.

Исла де Бермудес — так называется местное пиратское гнездо. Ха, никогда не забуду эти удивлённые пиратские физиономии, когда они увидели, что в их воды забрёл аж целый фрегат! Тяжёлые корабли, оказывается, редкие гости в этих краях. Да и не так-то просто миновать все эти скалы, не вспоров брюхо своей посудине. Серьёзно, здесь тысячи скал, они угрожающе торчат из воды как зубья дракона и скалятся на незваных гостей. Линейный корабль здесь точно застрянет, тяжёлый галеон пойдёт на дно морское. На скалах то и дело попадают полусгнившие остовы. Неудивительно, что пираты облюбовали это местечко — испанским боевым армадам здесь попросту не пройти. На своих же манёвренных бригантинах флибустьеры неплохо так наловчились лавировать между скалами.

29 сентября 1630 года

60 день плавания

²⁰ Испанский Мэйн - владения Испанской колониальной империи на северном побережье Южной Америки и в Карибском море

В пиратском поселении закупились провизией, пополнили запасы пресной воды, да подлатали пару щелей в корпусе «Николь». Матросы, как только сошли на берег, разбрелись кто куда и в целом неплохо так отдохнули в эти дни. Под «отдохнули», конечно же, имею в виду — напились до поросячьего визга. Никакого понятия о культуре, зато веселиться умеют, чертяги. Жаль, распутных девок на этом острове для них не нашлось, это же не Тортуга и не Порт-Ройял. Вот в Порт-Рояле, говорят, бордель на борделе, от шлюх нет проходу, настоящий карибский город греха! Как-нибудь туда наведаемся, но ещё ой как не скоро. Здесь же любителям трахнуть экзотическую красавицу ловить нечего. Вообще, с девками на Бермудах как-то туговато, ни одной здесь не увидел. Неудивительно, что местное отребье сразу же положило глаз на мою Айну. Впрочем, я за неё спокоен. Моя чернокожая пиратка себя в обиду не даст. Когда местный пьяный мудака пристал к ней с непристойным предложением, что-то в духе «Детка, хочешь тебя отымеет настоящий морской волк?», он тут же лишился пальцев. Он и дёрнуться не успел, как Айна выхватила катану. Теперь этому «морскому волку» придётся прочить левой рукой.

30 сентября 1630 года

61 день плавания

Снимаемся с якоря. Пора продолжать путь. Мы и так сильно задержались.

Из головы не идёт та глупая байка о корабле-призраке, что поведал нам старый моряк в бермудской таверне. Говорит мол бороздит здешние воды какая-то непонятная мрачная посудина и сулит беду всякому, кто увидит её. Ещё что-то говорил о таинственном острове, состоящем из остовов и обломков кораблей, потерпевших крушение после встречи с той посудинкой.

Обсудил это дело с ван Халленом. Тот скептически отнёсся к байкам о кораблях-призраках. Говорит, что встреча в открытом море с кораблём без команды на борту сулит, разве что лёгкую добычу. Что же касается того таинственного острова, ван Халлен говорит о круговых течениях Саргассова моря из-за которых обломки, водоросли и прочий океанский мусор сбиваются в целые острова и острова те нарастают новыми обломками как снежный ком. Интересная, конечно, теория.

8 октября 1630 года

69 день плавания

Поднимается сильный ветер.

Моряки клялись, что видели корабль-призрак в утреннем тумане. Тоже наслушались глупых баек в бермудской таверне? Небось слегка перебрали минувшей ночью.

А ветер-то меж тем крепчает...

9 октября 1630 года

70 день плавания

Надвигается буря. Тучи сгущаются. И нет возможности обойти эту бурю, ровно как нет поблизости укромной бухты, чтоб эту бурю переждать.

Делать нечего, пойдём сквозь ураган!

11 октября 1630 года

72 день плавания

Вчера пережили ужасный шторм. Снасти порваны, обшивка повреждена, паруса сорваны, двух матросов смыло за борт. По иронии судьбы один из тех матросов клялся, что видел корабль-призрак.

Как назло, после бури наступило затишье. Шторм сменился штилем. Теперь мы во власти течений Саргассова моря. Обессиленные борьбой со стихией матросы валяются на палубе едва живые от усталости. Солнце печёт как на одном из последних кругов ада, не помню точно, на котором именно. А может мы уже в аду? Если ещё нет, то очень скоро там все окажемся, если в ближайшие дни не покинем полосу штиля. Беда в том, что во время шторма раскололись бочки с питьевой водой. Не все, конечно, но этого достаточно, чтобы умереть мучительной смертью от жажды.

Господи, как же хочется пить!

14 октября 1630 года

75 день плавания

Аллилуйя! Боги услышали наши молитвы! Юго-восточный ветер наполнил паруса. Ах, как их хлопанье на ветру ласкает наши уши. Фортуна вновь повернула к нам свой светлый лик. Молюсь теперь чтоб боги не сменили милость на гнев.

18 октября 1630 года

79 день плавания

Трое умерли от жажды. Их тела были преданы морю. Если ситуация не изменится, мы скоро последуем за ними.

19 октября 1630 года

80 день плавания

Слава богам! Они обрушили на наш корабль ливень, наполнили все имеющиеся у нас водосборники. Теперь мы точно доберёмся до Вирджинии живыми!

23 октября 1630 года

84 день плавания

Земля!!!

Я обещал 10 шиллингов тому, кто первый увидит землю. Рулевой Макарелли, хитрец, обогатился за счет этого.

Никогда де Мелье не забудет, как стоя на квартердеке²¹ с подозрной трубой в руках, он, пронизывая взглядом утренний туман, пытался лучше разглядеть эти крутые серые берега. Поистине незабываемые эмоции он испытал в тот самый миг, когда узрел сию картину, способную внушить благоговейный трепет даже самому лишенному эмоций человеку.

Корабль вошёл в Чесапикский залив, затем в устье реки Джеймс. Вокруг сплошной туман, настолько густой, что нет почти ни намёка на то, что земля совсем близко, только чайки кружат над кораблём, кричат... и гадают на палубу. Эх, никогда ещё так не радовался обгаженной чайками палубе. Но из-за тумана ни черта не видно. Мне пришлось взобраться на самую верхушку фок-мачты и я оказался над туманом... и вот тогда передо мной открылся потрясающий вид. Джеймстаун предстал во всём его очаровании. Это, конечно, не Париж, но тоже неплохо!

Джеймстаун представляет из себя треугольный бревенчатый форт и прилегающие к нему кварталы, расположенные на небольшом полуострове, отделенном от большего по размерам полуострова Вирджиния узким перешейком.

²¹ Квартердек (шканцы) - приподнятая часть верхней палубы в кормовой части корабля, откуда осуществлялось управление кораблём

На самом деле, увиденное тогда слегка разочаровало нового губернатора.

«Эх, — подумал Мелье, — какой же я наивный, ожидал здесь увидеть каменные стены, громадный бастион и высокие шпили кафедральных соборов.»

А вместо этого всюду грязь под ногами чавкает, свиньи валяются в лужах прямо посреди улиц и здесь же кучи лошадиного навоза и запах конского пота, обшарпанные хижины и землянки и дым от кузниц поднимается ввысь и облепляет стены домов, что стоят покосившись вплотную друг к другу.

Назначить меня управлять ТАКОЙ колонией, это оскорбление, насмешка! Я граф Арманьяк, а не какой-нибудь там проходимец!

Положение колонии, к слову, крайне тяжелое. После гибели мсье Блэквуда бразды правления взял на себя местный пастор Джордж Беккер. Он служит и Богу и людям. Кажется, он надежный человек, на него можно положиться.

Индейцами же руководит Опечанканау — весьма смывленный вожак. После смерти старшего брата Поухатана в 1618 году он возглавил Поухатанскую конфедерацию²² племён, не меньше 25 000 воинов! Не далее как год назад он захватил железные шахты. Табачные плантации пришли в упадок, рабы бунтуют! Иными словами, колония мне досталась очень проблемная. Голод, болезни, засуха. Кто, чёрт возьми, поставил этот Джеймстаун на болоте?! Тут смердит как из задницы дьявола!

К слову, Мелье тогда ещё не знал, что рабов в Вирджинии нет. Когда-то их завезли из Африки в не столь отдалённом 1619 году, но в скором времени объявили долговыми контрактными слугами, вроде тех ирландцев, что населяют Вирджинию в большом количестве.

Что же касается так называемой «Виргинской флотилии», она состояла всего лишь из трёх стареньких военных кораблей и не являла собой ту грозную силу, какой её представлял де Мелье.

10 ноября 1630 года

Так дальше продолжаться не может. Я принял решение нанести визит в стан врага. Пришла пора заключить с индейцами мир и положить конец всем распрям.

Надеюсь, скальп с меня не снимут.

Мощной волной на де Мелье нахлынули воспоминания. Вот он в индейской деревне, ещё не тронутой руками белого человека. Вот на него со всех сторон взирают пристально люди от стара до млада. Их одежда проста и непримечательна. Кожаные рубашки, штаны, мокасины, из украшений лишь бахрома и бисер. В их взглядах не читается ни чувства превосходства, ни ненависти, скорее любопытство. Кажется, это и есть рай. Рай, населенный такими беззаботными, гордыми и независимыми людьми. Они принимают Шарля как самого дорогого гостя. Такого гостеприимства он не видел нигде, даже у себя в Гаскони, казалось бы, в самом гостеприимном краю на земле. Труд у индейцев является скорее досугом, чем отягощением. Ведь если не иметь господ и работать всем вместе сообща, то, оказывается, и работать-то всё время не нужно и остаётся время на себя. Каждый здесь трудится на благо себя самого, на благо соседа и, конечно же, на благо всего племени. Здесь нет места эгоизму, зато есть место взаимопомощи. Вместе работаем, вместе отдыхаем, вместе воюем. Всё делаем вместе, ведь племя для них и есть центр всей жизни. Племя для них — одна большая и дружная семья. И потому-то у них всё так легко и складно. Дети бегают посреди этого рая, одаряя родителей всё новыми

²² Поухатанская конфедерация - конфедерация индейских племён, существовавшая на территории Вирджинии в XVII веке

и новыми улыбками. Здесь нет места лжи и лицемерию, нет места подхалимству. Человек здесь честен пред собой и другими. Де Мелье рассматривает, как зерно давят камнем, как вырезают из дерева причудливые фигурки в виде каких-то божков, как убирают недавно собранный урожай в плетёные корзины и опускают их в ямы, как выделывают шкуры и коптят только что пойманную свежую рыбу. Юные девушки племени как-то по-особому смотрят на бледнолицего гостя. Нет, этот взгляд он ни с чем не спутает. А эти смешки и шептания, да, он определенно произвел фурор среди местных красавиц. Но среди всех прочих выделяется одна прекрасная индианка, дочь вождя — Тива. Де Мелье влюбился в неё с первого взгляда.

Отвлёкшись от воспоминаний, капитан вернулся к изучению содержимого страниц дневника.

10 декабря 1630 года

Вот уже месяц как прошёл со дня моего «добровольного пленения» племенем чикахомини. Такая уж у них традиция — если хочешь доказать, что ты их друг, поживи с ними месяц не пытаясь сбежать. Хоть сперва это и выглядит как плен, на самом же деле ничего общего с ним не имеет. Ты свободен, можешь ходить где хочешь и никому нет дела. Месяц пролетел незаметно. Я изучал быт и повадки чикахомини, их язык и культуру. Не такие уж они и дикари. Меня это всё увлекло настолько, что только сейчас, спустя месяц, я открываю этот дневник.

С Адехом — вождём племени чикахомини — мы раскурили трубку мира. Я заключил не просто мир, но союз. Не будет более вражды между нашими народами! Осталось лишь официально закрепить наш мирный договор в Палате бюргеров. Необходимо также, чтобы все стороны чётко понимали свои права и обязанности. Придётся переизбрать Палату — с нынешними невозможно работать. Мало того, что часть из них изначально враждебно настроена по отношению к индейцам, так ещё, подозреваю, особо влиятельные среди них скрывают свои истинные доходы и из-за них колония сильно недополучает денег. Надо разбираться. А пока я любезно пригласил Адеха погостить в нашей колонии.

Мы проведём границу между колонией и индейскими землями. Мы будем строить будущее на основе сотрудничества и взаимоуважения. Или я не граф Арманьяк!

«Действительно, — подумал Мелье, — после десятилетий кровавых конфликтов началось время мира и процветания.»

Чикахомини — миролюбивое племя, но постоять за себя они могут. Их территория ближе всех расположена к Джеймстауну. Через посредничество вождя Адеха губернатор сумел помириться и с другими племенами Поухатанской конфедерации и наладить с ними взаимовыгодную торговлю.

Колония богатела не только за счет сотрудничества с индейцами, но также благодаря торговле с метрополией. Виргинский табак пользовался большим спросом в Англии. К слову, в самой Вирджинии листья табака порой даже использовались в качестве местной натуральной валюты. Помимо прочего, Мелье, как и было задумано, принимал участие в пиратских набегах и каждый раз возвращался с богатой добычей. На этой почве капитан сблизился с флибустьерами Тортуги.

Вот как капитан описал в дневнике остров Тортуга:

Море здесь тёплое даже когда в северных широтах оно замерзает. Остров Тортуга целиком покрыт скалами, среди которых растут большие экзотические деревья. Море возле скалистых утёсов настолько чистое и прозрачное, что видно, как на дне копошатся крабы и прочая живность среди обломков затонувших кораблей.

Союз с чикахомини был подкреплён династическим браком — Мелье взял в жёны любимую дочь вождя Адеха — прекрасную Тиву. Не прошло и года, как она родила ему наследника.

13 апреля 1632 года

Свершилось! Моя прелестнейшая жёнушка Тива после всех страданий, выпавших на её женскую долю, разрешилась от бремени мальчиком. Я так счастлив, чёрт побери, что готов даже Беккера расцеловать! Да ещё в какой день-то родился! 13 апреля — дата, достойная внимания самого Цезаря! В этот день почти двести лет назад мои предки освободили Париж от английских оккупантов, сражаясь бок о бок с легендарным Артуром де Ришмоном — коннетаблем²³ Франции.

Я долго думал, как же мне назвать моего первенца, и не придумал ничего лучше, чем назвать его в честь моего старшего брата Бертрана. Бертран... интересно, как он там? Сумел ли он получить землю, будучи юристом в городе Лектур, или так и остался управляющим при Жане и Анри?

Всего у Шарля было пятеро старших братьев: Жан, Анри, Рауль, Бертран и Арно. Шарль был шестым и самым младшим. Старшие наследники поделили между собой поместье, Рауль стал церковником, Бертран и Арно остались со старшими братьями в качестве помощников.

Мелье не знал ничего о том, как живёт его семья сегодня. Не отразилась ли его лихая выходка на их положении? Каждый день он молил Бога о том, чтобы благоразумие Его Высокопреосвященства кардинала Ришелье не покидало его. Как же тяжело всё-таки жить, не имея возможности связаться с родными.

Впрочем, долой грусть! Сегодня я обязательно напьюсь и пусть весь Джеймстаун веселится и ходит ходуном зная, что у славного потомка герцогов Гаскони родился наследник — Бертран!

«Мда, Бертран родился, конечно, истинным воином. Бился ножками, толкался ручонками, кричал на всех как заправский строевой сержант, чего не скажешь, конечно, о его тёзке. — с улыбкой подумал Шарль вспоминая, как в детстве он гонял своего старшего брата по двору их отцовского поместья со шпагой в руке, а тот пронзительно визжал: „Прекрати!“. — А вот Пьер и Коко пошли, конечно, больше в мать, чем в меня. Тихие, скромные, любознательные.»

Мелье пролистал добрую половину дневника в поисках записей о рождении его младших детей. После остановился на следующей:

23 октября 1638 года

8 лет минуло со дня моего прибытия в Джеймстаун. С тех пор многое здесь изменилось. Из захудалой колонии Вирджиния превращается в богатейшую. Граф Арманьяк знает, как управлять вверенными ему землями.

Мелье тогда ещё не знал, что через год Карл Стюарт обложит колонии непосильными налогами из-за того, что Парламент отказался выделить ему средства на войну с Шотландией. Именно Парламент, а не король, распоряжался английской казной. И вот тут-то Его Величество вспомнил о богатых и процветающих колониях по ту сторону океана. Раз эти колонии королевские, король рассудил, что он вправе обложить их дополнительными налогами и затребовать себе всю сумму податей, что колонисты не платили в королевскую казну все предыдущие десятилетия. Разумеется, колонисты пришли в ярость от такого решения. Налоговый гнёт привёл

²³ Коннетабль - высшая военная должность в средневековой Франции

к небывалому доселе всплеску антироялистских настроений по всему английскому побережью Америки. Тут и там вспыхивали бунты. Вооружённая факелами толпа линчевала королевских сборщиков податей прямо на площадях. Для поддержания порядка король направил в колонии верные ему войска и тех встречали как оккупантов в захваченных городах. В сторону солдат летели камни и угрозы, затем послышались выстрелы. В городах вспыхивали восстания, росли баррикады. Народ выходил на улицы чтобы дать отпор «королевским захватчикам». Десятки, а затем и сотни убитых усеяли улицы. По колониям прокатилась волна арестов. Репрессивный аппарат заработал на полную мощь. Вот только уже ничто не могло сдержать выплеск народного гнева. Одна простая истина стала очевидной для мятежных колонистов — Лучше умереть стоя, чем жить на коленях! Революция началась.

23 августа 1640 года

Наш звёздный час настал! Мы порываем с Англией! Сенат принял Декларацию независимости! К дьяволу Англию! К дьяволу короля Стюарта! Да здравствует свободная Республика! Мы будем сражаться до последнего и, если придётся, пожертвуем наши жизни на алтарь свободы! Мы перевернём эту землю, мы подожжём этот мир! Старый Свет заполыхает вслед за Новым! Мы дойдём до врат Лондона, если потребуется, и мы заявим о себе, мы заявим о своих притязаниях на кусок этого мира!

Вдохновляющая речь, не так ли? К сожалению (или к счастью) я абсолютно далёк от какого бы то ни было пафоса. Между прочим, это греческое слово и означает оно страсть, возбуждение, воодушевление — так мне сказал мсье Беккер. Собственно говоря, эту речь он и написал для меня, чтобы я произнёс её перед народом, но я благородно отказался, передав эту честь самому мсье Беккеру. Я считаю, что он более достоин этого момента славы, чем я, ведь он прирождённый оратор и умеет взбудоражить толпу. Да и по правде говоря, эта речь мне показалась излишне фанатичной. Фанатизм, как мне пояснил мсье Беккер, означает ярое, слепое следование чему-либо, экстаз. Ничем хорошим, по моему опыту, в Европе такие речи не заканчивались. Как военному, мне это виднее. Тем не менее, я решил записать эту речь для истории нашего народа.

В Лондоне и глазом моргнуть не успели, как Вирджиния, Мэриленд, Род-Айленд и Новая Англия скинули с себя королевские оковы и образовали конфедерацию восставших колоний. Эта конфедерация получила название — Объединение Свободных Провинций Америки, или сокращённо — ОСПА. Но чаще её называли просто Республикой, подчёркивая её республиканскую форму правления. Республику возглавил Сенат, состоящий из делегатов от всех колоний. Местом собраний Сената выбрали Джеймстаун — старейший город ОСПА. Город, где раньше всех вспыхнула искра грядущей огненной бури.

Мелье, несмотря на пожалованную ему королём губернаторскую должность, короля поддержать отказался и примкнул к мятежникам, если не сказать больше — возглавил этот мятеж. И это ещё не всё, он был избран лордом-президентом, то есть по сути он занял высшую должность Республики. В его власти руководить собраниями Сената и накладывать вето на его решения, если таковые Мелье не по нраву. Решением большинства голосов лорд-президент был также назначен главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами ОСПА.

Англичане намеревались утопить революцию в крови. Для усмирения мятежных колонистов был собран огромный флот во главе с самым фанатичным роялистом коих носила английская земля — адмиралом Томасом Стейсоном. Стейсон поклялся Его Величеству подать голову де Мелье на блюдечке, как некогда Цезарю подали на золотом блюде голову предавшего его легата Тита Лабиена. Флагманским кораблём армады Стейсона был самый большой линейный корабль английского флота — стопушечный «Яков Стюарт».

Шансы у мятежников в той войне оставляли желать лучшего. Силы были явно неравны. И тогда Мелье призвал на подмогу своих давних друзей — пиратов с Тортуги. Пиратов возглавлял старый морской волк по прозвищу Одноглазый Джо. Вместе с Мелье они совершили тактическое чудо — хитростью заманили превосходящий по огневой мощи вражеский флот в узкий пролив, где численное преимущество врага не играло решающей роли, и разбили его в жесточайшем морском сражении. Слава о той битве отгремела до самых берегов Европы.

Потеряв преимущество на море, англичане было высадились на суше, но и здесь потерпели неудачу, столкнувшись с ожесточённым, хорошо организованным сопротивлением. Мятежных колонистов поддержали индейцы — мастера устраивать засады в густых американских лесах. Королевские войска, привыкшие сражаться в открытом поле, так и не нашли, что противопоставить партизанской тактике.

Итак, с серьёзными потерями первую волну атаки удалось сдержать. Когда англичане собирались вновь с силами чтобы взять реванш, в самой Англии вспыхнула гражданская война. Отношения между королём и Парламентом накалились до предела. Парламент саботировал попытки Его Величества собрать дополнительные налоги уже на войну с бывшими колониями. И тогда Карл Стюарт начал войну против самого Парламента с целью отобрать у него право распоряжаться казной.

Мятежная республика получила передышку. Однако долгожданного мира так и не случилось. Следующие два года в колониях не утихали стычки с лоялистами — сторонниками короля из числа колонистов. Сенат раздирали внутренние противоречия. Пока общий враг был силён и красовался на горизонте, все были едины. Теперь же, когда враг занят внутренней борьбой, бывшие союзники готовы объявить врагами друг друга. Уж слишком разношёрстная компания собралась в стенах Сената: табачные плантаторы Вирджинии, католики Мэриленда, пуритане²⁴ Новой Англии и баптисты Род-Айленда.

Лорд-президент Мелье пытался их примирить, как бы противно ему это ни было. Он ненавидел политику — это грязное дело, недостойное, по его мнению, истинного аристократа. Однако он был вынужден ею заниматься. Будучи политиком вынужденным, Шарль де Мелье никогда себя политиком не называл. Своим главным детищем на поприще политики он считал конституцию, разработанную пусть не им единолично, но под неусыпным его контролем. Ни одна статья не могла быть принята без его одобрения. В этом деле ему потребовался весь его политический опыт. Можно сказать, он вложил в конституцию душу вместе с его представлениями о мире, добре, справедливости, правах и обязанностях.

В каюту грузными шагами, моряцкой походкой вразвалочку, вошел моряк в полосатых штанах и клетчатой жилетке поверх льняной рубахи. Здоровяк плотного телосложения, загорелый до черноты, с пивным брюхом, густыми рыжими с сединой бакенбардами и сабельным шрамом на правой щеке. Его кожа огрубела от солёного морского бриза, из-за чего боцман Генри Блуд выглядел значительно старше своего капитана, будучи его ровесником.

— Капитан, Квебек прямо по курсу.

— Прикажете причаливать, мсье Блуд.

— Да, капитан.

Боцман вышел из каюты. Капитан, задумавшись на минуту, обмакнул перо в чернильницу и добавил в дневник последнюю запись:

2 июня 1644 года

Прибыл в Квебек для ведения переговоров от лица ОСПА с представителями враждующих сторон: круглоголовыми и роялистами, при любезном посредничестве генерал-губернатора Новой Франции — Шарля Жака Юо де Монманы.

²⁴ Пуритане - английские протестанты, последователи кальвинизма в Англии в XVI - XVII веках

Кажется, я догадываюсь, что именно намерены предложить мне обе воюющие стороны.

Глава III. Кровавый Мэриленд

Мэриленд изначально был владением семьи Калверт. В 1629 году Джордж Калверт барон Балтимор, будучи католиком, обратился к Карлу Стюарту с просьбой предоставить ему право на колонизацию земель к северу от Вирджинии. Тем самым он намеревался создать за океаном надежное убежище для английских католиков. Дело в том, что католиков в Англии притесняли, хоть и в меньшей степени, чем пуритан. Король, взявший в жёны католичку Марию Генриетту — сестру Людовика XIII, хоть и не проявлял особого рвения в борьбе с католиками, но из-за их отказа признавать его божественную власть, как главы англиканской церкви, держался с ними осмотрительно. Тяжелее всего приходилось католическим священникам. Им было запрещено публично проповедовать, а сами они объявлялись вне закона и их повсюду искали и предавали суду, как шпионов. Остальные, как правило, отделялись крупными штрафами, изъятием имущества и титулов, унижительными проверками домов, либо просто изгонялись из страны. Касалось это тех, кто не посещал англиканские церкви, либо тайно посещал католические мессы.

Впрочем, король всё же пошёл на уступки и в 1632 году предоставил Джорджу Калверту соответствующий патент, но сделал это незадолго до смерти барона. Эта земля вместе с титулом досталась по наследству Сесилу — сыну Джорджа Калверта. В 1634 году он со своими колонистами на кораблях «Ковчег» и «Голубь» достиг, наконец, берегов Мэриленда и основал здесь поселение Сент-Мэрис, названное в честь святой Девы Марии, которая также считалась покровительницей Марии Генриетты — жены Карла Стюарта. Однако вскоре Сесил был вынужден навсегда покинуть колонию, чтобы отстаивать её интересы в Лондоне. Все дела по управлению колонией он передал своему младшему брату Леонарду. Тот занял должность губернатора Мэриленда.

С первых дней своего существования Мэриленд славился веротерпимостью. Это было мечтой и официальной политикой всех Калвертов. Мечтой, чтобы все люди, независимо от их вероисповедания, могли жить в свободе, терпимости и безопасности. Среди первых жителей колонии преобладали католики, однако со временем ситуация стала меняться и уже протестанты начали преобладать над католиками. Нетерпимые к католическому религиозному меньшинству и подстрекаемые Уильямом Клейборном — государственным секретарём Вирджинии — протестанты вскоре начали тяготиться властью Калвертов и их навязываемой веротерпимостью. И без того непростая ситуация для Калвертов осложнилась ещё больше вторжением с севера ирокезоязычных племён саскуеханнок. Нетерпимые к англичанам и их союзникам алгонкинам²⁵, саскуеханнок грозили уничтожить всё то, что с таким трудом создавалось Калвертами.

В 1638 году Леонард Калверт захватил факторию на острове Кент, принадлежащую Уильяму Клейборну. Захват острова явился развязкой давнего территориального спора, уходящего корнями в те времена, когда Джордж Калверт получил патент на колонизацию Мэриленда. На тот момент на одном из островов Чесапикского залива уже существовало торговое поселение. Проблема в том, что остров Кент формально был отнесен к владениям барона Балтимора. Опасаясь потерять свой торговый пост, Клейборн всячески препятствовал освоению католиками этих земель. В ход шли шантаж, угрозы, подкуп, провокации и прочие грязные методы. В конце концов, терпение Калверта лопнуло. Под покровом ночи его корабли подошли к острову и застigli врасплох сторонников Клейборна и взяли их под арест. Само собой разумеется, Калверт и Клейборн стали ещё более заклятыми врагами, чем раньше.

²⁵ Алгонкины - группа индейских народов, говорящих на алгонкинских языках

Ранее Леонард Калверт сдружился с Шарлем де Мелье, который так же имел напряжённые отношения с Клейборном из-за проводимой Мелье политики веротерпимости и запрета на ввоз африканских рабов в Вирджинию. Пользуясь полномочиями государственного секретаря, Клейборн вместе с его подручными то и дело мешал де Мелье проводить прогрессивные колониальные преобразования. Одним из таких преобразований являлось устранение зависимости казны от табака. Безусловно, табак приносил колонии огромные доходы, однако любой его массовый неурожай грозил Вирджинии голодом, поскольку всё остальное сельское хозяйство попросту не развивалось, приносилось в жертву в угоду табаку. Цены на продовольствие в этом случае взлетали до небес. Такой порядок был очень выгоден крупным фермерам и табачным плантаторам, к коим относился и сам Клейборн.

Такие люди, как Клейборн, буквально играли в богов, владея людьми, как вещами. Они были хозяевами тысяч долговых слуг, кои подписывая контракт на семь лет в итоге так и оставались пожизненными должниками и даже передавали своё бесправное положение по наследству. Наиболее бесправными среди слуг были ирландцы и чернокожие рабы из Африки — товар жутко дорогой, но очень перспективный по словам испанских и португальских коллег.

Попав в колонии простым землемером, Клейборн быстро сделал себе карьеру благодаря своему финансовому и политическому чутью, стал плантатором, торговцем и чиновником.

Когда Мелье запретил ввоз в колонию чернокожих рабов и провёл другие прогрессивные преобразования, дела у Клейборна пошли не лучшим образом. Из-за нехватки рабочих рук, а попросту говоря — бесправных ирландских слуг и чернокожих рабов, предпринимательская деятельность Клейборна не приносила ему ожидаемого дохода. Тогда целью Клейборна стало создание собственной торговой империи на берегах Мэриленда. Торговля мехами на острове Кент с племенами саскуеханнок могла стать отправной точкой в создании этой империи и даже теперь, после потери фактории, Клейборн не забывал о своей цели.

Когда в 1640 году началась колониальная война за независимость, Калверт выступил на стороне восставших. Несмотря на пожалованную его отцу королевскую грамоту, роялистом он не был, в отличие от старшего брата. Сесил осудил Леонарда. С точки зрения Сесила Леонард стал предателем. Сесил пытался вразумить Леонарда, писал ему письма. Он недоумевал, как вообще его брат мог предать короля, что даровал им эти благоденствующие Мэрилендские земли. Вот только Леонарду король виделся отнюдь не благодетелем, но тираном, притесняющим католиков. В конечном счёте братья рассорились и Леонард после этого присвоил себе титул барона Балтимора. Конечно, он не имел на это законного права, ведь титул барона Балтимора носил его старший брат. Но Леонард рассудил, что его брат вообще не имеет никакого права не то что носить благородные титулы, но и в принципе называть себя дворянином после того, как поддержал Карла Стюарта в борьбе против освободившихся от его гнёта католиков. И посему этого титула, по мнению Леонарда, достоин лишь тот, кто правит Мэрилендом — землей католиков. Святой землёй. Тем более, католики Мэриленда мятеж против короны охотно поддержали. Так что Леонард Калверт попросту стал называть себя бароном Балтимором, невзирая на законный порядок передачи титулов.

К слову, его друг Шарль де Мелье тоже носил титул графа Арманьяка не совсем законно. Да, он действительно был одним из многочисленных дальних потомков герцогов гасконских. Однако с гасконскими герцогами в XV веке произошли печальные события. Их длительная борьба с королевской властью окончилась полным их поражением. Основная ветвь дома Арманьяк пресеклась, а титулы и земли побеждённых перешли родственнику короля — герцогу Алансонскому. То было вопиющее нарушение гасконских законов наследования, согласно которым наследство должно быть разделено между потомками дома Арманьяк, находящимися непосредственно в самой Гаскони и имеющими хотя бы каплю крови последнего графа Арманьяка — Жана V. С тех пор вот уже более полутора веков многочисленные потомки славного

рода Арманьяк негласно считали себя истинными владельцами этих титулов и Шарль де Мелье здесь не был исключением.

«Граф Арманьяк» и «барон Балтимор» легко нашли общий язык. Разумеется, никто по ту сторону океана не признавал их носителями этих титулов, но им было всё равно. В Новом Свете титулы в принципе не играли столь важной определяющей роли, как в Старом. Для местных колонистов Калверт и де Мелье стали настоящими бароном и графом.

Католики Мэриленда с большим уважением относились к своему губернатору барону Леонарду Калверту, чего нельзя было сказать о протестантах. Отношения между протестантами и католиками и без того не образец добрососедства, но ещё сильнее они обострились после фактической победы сторонников независимости над силами короля.

Утро окрасилось кроваво-багряным рассветом. В Чесапикском заливе близ города Сент-Мэрис кипела битва. Звучал грохот орудий. Корабли тонули объятые пламенем. Победители торжествовали над побеждёнными. В дыму овеванный славой грозно возвышался флагманский фрегат с громким названием «Реформация». На четвердеке его стоял весьма известный в этих водах пират — капитан Ричард Ингл. Как и подобает триумфатору, он окинул взглядом поле битвы, глаза его горели ярче, чем корабли его врагов.

В его облике на первый взгляд не было ничего примечательного. Среднего роста, не худой и не толстый, с длинными, достигающими ему до плеч, тёмно-русыми волосами, спутанными и свисающими с его головы как пакля. Конопатый нос в форме картошки и круглое щекастое лицо с едва уловимыми скулами выдавали в нём человека прямолинейного и в чём-то даже простодушного в своих поступках. Про таких людей чаще всего говорят — этот парень сам себе на уме. И это было действительно так. Однако глаза — истинное зеркало души — вот что было особенного в этом человеке. Серо-голубые и холодные как лёд, лишённые всякого человеческого тепла, они несли лишь смерть и хаос в этот мир. В этих глазах не было ничего человеческого.

Закурив трубку и медленно выпустив клубы дыма, Ричард Ингл задумчиво, словно в пустоту, произнёс:

— Ну и дурак же ты, Томас.

Перевернув трубку, он высыпал её содержимое вниз, где у его ног валялся связанный и избитый адмирал Томас Корнуоллис. Поверженный враг ответил мычанием, насколько позволял кляп у него во рту, пепел из трубки попал ему на лицо.

— Просыпайся, соня, Реформация пришла!

Ингл пнул Корнуоллиса под дых и оскалился своими жёлто-зелёными зубами. Его улыбка выглядела ужасающе из-за острых клыков, что он специально затачивал, дабы казаться дьяволом во плоти и ещё больше вселять ужас в сердца врагов.

— Просыпайся, говорю, всё веселье пропустишь! А у нас меж тем насыщенная программа. Первый её пункт — близкое знакомство моих парней с твоей женой. Второе — благотворительный вечер для жителей Сент-Мэриса, пострадавших от тирании Калверта. Третье — близкое знакомство твоей дочурки с прославленным капитаном Ричардом Инглом... это я, если что. И четвёртое — фейерверк для славных жителей Сент-Мэриса. Ууух, даже не знаю, с чего и начать! Пожалуй, начну с фейерверка, а там как пойдёт. — Ингл залихватски махнул рукой. — А ты что предлагаешь, Томас? Ну, чего ты молчишь? Интересно же узнать твоё мнение. Ах да, прости, забыл вытащить кляп. Сейчас, подожди.

— Только попробуй их тронуть, ублюдок! Я тебя из-под земли достану!

Лицо Корнуоллиса покраснело от гнева.

— Томас... Томас... Томас... вы же из благородного рода, а бранитесь как последний матрос. Нехорошо. — Ингл укоризненно покачал головой. — Парни, поднимите-ка этого горе-флотоводца, пусть посмотрит на свой флот!

Два здоровенных матроса подняли адмирала и придерживая его за руки, чтоб тот мог стоять при полученных травмах, поставили его рядом с Инглом.

— Взгляни на это зрелище, Томас! — пират издевательски обнял врага. — Это горит твой флот! Чудесное зрелище, не так ли? Очень красиво. А запах. Чувствуешь запах? Это запах пороха и горелой плоти, запах победы.

— Тебе не запугать меня, Ингл! — прорычал Корнуоллис.

— Да брось, прекрати геройствовать, Томас. Просто встань передо мной на колени и моли о пощаде.

— Не дождёшься! Я скорее умру, чем преклоню колено перед преступником!

— Тебе наплевать на себя, но что насчёт твоих близких? Тебя не пугает то, что я с ними сделаю?

В глазах Корнуоллиса вспыхнул огонь.

— Ублюдок! Ты всё равно осуществишь задуманное! Вне зависимости от моего решения! Знай, я достану тебя, в этом мире и в следующем, я достану тебя в адском пламени!

Корнуоллис начал терять сознание.

— Стой-стой-стой! Мы с тобой ещё не закончили! — Ингл начал тормошить Томаса. — Я не дам тебе сдохнуть сейчас, ещё рано. Привести его в чувство!

Пока адмирала приводили в чувство, корабли Ингла развернулись бортами в сторону города, их пушки ошестинились на Сент-Мэрис. Город выглядел беззащитным. Разбитые к тому моменту береговые батареи не представляли для пиратов опасности. Город как будто замер в ожидании неизбежного.

Корнуоллиса привели в чувство и подвели к фальшборту²⁶, откуда хорошо была видна пристань и за ней аккуратные каменные домики колонистов. Столица Мэриленда славилась своей каменной архитектурой, что выгодно отличало её от других городов ОСПА, где строили преимущественно из дерева.

— Эх, красота-то какая, а, Томас? Даже жалко разрушать сию красоту. Это как сорвать девственный цветочек твоей дочурки! Согласен? Ну что ты опять молчишь? Хочешь ударить меня? Ну так ударь, вот же он я! Ударь, только не молчи! Парни, развяжите его! Пусть он мне врежет! Я же вижу, он хочет.

Ингл разразился хохотом.

Однако стоило матросам развязать Корнуоллиса, как он тут же рухнул на палубу.

— Ах, какая досада. — вновь заржал Ингл. — Я и забыл, что ты теперь не ходячий. Прости, дорогой. Эй вы, возьмите его под руки что ли, а то боюсь, нашему гостю плохо видно!

Матросы вновь подхватили едва живого адмирала под руки и подтащили поближе к фальшборту. Пират переключил внимание на город.

— Пушки заряжааай!!! Огонь по моей команде!!!

«Надеюсь, они догадались покинуть свои дома.» — мелькнула отчаянная мысль в голове Корнуоллиса.

— Огоооонь!!!

Грянул оглушительный залп. Зазвенело в ушах. Ингл захохотал. Корнуоллису оставалось лишь наблюдать сквозь клубы дыма, как разлетается в щепки пристань, как рушатся дома, как погибает город, который он вот уже много лет считал родным. Когда звон в ушах поутих, адмирал расслышал крики раненых и умирающих. Впрочем, ненадолго, вслед за тем грянул очередной залп, затем ещё и ещё. Город буквально на глазах превращался в руины. Руины

²⁶ Фальшборт - ограждение по краю верхней палубы корабля

объятые огнём. Дым от пожарища поднимался всё выше и выше, словно чёрная туча, словно чёрный орёл, раздирающий когтями эту многострадальную землю.

Ингл то и дело шутил по поводу происходящего, но Корнуоллис его уже не слышал. В глазах начинало темнеть. То было чистейшее отчаяние. Корнуоллис вновь лишился бы чувств, если б пират не схватил его и не потряс за плечи.

— Смотри! Не вздумай умирать! Концерт ещё не окончен!

Ингл дыхнул табачным дымом в лицо своему пленнику.

— Узри ад! — произнёс Ричард Ингл. — Почувствуй запах отчаяния. Взгляни, как горят эти грешники!

И впрямь, несколько человек на берегу горели заживо, тщетно пытаясь сбить с себя пламя. Они кричали от нестерпимой боли, метались туда-сюда, пока огонь высасывал из них жизнь.

— Красиво танцуют, с огоньком! — рассмеялся Ингл.

Ноздри пирата с жадностью вдыхали запах пороха. Наконец-то! Он ждал столько лет чтоб поквитаться с этими римскими вырожденками, что одним своим присутствием оскверняли эту святую землю, что даровал ему Святой Микель. Его благодетель и кумир Святой Микель Ортелиус.

Пират достал из-под рубашки крестик, поцеловал его и вытянул вперёд в направлении горящего города.

— Да очистится Земля Божья! — торжественно произнёс Ричард Ингл. — Очистится от ереси католической! Да придёт спаситель, что очистит сей мир от греха! Да придёт царствие Его, Святого Микеля, что дарует нам смертным божественное спасение! Мы — воины Света, несущие Его устами Божью благодать, да свершится Его Правосудие!

С каждым словом Ингла небо темнело, будто возмущённое его святотатством. Первые капли дождя упали на палубу. Над бухтой собрались грозовые тучи. Орудийная стрельба прекратилась сама собой.

— Капитан! — крикнул кто-то из матросов. — Нужно швартоваться! Погода портится!

Испуганные внезапной сменой погоды, моряки боязливо взирали в небо. И один только Ингл не выказывал страха. Начиналась буря и только он один увидел в этом знак свыше.

«Значит я всё делаю правильно. — подумал он. — Господь мой, Святой Микель, услышь нас!»

На бухту обрушился ливень. Гром и молния не заставили себя ждать. Такой грозы матросы ещё не видели. Молнии не просто сверкали у них над головой, а сверкали целыми сериями вспышек. Гремело так, что сами корабли тряслись.

«За что морские боги прогневались на нас? — терялись в догадках пираты. — Разве не поили мы Нептуна ромом перед походом? Разве мы не кормили его жареным мясом?»

— Не бойтесь, бойцы! — призвал их капитан Ингл. — Это не просто гроза, это сам Господь Бог посылает нам знак! Он в гневе, что до сих пор мы не очистили Землю Обетованную от католических псов! Видите, как плачут небеса?! Они смывают своими слезами грех с этой несчастной земли! Господь хочет, чтобы эта земля вновь стала землёй праведных! Да направит нас ветер в её материнские объятия!!!

Ингл вещал как безумный в фанатичном экстазе. Его горящие всеми огнями ада глаза и заряд веры успокоили бойцов и даже приободрили их.

— Все слышали капитана?! — воскликнул старпом. — Вперёд!!! Земля Обетованная ждёт своих героев!!!

— Да!!! — хором ответили моряки.

Рулевые крутанули штурвал. Шквальный ветер раздул паруса, грозя разорвать их в тряпки. Корабли направились к земле.

— Бросить якорь!!! — скомандовал старпом. — Шлюпки на воду!!!

— Все к бою!!! — воскликнул Ингл, размахивая абордажной саблей и первым прыгая в шлюпку. — Давайте возьмём этот город!!!

— Веди нас, капитан! — крикнул кто-то из матросов.

Десятки шлюпок устремились к берегу. Пираты ощущали себя новыми рыцарями-крестоносцами, отбившими у неверных святую землю. Они предвкушали как ступят на её священные берега и обагрят эти берега кровью грешников. Не дожидаясь, пока шлюпка коснётся отмели, Ингл первым выпрыгнул по колено в морскую пену увлекая за собой головорезов в пылающий город.

— В атаку!!!

— Бей еретиков!

— Вперёд! Вперёд!

Со всех сторон виднелись лишь горящие руины. Однако огонь начинал постепенно отступать под натиском ливня.

— Никого не видно, капитан. Одни трупы кругом. — крикнул кто-то из матросов.

— Никуда они от нас не денутся. — сказал Ингл. — Прячутся по углам, хотят заманить нас в западню. Ничего у них не выйдет. Мы захватили плацдарм, подождём здесь.

Капитан указал на чудом уцелевшую таверну.

Ливень постепенно сошёл на нет. Буря прекратилась и сквозь тучи пробились лучи солнца. Погода прояснилась, но мало кто этому радовался.

В нескольких кварталах от таверны группа выживших собралась на центральной площади, куда продолжали стекаться всё новые и новые люди. Измощённые, пережившие осаду саскуеханнок, они готовились дать последний бой головорезам Ингла.

Последним рубежом обороны командовал генерал-лейтенант Джайлс Брент — шурин губернатора. С ним находились его сёстры — Маргарет, Мэри и Энн. Последняя приходилась женой Леонарду Калверту. Молодая и очень красивая голубоглазая блондинка, она держала на руках трёхлетнего Уильяма — их сына. Ребёнок много плакал и мать всячески пыталась его успокоить. Сама она переживала за участь своего мужа. Совсем недавно Леонард Калверт покинул город во главе кавалерийского отряда, чтоб отвлечь на себя осаждавших Сент-Мэрис саскуеханнок. Как знать, быть может, Сент-Мэрис не был ими до сих пор захвачен как раз лишь потому, что кавалеристы Калверта увели индейцев как можно дальше от города? Теперь Энн терялась в догадках, жив её муж или же покоится где-то в лесной чаще.

«Будь сильной! — твердила она себе. — Всё будет хорошо, мы справимся, нас не сломить.»

Джайлс был напряжён до предела. Он ожидал преподобного Эндрю Уайта, ушедшего вместе с его помощником Томасом Грином на поиски выживших.

Время текло неумолимо медленно. Сёстры Джайлса, Маргарет и Мэри, занимались ранеными, расположив их в церкви, оказывали медицинскую помощь. В старании помочь каждому, женщины перестали в скором времени замечать, что пол церкви уже весь измазан кровью раненых. Мужчины в спешке возводили возле церкви баррикады из всего, что могли найти — скамьи, столы и стулья, бочки, ящики, а также телеги. Всё, что попадалось под руку, шло в дело.

К Джайлсу подошла десятилетняя девочка и положила свою маленькую ручку на его, держащую мушкет. Это была его невеста Мэри, дочь вождя Китамакунда союзного племени пискатауэй, названная в честь сестры Джайлса.

— Муж, что происходит? Нас убьют?

Говорила она с сильным индейским акцентом. Увидев эти ещё наивные детские серо-голубые глаза и ту серьёзность, что отражалась на лице его избранницы, Джайлс не мог сдер-

жать улыбки. А может, его просто позабавил её милый акцент. Свободной рукой он потрепал её по чёрным волнистым волосам.

— Нет, что ты, малышка. Твой муж вон даже саскуеханнок победил, а с морскими разбойниками уж и подавно управится. — заявил Джайлс со всей бравадой, чтоб успокоить её и себя заодно.

— Не называть меня так, я не малышка, я жена тебе. Когда ты исполнять долг супруга? Мы неделю как помолвлены.

Мэри обиженно ударила своего избранника по руке со всей силы, на которую только была способна. Джайлс не знал, что и ответить на столь весомый аргумент его невесты. Ситуацию спас подошедший, наконец-то, отряд во главе с преподобным Эндрю.

— Ох, слава Богу, вот и вы, отец Эндрю. Я уж грешным делом подумал, что вас захватили. Где Томас? Он с вами?

— Решил проверить южную часть города. Взял с собой немного людей. — ответил священник.

— Ах вот ты как! — обиженно воскликнула Мэри. — На отца Эндрю, значить, есть время, а на меня нет! Чтоб сегодня же исполнять свой долг мужа, понял?!

Пнув своей хрупкой маленькой ножкой по ноге Джайлса, обиженная девочка ушла прочь.

— Какая сурьёзная барышня. — рассмеялся отец Эндрю, некогда крестивший Мэри.

Все, кто был рядом, тоже посмеялись. Не смеялся лишь наречённый муж. Вот уже как неделю Джайлс тщетно пытался объяснить своей суженой разницу между помолвкой и браком.

— А ведь это ваш промах, отец Эндрю. Почему вы до сих пор не объяснили ей разницу между помолвкой и браком? Я устал отбиваться от неё ночью. Она ведь ещё дитя неразумное, святой отец.

— Прости, Джайлс, совсем об этом забыл. Столько всего на нас навалилось за последнее время. Столько горя. Денно и ночью несу службу в церкви по убиенным, а самое главное-то и упустил.

Отец Эндрю виновато хлопнул себя ладонью по лбу и покачал головой.

— Понимаю, святой отец. Всем нам сейчас трудно. Это все, кого вам удалось спасти?

Джайлс указал на группу раненых, которыми уже занимались его сёстры.

— Пока все. — ответил священник. — Нашли, кого смогли. На берегу вовсю хозяйничают разбойники Ингла и мы туда не пошли.

— Надо собрать вооружённый отряд. Если у пиратов ещё остались пленники, их необходимо отбить. Вот только дождёмся Грина.

— Сделаем всё, что в наших силах.

— О Корнуоллисе ничего не слышно?

— Ничего. — ответил отец Эндрю. — Если он и жив, то наверняка в плену. Как по мне, лучше смерть, чем плен у Ингла.

Глава IV. Роялист

Квебек. Первый день переговоров.

Шарль де Мелье ступил на обгаженный чайками причал. Вокруг возвышались нагромождения ящиков и бочек. Стоял сильный запах рыбы. Впереди виднелись крепостные стены.

«Квебек! — восторженно подумал гасконец, подкручивая усы. — Вот она, святая святых, колыбель французской цивилизации в Новом Свете!»

Осмотревшись по сторонам, капитан уверенным шагом направился в сторону городских ворот. Пышные перья покачивались на его широкополой шляпе. На ногах красовались высокие кожаные ботфорты, начищенные до блеска как у большинства заправских вояк. Шпага на боку с серебряным, с золотой отделкой, эфесом — фамильная реликвия, доставшаяся от отца и сопровождавшая её владельца повсюду. Кроме того, настоящей гордостью гасконца был его чёрный колет²⁷ с золотыми пуговицами, обшитый по краям позументом²⁸. Отложной воротник и манжеты были изготовлены из фламандского кружева. Поверх колета красовалась перевязь из тончайшей телячьей кожи, богато украшенная россыпью драгоценных камней, что сияли на солнце и переливались всеми цветами радуги. Из-под рукавов торчала шёлковая сорочка алого цвета. В своём щёгольском наряде Мелье выглядел весьма броско и контрастно выделялся из толпы.

С тех пор, как де Мелье был вынужден бежать от правосудия кардинала, он всего раз вернулся во Францию. Это произошло в 1628 году, когда в составе английского флота он оказал поддержку гугенотам²⁹ в осаждённой Ла-Рошели³⁰. А ведь когда-то он с этими гугенотами воевал, как же всё меняется в этом мире. Гасконец скучал по родной Франции, но не мог вернуться домой даже после смерти кардинала Ришелье — Мелье задержала война, что позже англичане назовут колониальной смутой. Новый Свет упорно не желал отпускать отважного гасконца.

«Ничего, — утешал себя мыслью Мелье, — когда всё закончится, я обязательно вернусь во Францию, в Париж и в мою родную Гасконь.»

Ну а пока этого не произошло, он именно здесь, в Квебеке, ощущал себя почти как дома. Здесь витал дух Франции, здесь всё дышало Францией: узкие извилистые улочки и каменные мостовые как в Париже, вывески на французском и аромат французских духов у лавки парфюмера. Здесь всюду звучала французская речь и многое напоминало о Париже, о беззаботных солнечных деньках, проведённых в столице французского королевства.

Мелье уже доводилось ранее бывать в Новой Франции. В 1629 году, за два года до прибытия Мелье в Вирджинию, англичане под командованием братьев Кирков захватили Квебек и губернатора Самюэля де Шамплена. Три года этот выдающийся путешественник и основатель Квебека провёл в английском плену в Новой Англии. В 1632 году Мелье принял активное участие в переговорах между англичанами и французами, в ходе которых Шамплен был освобожден, а Квебек возвращен Франции. Вклад де Мелье не остался незамеченным для французов. Даже спустя двенадцать лет они помнили эту услугу и были весьма признательны.

На холме посреди города возвышалась резиденция — замок с высокими каменными стенами, узкими окнами-бойницами и многочисленными башенками с конусообразными кры-

²⁷ Колет - мужская короткая куртка, популярная в XVII веке

²⁸ Позумент - золототканая лента

²⁹ Гугеноты - французские кальвинисты

³⁰ Ла-Рошель - крепость гугенотов, пользовавшаяся полным самоуправлением. В 1628 году город капитулировал после длительной осады французскими королевскими войсками

шами. Над одной из таких башенок гордо развевался белый флаг с золотыми лилиями — символом династии Бурбонов.

Внутри этого замка Мелье встретился с генерал-губернатором Новой Франции — Шарлем Жаком Юо де Монманны. То был пожилой уже аристократ с умными глазами и хитрым выражением лица. Де Монманны поддерживал исследование иезуитами земель к северу и западу от известных границ Новой Франции. Проводил активную внешнюю политику по отношению к местным племенам. Индейцы Великих озёр прозвали его «Большой Горой». Разумеется, он не просто так предложил выступить в роли посредника. Безусловно, этот хитрец вёл собственную игру.

В первый же день состоялись переговоры с роялистами. За круглым столом из красного дерева расположились трое переговорщиков — генерал-губернатор, Мелье и представитель короля — Артур Капель.

На стенах в кабинете висели живописные картины в массивных позолоченных рамах и огромная карта Северной Америки. Сами же стены были отделаны зелёным, как изумруд, бархатом. Массивные колонны из зелёного мрамора поддерживали высокий потолок с изображением звёздного неба и роскошной, низко свисающей люстрой из горного хрусталя. Убранство помещения гармонично дополняли золотые канделябры, зеркала и резная мебель из драгоценных пород красного и чёрного дерева. В большом мраморном камине, слегка потрескивая, горели дрова. Очевидно, де Монманны любил роскошь.

Внимательным взглядом Мелье изучил роялиста. Артур Капель внешне очень походил на самого короля Карла Стюарта — тот же высокий лоб, те же длинные до плеч волосы, борода и усы. Разве что ростом Капель был повыше и взгляд более волевой. Давала о себе знать военная выправка. Человек он, похоже, решительный, в этом кроется ещё одно отличие от короля.

Мелье перевёл взгляд на Монманны. Генерал-губернатор торжественно обратился к гостям:

— Мсье де Мелье, мсье Капель, согласно протоколу нашей встречи, я должен вас официально представить. Кроме того, если в процессе переговоров возникнут трудности, я готов оказать вам содействие и необходимую помощь.

Кивком гости выразили согласие.

— Сейчас у вас есть какие вопросы, предложения, жалобы? Мсье де Мелье?

— Нет, мсье де Монманны, меня всё устраивает.

— А вас, мсье Капель?

— Благодарю, господин де Монманны, меня тоже всё устраивает.

— Превосходно. В таком случае, если что-то понадобится, дайте знать.

Гости снова кивнули.

— А сейчас, господа, прошу вас встать.

Генерал-губернатор поднялся с места, гости последовали его примеру.

— На правах хозяина этого кабинета, мсье де Мелье, имею честь вам представить Артура Капеля — политика, дипломата и генерала армии Его Величества Карла Стюарта. Мсье Капель, позвольте представить вам Шарля де Мелье — лорд-президента...

Артур Капель его перебил:

— Прошу прощения, господин де Монманны, давайте пропустим вводную часть и без лишних формальностей перейдём сразу к делу. Вы согласны, господин де Мелье?

— Соглашусь, это лишнее.

Де Монманны облегчённо вздохнул и улыбнулся. Он и сам, по правде, не любил во всём досконально следовать протоколу официальных встреч, однако положение его обязывало это делать.

— Что ж, в таком случае, пожмите друг другу руки в знак добрых намерений.

Мелье с Капелем пожали руки и кивнули друг другу.

— Если вам что-то понадобится, звоните в этот колокольчик. А сейчас я вас временно покидаю.

Удостоверившись, что обе стороны его правильно поняли и окинув ещё раз взглядом помещение, генерал-губернатор удалился из кабинета.

— Уфф, наконец-то мы можем поговорить без всякого официоза. Ненавижу эти долгие церемонии.

Генерал Капель плюхнулся в кресло.

— Согласен, мсье Капель, пустая трата времени. — Мелье уселся напротив. — Ну что же, приступим. Что вы хотите нам предложить?

— А с вами приятно иметь дело, господин де Мелье. Сразу видно, что вы человек военный. Знаете, что хотите услышать. Итак, вот наше предложение — титул герцога Вирджинии и пожизненное право на владение всеми землями в этих колониях в обмен на вашу помощь в борьбе с Парламентом. Что скажете?

Капель дружелюбно улыбнулся. Мелье оценил его военную натуру. Решать дела по факту, без лишних проволочек, он и сам это любил. Как и Мелье, Капель не был дипломатом по призванию. На переговоры его в приказном порядке послал король Карл Стюарт в надежде, что эти двое прирождённых вояк смогут обо всём договориться на почве общих интересов. Капелью не терпелось поскорее закончить с этим поручением и он особо не раздумывая выдвинул два своих мощных козыря, коими снабдил его король для предстоящей партии. Он уже считал было эту партию законченной, но у Мелье на сей счёт было иное мнение...

— Что я скажу? Скажу, что предложение ваше воистину... отвратительное.

Капель тяжело выдохнул. Не таких слов он ожидал.

Мелье меж тем поинтересовался:

— Кто составлял эту программу? Неужто Его Величество?

— Именно.

— Так и знал!

Мелье радостно хлопнул в ладоши.

— А что вас, собственно, не устраивает? Хотите что-то ещё?

Капель удивлённо уставился на собеседника.

— Прошу прощения за мои крамольные слова, — сказал де Мелье, — но король Карл Стюарт не владеет всей информацией о своих так называемых «заморских владениях». Владениях, которые от него откололись, позвольте напомнить. Позвольте я объясню, как здесь всё устроено. Не только я принимаю решения, есть ещё Сенат.

— Но разве не вы стоите во главе Сената?

— Я лорд-президент. В моей власти наложить вето на любое решение Сената. Но с Сенатом всё равно приходится считаться.

— Если вам необходима финансовая поддержка для... хм, формирования общественного мнения...

— Позвольте вас перебить. Вы всерьёз надеетесь меня подкупить? Господи, как же это мелко.

— Ну, откровенно говоря, я не такой опытный политик как вы, господин де Мелье...

— Ох, прошу, не называйте меня политиком, терпеть не могу это слово.

— Простите, но раз вы здесь и ведёте переговоры от лица Сената, то вы определённо политик, пусть и...

Капель задумался.

— Вынужденный. — подсказал ему де Мелье.

— Да, именно. Вы, так же как и я, выполняете свой долг. Возможно вы правы насчёт Его Величества, что не вся информация до него доходит...

— Не вся, это ещё слабо сказано. Если вы всерьёз считаете, что я один здесь всё решаю, то это лишний раз доказывает, насколько вы, лондонская знать, далеки от народа.

— Если не вы решаете, тогда приведите мне того, кто решает. Если вы действительно лорд-президент, или как там называется ваша должность, то в вашей власти хотя бы передать наше предложение Сенату.

Капель, похоже, начинал терять терпение. Его откровенно раздражала несговорчивость собеседника. Мелье же это будто забавляло.

— Вам есть ещё что предложить?

— Что предлагает вам Его Величество, я уже озвучил. Более того, вы можете выдвигать дополнительные требования. Его Величество заверил меня, что рассмотрит любые из них в обмен на вашу поддержку. Выдвигайте ваши требования и мы договоримся.

— Может и договоримся, а может и нет. Для начала мы требуем признать нашу независимость и перестать вмешиваться в наши внутренние дела.

— Мы согласны.

Мелье даже не ожидал, что роялист так легко согласится.

— Похоже, дела у вашего короля совсем плохи, раз вы соглашаетесь даже на такое. — усмехнулся Мелье. — На какую конкретно помощь вы рассчитываете в ответ?

— В качестве дружеской помощи английскому народу Его Величеству потребуется десятая часть вашего флота и сухопутных сил для борьбы с Парламентом.

— Дружеской помощи? Напомните, мсье Капель, давно ли мы стали друзьями? И не кажется ли вам, что вы требуете слишком многого за признание самого факта нашей уже свершившейся независимости?

— Разумеется, мы щедро оплатим вашу помощь.

— В таком случае, оплата должна быть поистине королевской, наша помощь стоит недорого. Разве что, вы не готовы предложить что-то сверх этого?

Повисла пауза. Капель о чём-то напряженно задумался. Наконец, он промолвил:

— Да, есть кое-что.

— В самом деле?

— Да, Его Величество предвидел, что вы можете так просто не согласиться и подготовил для такого случая ещё одно интересное предложение.

— Интригуете, мсье Капель.

— Да, совершенно особое предложение.

— Я весь внимание.

— Вы, господин де Мелье, человек благородный и определённо знаете, чего хотите от этого мира. Английская знать ценит таких людей. Скажу вам, Его Величество не держит зла за ваше...

Капель задумался.

— Предательство?

— Можно и так сказать. За ваш мятеж.

— Я восхищаюсь отходчивостью Его Величества. — сказал Мелье не то серьёзно, не то с сарказмом. — Так что вы хотите предложить?

— Его Величество готов с вами породниться, выдав за вас свою дочку Елизавету. Представьте себе, господин де Мелье, вы станете в один ряд с могущественными королями Европы!

Мелье задумался.

— Насколько мне известно, Елизавета сейчас в плену у Парламента. Вы намерены организовать спасательную экспедицию?

— И вам, господин де Мелье, выпадет честь её возглавить. Елизавета сейчас действительно в руках Парламента, но с вашей помощью мы непременно её вызволим. Это в ваших

интересах. Представьте, как в сказке — вы принц, спасающий прекрасную принцессу из лап дракона!

— Вот только принц ей в дедушки годится. Меня, мсье Капель, не интересуют восьмилетние девочки. С подобными предложениями пожалуйста лучше к губернатору Кубы — дону Хулио Педру. Он любит молоденьких девочек.

— Молоденькие девочки имеют свойство вырастать. Вам совершенно не обязательно прямо сейчас вести её на супружеское ложе. Подождёте несколько лет, а если нет терпения ждать, полагаю, в рядах многочисленной королевской семьи найдутся и более зрелые кандидаты.

— Например?

— Например, старшая дочка Его Величества — Мария.

— Мария?

— Девушка в самом расцвете, красавица.

— Разве Мария не обещана голландскому принцу?

— Обещана. Однако свадьбу можно и отменить.

— Тогда вас ждёт скандал. Решили испортить отношения с голландцами?

— Это плата, на которую мы готовы пойти ради более выгодной партии. Голландцы, как союзники, в любом случае ненадёжны.

— Полагаете, что я надёжен?

— Именно так Его Величество и полагает. Какие бы причины не подтолкнули вас тогда к мятежу, Карл Стюарт уверен в вашей чести. Не считите это наивностью, весь королевский двор уверен во взаимной выгоде нашего союза. Династический брак, связи, поддержка, что ещё необходимо для безмятежного существования вашего независимого государства? Не говоря уже о том, что в жёны вам достанется не просто особа королевских кровей, но первая красавица Европы!

Мелье улыбнулся.

— Всё это звучит очень заманчиво.

— А то как же.

— Вот только есть одно но...

Капель напрягся.

— Дело в том, мсье Капель, что я уже как бы женат. И тоже на принцессе. Моя супруга Тива — дочь славного Адеха, вождя чикахомини. К слову, первая красавица Вирджинии.

— Дикарка?

Лицо гасконца покраснело от гнева.

— Назовите её дикаркой ещё раз и клянусь, я вызову вас на дуэль прямо здесь и здесь же вас заколю прямо на этом ковре!

Вскочив на ноги, Мелье схватился за рукоять шпаги. Роялист выглядел немного растерянным, на лице его читался лёгкий испуг. Связываться с Мелье один на один никто не желал, зная о его непобедимой руке.

— Прошу меня простить, господин де Мелье, я не хотел вас обидеть. У нас при дворе мы зовём индейцев...

— Извинения приняты! Надеюсь, такого больше не повторится.

— Ни в коем случае, клянусь вам.

— Хорошо.

Мелье уселся обратно в кресло.

— Право, не знаю, что на меня нашло. — продолжал извиняться роялист.

— Всё в порядке, мсье Капель. Постарайтесь впредь следить за языком.

— Конечно, сэра.

— Полагаю, против моего брака с Тивой вам нечего возразить?

— Нет, сэр. Однако, если позволите, корона не признаёт браки с... язычниками. То есть, при желании, вы можете сожительствовать хоть с обеими жёнами сразу и значение для Его Величества будет иметь только брак с его дочерью Марией.

Мелье, похоже, был готов вновь разозлиться.

— Вынужден вас огорчить, мсье Капель. Если для вас многожёнство это норма, то для меня нет. Я люблю свою жену и изменять ей не намерен.

Роялист выглядел расстроенным.

— Это... меняет дело.

— Кроме королевской крови вам больше нечего предложить нам за наши корабли и пушки? Хотелось бы подробнее услышать о финансовой стороне вопроса. Только имейте в виду, наши корабли и пушки стоят недёшево.

Капель тяжело вздохнул.

— Должен признать, с финансами у нас сейчас не густо. Казна пуста.

— У меня хорошая память, мсье Капель. Не далее как несколько минут назад вы обещали щедро заплатить за нашу помощь. Чем же вы заплатите из пустой казны?

— Золото, серебро, чем пожелаете. Корона платит свои долги, только дайте нам время.

— Так вы хотите купить нашу армию в долг, ничего не заплатив сейчас?

— Условия того стоят, господин де Мелье. После войны, когда мы победим, корона обязуется не просто уплатить долги, но сверх того ежегодно поставлять в ОСПА рабочие руки. Тысячи колонистов мечтают пересечь океан, чтобы начать новую жизнь в Новом Свете.

— Их можно понять. — усмехнулся Мелье. — Как можно понять и наших солдат. У наших солдат, знаете ли, нет никакого желания сражаться лишь за идею торжества роялизма. Особенно если учесть, что те же самые солдаты два года воевали против короля. Чтобы встать под знамёна бывших врагов, солдат необходимо правильно замотивировать. Говоря простым языком — наши солдаты не будут сражаться за вас бесплатно. Обещание оплаты в будущем их не интересует. Солдат — это человек, живущий одним днём, не будучи уверенным, что завтра его не убьют. Жалование ему надобно уже сегодня. Сами, как человек военный, понимаете, выпить в таверне, трахнуть шлюху в борделе — вот и все радости солдатской жизни.

— Понимаю, господин де Мелье. Это мы с вами, люди благородные, готовы порой служить за идею. Желания простого человека куда как приземлённее. И тем не менее, мы не можем прямо сейчас выделить средства на эту кампанию.

— И вы предлагаете нам сделать это за вас?

— Разумеется, как я уже сказал, мы будем у вас в долгу.

— И вы всерьёз полагаете, что наша маленькая, но гордая Республика богаче вашего королевства?

— Если чем ваша Республика и богата, то это землёй. Обещайте всем ветеранам землю за службу.

— Землю все, кто мог, уже получили за участие в восстании против короны.

Мелье не мог не заметить, как роялист поморщился при этих словах.

— Вы могли бы выделить им ещё больше земли. — предложил роялист.

— Земли у них и так предостаточно, засевать не успевают, а с вашей кампанией и вовсе не останется времени. Более того, разве не мне лично вы предложили все земли в колониях?

Мелье рассмеялся. Капель же выглядел потерянным, как будто у него закончились все козыри в этой партии.

— Есть ещё кое-что, что могу предложить.

— Я слушаю.

Мелье не мог не заметить, как улетучилась уверенность в голосе Капеля. Роялист на секунду задумался.

— В качестве оплаты ваши люди могут распоряжаться всем имуществом, захваченным у сторонников Парламента.

— Мои люди не мародёры, мсье Капель. — ответил гасконец и про себя отметил: «Всё, крыть тебе больше нечем».

— Но позвольте, это же распространённая практика по всей Европе! — воскликнул роялист. — Вы же сами военный человек, господин де Мелье, всё понимаете!

— Вы что сейчас, смеете обвинять меня в мародёрстве?! Меня?! Потомка герцогов Гаскони?! Графа Арманьяка?!

Рассерженный гасконец вскочил с кресла и вновь схватился за шпагу. Его оппонент тоже поднялся на ноги, но выглядел при этом более сдержанным.

— Если бы не ваш статус дипломата, — воскликнул гасконец, — я бы вызвал вас на дуэль прямо сейчас!

— Но раз вы этого делать не собираетесь, то прошу, опустите, пожалуйста, вашу шпагу и мы могли бы продолжить наш разговор.

— Нечего продолжать, разговор окончен! Ваши предложения это пустые обещания, а нам нужны гарантии.

Опустив шпагу, Мелье подошёл к столу.

— Но постойте, господин Мелье, какие гарантии вам нужны? Давайте мы выдадим вам долговые расписки.

Артур Капель приходил в отчаяние оттого, что провалил задание короля.

— Пфф, расписки, да кому они нужны, только зад ими подтереть!

Мелье позвонил в колокольчик и тут же не замедлил появиться генерал-губернатор.

Мелье меж тем продолжал:

— Расписки Его Величества никого уже ныне не интересуют, кроме флорентийцев. Пора бы это усвоить.

— Да, господа? Я не вовремя? — обратился к гостям Монманы. — Вы что-то хотели?

— Нет, мсье де Монманы, просто хочу заверить всех здесь присутствующих по протоколу, так сказать, что нашу встречу объявляю оконченной.

— А результат?

— Результат — мы не договорились.

Злясь за потраченное время, Мелье резким шагом двинулся к выходу и не заметил, как толкнул плечом де Монманы. Тот был в растерянности, улыбка мгновенно сползла с его лица.

Развернувшись в дверях, гасконец бросил напоследок:

— Всего доброго, господа!

Глава V. В ожидании наступления

В Мэриленде продолжала разворачиваться кровавая драма. Томас Грин вернулся с отрядом на центральную площадь Сент-Мэриса. Двое его бойцов несли нечто большое, завернутое в ткань.

— Что там у вас? — крикнул Джайлс.

Грин не торопился с ответом. Он был бледен, как никогда, словно призрака увидел.

— Томас, да на тебе лица нет. — заметил Джайлс. — Что случилось?

— Там... просто кошмар какой-то... сэр, есть что выпить?

— Я принесу. — вызвался преподобный Эндрю. — У меня ещё осталось вино с причастия.

Священник направился в церковь.

— Ну так что ты увидел, Томас? — взволнованно спросил Джайлс.

— Сами взгляните.

Кивком Томас подал сигнал своим людям и те развернули ткань. Взору Джайлса предстало обнажённое тело дочки часовщика. Некогда первая красавица города, теперь она лежала на земле мёртвая и обезображенная. На груди её было вырезано злое послание — «Вы следующие!».

— О, Господи! Прикрой её немедленно. — ужаснулся Джайлс. — Не хватало ещё, чтоб отец Эндрю это увидел.

Солдаты Грина поспешили накрыть тело тканью.

— А теперь рассказывай, Томас, всё что ты видел.

— Они разместились в портовой таверне. Вокруг неё с десятков трупов. Они... в их лоно вставлены зажжённые свечи.

— В лоно?

— В зад, это если мужчины, а женщинам...

— Потихе, Томас. Говори тише. Не надо, чтобы другие это слышали.

Представив картину, Джайлс с трудом скрывал волнение в голосе.

— Что дальше, Томас?

Грин перешёл на шёпот:

— Живых мы там не обнаружили, но это ещё не всё...

Из церкви вышел отец Эндрю с кувшином вина. Подойдя к Томасу и его разведчикам он нахмурил брови при виде очертаний тела под тканью.

— Что это?

— Вам лучше этого не знать, святой отец. — угрюмо промолвил Томас, принимая кувшин из рук священника.

Бойцы Грина с жадой принялись поглощать вино.

— Ну говори уже, Томас, не тяни. — потребовал священник. — Я преподобный, а не дитя, ничего со мной не случится.

Томас вопросительно посмотрел на Джайлса. Тот тяжело вздохнул и кивком дал согласие. Грин стащил с трупка ткань.

— Господи Иисусе! — перекрестился священник. — Это же дочка часовщика. Как её там звали? Что за изувер такое сотворил!

— Только, пожалуйста, не говорите пока её отцу, падре. Лишняя паника нам ни к чему. Джайлс обернулся в сторону толпы у церкви, проверяя, нет ли там часовщика.

— Накройте её, накройте.

Солдаты Грина поспешили выполнить приказ.

— А теперь, Томас, ответь, сколько мужчин у нас способных сражаться?

— Человек сорок, сэр. Половина — зелёные новобранцы, едва потерявшие боевую девственность, если можно так выразиться.

— Сколько мушкетов?

— Побольше, чем людей, а толку-то? Ни пуль, ни пороха, запасы на исходе, едва вон от саскуханнок отбились вчера.

— Значит так, собирайте всё что есть и готовьте бойцов, тех кто опытен и хорошо обучен. Чтoб через полчаса тут стояли двадцать человек при оружии. Двадцать бойцов умеющих и готовых сражаться.

— Думаете напасть на пиратов, сэр?

— Я думаю разбить их.

— Но как?

— Застать врасплох. Напасть, когда они этого не ждут.

В голосе Джайлса прозвучала решительность. Глаза его загорелись отвагой.

— Приказ вам ясен?

— Да, сэр! — отсалютовал Томас.

— Приступайте.

Разведчики отправились подымать бойцов. Джайлс остался наблюдать за площадью. С противоположной её стороны, за одним из домов, мелькнула тень. Джайлс присмотрелся, потряс головой. Тень исчезла, словно в воздухе растворилась, как будто её и не было.

«Неужто показалось? — подумал Джайлс, встряхивая головой и прогоняя наваждение. — Чёрт бы побрал этого Ингла.»

Уже три дня Джайлс не знал сна и отдыха.

Пираты в захваченной таверне всю веселились с пленниками. Ингл танцевал на столе рядом с двумя юными колонистками, раздетыми догола. На лицах их отражался страх.

— Давайте, дамы, энергичней! Трясите попками! — кричал Ингл, размахивая пистолетом.

Шлёпнул одну из девушек по заднице, та вскрикнула. На попе у неё остался красный след от ладони.

Сие действо сопровождалось музыкой. Пленные колонисты неумело выводили мелодию на дудочках, их пальцы сильно тряслись.

Ингл принялся горланить песню:

В девушку влюбился я
красоты невиданной,
ей цветы с полей носил,
признавался ей в любви!

А она, такая тварь,
католичкой стала, блядь!
И до свадьбы ни-ни-ни,
лучше ларчик ей купи!

Ночью я поймал её
с католическим хлыщём
и до самого утра
хлыщ мне чистил сапоги!

А её деревня вся
била сапогами,
я молитву ей читал,
в веру нашу обращал!

Но зато мы с ней уже
муж да и жена,
верной стала мне она,
кучу деток родила!

— Веселей-веселей, католические шлюхи! — кричал Ингл. — Не то станете ими!

Пистолетом он указал на обезображенные мужские и женские тела, развешанные вдоль стен. Испуганные колонистки начали было танцевать чуть старательнее.

— Всё, стоп! Надоели вы мне! — рявкнул пират. — Юджин, давай, выводите их отсюда! Решишь, что с ними делать!

— Понял, капитан. — отозвался молодой матрос — юноша лет восемнадцати, ещё не так давно переставший быть юнгой. — А ну живо сюда, шлюшки!

Схватив одну из девушек за руку, Юджин стащил её со стола.

— И ты тоже! Слезай! — крикнул он второй. — Пошли! Пошли!

Грубой силой юноша вытолкнул девушек из таверны.

— А вы что притихли?! — рявкнул Ингл на музыкантов. — Музыку мне, музыку!

Музыка тотчас же возобновилась. Однако Инглу не понравилось, как музыка звучит и он выстрелил в живот одному из пленников. Крича от нестерпимой боли колонист раскорячился на полу.

— Как же скучно. — зевнул пират. — Добейте этих ублюдков. У нас ещё много дел впереди.

Головорезы Ингла со всем рвением принялись исполнять приказ капитана, невзирая на мольбы пленников. Вскоре их крики потонули в бульканье крови. Пленников резали как свиней, весь пол таверны был залит кровью. Наблюдая за кровавым зрелищем, Ингл осушил бутылку рома.

— Так, а теперь снимите с них кожу. — потребовал он. — Вывесим её сушиться на страх врагам.

В процессе резни в таверну вошёл сухопарый долговязый пират. Лицо его было обезображено рябью и оспой. Волосы походили на солому.

— Развлекаетесь, как погляжу.

— А, Микелетто! — радостно воскликнул капитан. — Проходи, присаживайся. Не обращай внимание, у нас тут слегка не прибрано. Рассказывай, как успехи?

— Всё отлично, капитан. Я подкрался к ним незамеченным.

— Ну так рассказывай, сколько их там собралось?

— Человек сто, наверное. — ответил Микелетто, усаживаясь за стол и откупоривая бутылку вина. — В основном женщины, да дети.

— Да насрать мне на беспомощных, Микелетто, я спрашиваю, сколько мужиков там с мушкетами?!

— Человек двадцать, может тридцать. Они собирают небольшой отряд против нас. Человек десять, думаю, оставят охранять церковь.

— Отлично. Всё идёт как надо. — Ингл радостно хлопнул в ладоши. — А что это у тебя, Микелетто, вид какой-то озадаченный?

— Да вот, хочу задать вам вопрос, капитан.

— Ну так задавай, чего медлишь.

— Чего это Юджин возле таверны пытается сделать с теми двумя колонистками?

— А что он с ними делает? Ты меня прямо заинтриговал.

— Да я и сам понять не могу, капитан. То ли трахается, то ли дурачится. Сами взгляните.

Микелетто указал в сторону ближайшего окна. Ингл подошёл, выглянул. Увиденное озадачило и его. Юджин топтался неуверенно позади колонисток как перед закрытой дверью, растерянный, не зная, что делать дальше. Он словно впервые видел женщин так близко. Он напоминал слепого, пытающегося попасть ключом в замочную скважину. От увиденного оба пирата расхохотались. Особенно долго смеялся сам капитан.

— Не обращай внимание, Микелетто. Парень ещё девственник. Ни разу не трахался, бедняга. Пойдём, поможем ему.

Похлопав соратника по плечу, капитан направился к выходу. Оказавшись на крыльце, он захлопал в ладоши, привлекая внимание Юджина.

— Браво, Юджин! Браво! Ты неплохо справляешься для первого раза. Да не робей ты так. На вот, выпей лучше.

Подойдя к юноше, капитан передал ему флягу. Юджин принял её трясущимися руками и принялся жадно глотать обжигающую жидкость.

Приблизившись ещё, Ингл прошептал ему на ухо:

— Мой тебе совет, Юджин, целься ниже. Тогда будет тебе счастье. Давай, дерзай.

Ингл и Микелетто подняли фляги.

— Выпьем же за нашего бравого матроса!

— За Юджина!

Отпив по глотку, пираты вновь разразились хохотом.

— Ну что же, время не ждёт! — воскликнул Ингл. — Нас ждут великие дела! Собирай бойцов из таверны, Микелетто, потом дорежут свинину. Нам ещё встречать людей Брента. А ты, Юджин, наслаждайся. Затрахай их до смерти! Это приказ. Вернись — проверю.

— Да, капитан!

Шлёпнув колонистку по заднице, Ингл решительной командирской походкой направился к ближайшему дому, где его ожидала абордажная команда.

— Ну что, бойцы, скучаем?! Как там Корнуоллис? Ещё не сдох?

— Живой ещё, капитан! Сами взгляните. — крикнул абордажник, махнув в сторону дома.

Зайдя внутрь, Ингл обнаружил лежащего в углу Корнуоллиса. Он был без сознания. Рядом ютились другие пленники. Их было много, как сельдей в бочке. Двое головорезов, вооружённых пистолетами, стерегли этих несчастных.

Внимание Ингла привлекла белокурая девушка, сидящая возле Корнуоллиса. Она пыталась остановить кровотечение, прикладывая ткань к ранам адмирала. Подойдя к ней, пират приподнял её голову за подбородок, чтоб получше рассмотреть её милое овальное личико. Это была робкая девушка, молодая, на вид — ровесница Юджина, с тонкой осиной талией и большими голубыми глазами.

— Как тебя зовут, малышка?

— Аделина. — ответила девушка, стараясь не смотреть в ужасные серые глаза Ингла.

— Прекрасное имя, Аделина. — промолвил пират. — Мою матушку так звали. Кстати, ты на неё чем-то похожа. Да не дрожи ты так. Всё хорошо. Тебя никто не обижал здесь?

Капитан строго посмотрел на своих головорезов.

— Да мы её и пальцем не тронули, капитан! — ответил один из них.

— Я не с тобой разговариваю, Билли! — рявкнул Ингл. — Ответишь мне, когда я скажу!

Лицо Ингла окаменело, глаза приобрели стальной оттенок.

— Да, капитан. Я вас понял. Прошу простить.

Билли виновато опустил голову.

Повернувшись к Аделине, Ингл вновь переменялся в лице и жеманно произнёс:

— Аделина, дорогая, мне повторить свой вопрос?

В голосе Ингла не чувствовалась угроза, скорее отеческая забота.

— Н-нет, не надо. Они не трогали меня. — ответила девушка.

Её тонкий нежный голосок звучал испуганно.

— Хорошо. — произнёс пират. — Я смотрю, ты врачевать умеешь. — кивнул на окровавленные повязки. — Кто научил тебя этому?

— М-мой отец. — тихо ответила девушка. — Он тут р-работал лекарем.

На глазах Аделины навернулись слёзы.

— Так значит, мы тут у тебя в гостях?

Ингл окинул взглядом помещение, бывшее лавкой аптекаря. На стеллажах вдоль стен были расставлены всевозможные склянки, колбы и инструменты.

— Ну что ж ты плачешь, хозяйшечка? — ласково спросил пират. — Одно твоё слово и мы уйдём. Только скажи. Мы не хотим злоупотреблять твоим гостеприимством. Верно, братцы?

— Да, капитан. — недоумённо ответили головорезы.

Аделину всю трясло. Она боялась ответить.

— Ну вот, засмутили бедную девушку. — рассмеялся Ингл. — Как настоящие джентльмены, мы должны покинуть этот дом, дабы не смущать боле своим присутствием эту юную леди. — пират выпрямился в полный рост. — Господа! У нас всё готово к встрече Брента и его людей?

— Да, капитан. Ждём только вашего приказа.

— Отлично! Тогда на исходную! Юная мисс, прошу простить нас за это вторжение.

Внезапным порывом Ингл вцепился в губы Аделины жарким поцелуем. Её заплаканные глаза расширились от удивления и ужаса одновременно. Она чувствовала как его язык жадно орудует у неё во рту. Когда это закончилось, она едва могла дышать от волнения. Оторвав от неё свой вонючий пропахший алкоголем рот, Ингл благодарно улыбнулся.

— И за это вторжение тоже прошу меня простить.

Аделина не знала, что ответить. Только таращилась на него оцепеневшими глазами.

Пират кивнул ей на бессознательного Корнуоллиса.

— Ты уж позаботься о нём, хорошо? Адмирал мне ещё нужен живым. А сейчас, сударыня, разрешите откланяться. Меня ждут великие дела! Надеюсь, мы ещё увидимся.

Улыбнувшись своей мерзкой улыбкой, Ингл на прощание лизнул по-собачьи щёку Аделины и подмигнул ей. Затем он повернулся к своим головорезам.

— Вы ещё здесь?!

— Капитан?

— Я же сказал, на исходную! Живо!

— Да, капитан!

Глава VI. Круглоголовый

Квебек. Второй день переговоров.

На следующий день после переговоров с роялистом Артуром Капелем Мелье вновь направился в резиденцию. По широким мраморным ступеням он поднялся в кабинет генерал-губернатора, где его уже дожидались де Монманны и упитанный джентльмен. Среднего роста, с короткой стрижкой, красным лицом и рыжими волосами, с виду типичный англичанин. Определение «круглоголовый» подходило ему как нельзя лучше.

— А, мсье де Мелье, — радостно воскликнул де Монманны, — рад вас снова видеть! Я учёл ошибки нашей вчерашней встречи и более никаких долгих формальностей. Тем более, мсье Буль не возражает. Сразу к делу. Познакомьтесь, Джон Буль — представитель Парламента Англии.

— Рад вас видеть, сэра! — круглоголовый поприветствовал гасконца дружелюбным рукопожатием. Его маленькие глазки, заплывшие жиром, пытливо осмотрели собеседника.

Мелье, в свою очередь, присмотрелся к англичанину. В отличие от роялиста Артура Капеля, представитель Парламента Джон Буль не был похож на военного человека, но выглядел куда более сведущим в политике и дипломатии. Прикрыв за собой дверь, генерал-губернатор де Монманны незаметно удалился в соседнюю комнату.

— Благодарю вас, сэра. Я ждал этой встречи. — сказал англичанин.

— Ну рассказывайте, мсье Буль, что же английский Парламент хочет нам предложить? — с деловым видом спросил де Мелье, усаживаясь поудобнее в мягкое кресло и по привычке подкручивая усы.

— Мы хотим, чтобы ваша Республика присоединилась к нам в борьбе против Карла Стюарта.

— Хм, что-то похожее я уже слышал вчера. И что вы нам предложите взамен?

— Автономию во внутренних делах и представительство в Парламенте. Что скажете?

— Допустим.

— Вы согласны?

— Допустим, мы примем ваше предложение. Сколько мест в Парламенте мы получим?

— Мне нравится ваша деловая хватка. — улыбнулся англичанин. — Полагаю, для такой небольшой автономии, как ваша, выделить два-три места мы вполне в состоянии.

Мелье расхохотался. В недоумении Джон Буль наблюдал, как его собеседник помирает со смеху.

— Два-три местааааааааа!!! Вы... ахах... вы... ахаха... вы серьёзноооо... охohoх... Господи... мсье Буль, зачем... аха... зачем так смешииииить?! Ахахахааа!!!

Терпеливо Джон Буль ждал, пока приступ смеха у его собеседника пройдёт. Но Мелье и не думал останавливаться.

— Ахха... аха, два ахахаха три мее... ахах ста, ой Господиии... аха, простите, мсье Буль, вы... ахахахахах, до слёз... аааааа!

— Вы в порядке, сэра?

— Да, ахах, да, вполне. Уух... Уфф. Всё. Прошу простить мою несдержанность. Ууух, давно я так не смеялся.

— Так что скажете насчёт предложения?

— Мсье Буль, — Мелье, наконец, принял серьёзное выражение лица, — вы только ради этого прибыли сюда из Англии? Вы это серьёзно? — выразив глубочайшее удивление столь мелочному жесту, гасконец резко поднялся с кресла. — Всего доброго, мсье Буль. Нам не о чем с вами разговаривать. Роялист вчера предложил и того больше вашего. Хотя, должен при-

знать, повеселили вы меня знатно, не зря пришёл. — Мелье вновь рассмеялся, но уже сдержанно. — А сейчас, разрешите откланяться.

Гасконец собрался было уходить.

— Пойдите, сударь. — остановил его Джон Буль. — У меня есть сведения, которые вас крайне интересуют.

Англичанин выдержал паузу, словно ожидая, пока рыбка клюнет. Развернувшись, Мелье вопросительно посмотрел на собеседника.

— Присаживайтесь. Разговор будет долгим. — представитель Парламента указал на кресло и сам сел напротив.

— Я сюда прибыл не сказки слушать, мсье Буль! Если вам есть что сказать по делу, то говорите! А если нет, то попрошу не тратить моё время попусту!

В голосе гасконца отчётливо слышалось раздражение. Мелье терпеть не мог эти долгие интригующие паузы и нагнетание атмосферы таинственности.

— И всё-таки вы присядьте. Сведения эти действительно очень ценные. Вы не пожалеете, это я вам обещаю.

Англичанин хитро улыбнулся.

— Точно не пожалею? — с сомнением спросил де Мелье.

— Уверю вас, эти сведения стоят того.

Немного помедлив, Мелье уселся в кресло и откинулся на спинку, всем своим видом как бы давая понять: «Вам меня не провести, хитрые англичане». Повисла пауза.

— Ну? — Мелье вопросительно уставился на англичанина. — Что за сведения?

Джон Буль вновь улыбнулся.

— У нас с вами общий враг, сударь. Мы оба сражаемся против произвола королевской власти и их прихвостней.

— Мсье Буль, давайте ближе к делу.

— Дело в том, сударь, что в одной из ваших провинций зреет заговор.

Джон Буль допустил интригующую паузу.

— Заговор? — удивлённо переспросил де Мелье.

— Так вы и вправду не в курсе? Пуритане Новой Англии намерены присоединиться к своему кумиру, коим является Оливер Кромвель, и уже в старой доброй Англии громить его отжившее величество Карла Стюарта.

— В самом деле? Ну что же, пусть громят, я не против. — одобрил гасконец. — Всё равно здесь толку от них никакого. Так а в чём, собственно, заговор-то?

— А в том и есть, что это не просто какая-то там кучка фанатиков, а целая армия со своими целями и лидерами. И эта армия не подчиняется господину Уинтропу. Эти заговорщики намерены сместить его и захватить власть в Новой Англии. Что дальше? Выйти из состава ОСПА и вернуться под крыло Парламента.

Джон Буль ожидал, что подобная весть повергнет Мелье в смятение. Однако реакция гасконца не оправдала его ожиданий.

— И всего-то? Ради бога, пусть присоединяются, еретики чёртовы, никогда их не любил!

— Вы серьёзно?

Заплывшие жиром глаза англичанина расширились от удивления.

— Конечно! — ответил гасконец. — Мы и без них прекрасно обойдёмся. К тому же, право свободного выхода из состава ОСПА прописано в нашей конституции. Если жители Новой Англии того пожелают, никто не станет удерживать их насильно.

— Допустим. Если они выйдут, то что же тогда останется?

Англичанин посмотрел на собеседника вопросительно, едва скрывая усмешку.

— Вирджиния, Род-Айленд, Мэриленд. — невозмутимо ответил Мелье. — Вы разве не знаете?

— Разумеется, знаю. Однако в таком составе независимость вам точно не удержать.

— Мы что-нибудь придумаем.

— Французы, голландцы, испанцы, шведы, они растащат вашу Республику по частям!

Не в силах сдерживаться, Джон Буль вскочил с места и принялся расхаживать по кабинету.

— Пусть только сунутся! — воскликнул Мелье. — Я им покажу «Битву в узком проливе»! Помните, как я вашего напыщенного индюка Томаса Стейсона вокруг пальца обвёл? Вот то же самое будет и с ними!

Гасконец стукнул кулаком по столу.

— Не нашего индюка, сэр, роялистского индюка.

Представитель Парламента намекал на фанатичный роялизм адмирала Стейсона, ныне покоящийся вместе с ним на дне морском.

— Не важно. — ответил гасконец. — Для меня что роялисты, что круглоголовые, все на одно лицо — англичане!

Представитель Парламента поморщился. Прозвище «круглоголовый» англичане считали обидным.

— Каким бы гениальным стратегом вы ни были, сэр, ваших сил и умений тут явно не хватит, чтобы сдержать сей натиск и спрятаться вам будет негде. — Джон Буль подошёл к висящей на стене карте Северной Америки. — Вот, взгляните, — указал он, — вас окружают одни лишь равнины. Где вы будете устраивать неприятелю засады? А? Одумайтесь, сударь! Население Англии исчисляется миллионами, ваше же жалкими десятками тысяч! Давайте смотреть правде в глаза, сэр, вы не удержите свою независимость. Вы вообще существуете лишь только потому, что мы, англичане, имеем на вас права!

Мелье не мог не заметить, как переменялось настроение его собеседника. Ранее сдержанный, Джон Буль, похоже, начинал терять терпение, почувствовав несговорчивость гасконца в полной мере.

— Равнины, заросшие непроходимым лесом, и высокие холмы. — поправил Мелье — В бою же один колонист стоит десятерых англичан! Но да ладно, допустим, даже если и так, что вы хотите предложить кроме автономии и военного союза против короля?

— Военного союза? Сэр, мы предлагаем вашей Республике вернуться в состав Англии, нашей Англии!

— Вы серьёзно? — Мелье расхохотался. — Я даже обсуждать это не стану. Не для того мы проливали кровь за нашу свободу и независимость, чтобы так легко сдаться. Думаете, что сможете запугать нас коалицией европейских держав?! Разбили вас, разобьём и их!

Мелье тоже встал с кресла и издевательски похлопал Буля по плечу. Тот явно не оценил подобный жест.

— Сотня тысяч от силы с женщинами и детьми, господин де Мелье. Не храбритесь напрасно. Если мы не договоримся мирным путём, вы обречены на уничтожение. Позвольте помочь вам, иначе вас сотрут в порошок.

— Это ультиматум? Вы нам угрожаете?!

— Это предупреждение. Более того, в ваших рядах явно нет единства. Пуритане Новой Англии скоро присоединятся к нам, лоялисты же до сих пор не признают власть вашего Сената. Для лоялистов никакой Республики не существует, есть только король Карл Стюарт, которого они будут поддерживать покуда этот тиран не сложит голову на эшафоте. К слову, наша победа не за горами. Дни короля сочтены.

— Роялисты придерживаются иного мнения, мсье Буль. Говорят, Парламент скоро падёт. Лоялисты же не представляют из себя совершенно никакой угрозы. Бунтуют себе, почти никому не мешают.

Мелье усмехнулся.

— Вам смешно, сударь, но вы не хуже меня знаете, что лоялисты — настоящая головная боль Сената.

— Скорее заноза в заднице.

— Вы, господин Мелье, совершенно бескомпромиссны, верно? И я, верно, теряю зря время, общаясь с вами. Быть может, мне следует обратиться к Сенату напрямую?

— Попробуйте. — кивнул гасконец. — Может они вас даже послушают. Там полно продажных Иуд.

— Тогда мне удастся найти компромисс.

Устав стоять на ногах, Джон Булль присел обратно в кресло.

— Ваши слова, да Богу бы в уши. — сказал де Мелье. — Вот что вы можете им такого предложить кроме взятки? Лично мне, так полагаю, ничего.

— Я ещё раз вам повторяю, мы предлагаем вам сохранить все ваши революционные завоевания. От лица Парламента я гарантирую неприкосновенность всех ваших прав и свобод!

— Этого мало. Иногда мне кажется, мсье Булль, что Карл Стюарт по сравнению с вами просто образец щедрости!

Гасконец вновь расхохотался.

— Вы хотите автономию — оставьте её себе. Не хотите платить налоги в английскую казну без представительства в Парламенте — будет вам представительство! Число мест в Парламенте можно и увеличить, скажем, до десяти.

— А может мы лучше налоги платить не будем? — сквозь смех предложил де Мелье.

— Такой вариант тоже возможен. — спокойно ответил Джон Булль, увидев возможность договориться.

— И всё равно нет.

Мелье уже в открытую издевался над парламентом. Гасконец рассудил, что раз время всё равно потеряно попусту, почему бы не развлечься напоследок.

— Так вы не согласны?

Джон Булль выглядел крайне разочарованным.

— Нет, не согласен.

Англичанин, казалось, был готов выйти из себя. Его лицо приобрело угрожающе пунцовый оттенок.

— Не согласны?!

— Нет.

— Чёртовы мятежники! Вы понимаете, что мы сотрём вас в порошок?! — вскочив на ноги и жадно хватая ртом воздух, Джон Булль угрожающе потряс кулаком. — Оливер Кромвель — великий воин! Его армия не знает равных! Расправившись с королём, он прибудет сюда! Его легионы растопчут вас! Вас и краснозрых дикарей, что поддержат вас! И он самолично повесит каждого ублюдка в Сенате, что имел дерзость не подчиниться Парламенту!

От угроз Джона Булля ни один мускул не дрогнул на лице де Мелье.

— Значит так, мсье Булль, вы предпочитаете договариваться? Переходите к угрозам, когда по-хорошему не получается? Надеетесь нас запугать? — Мелье нахмурил брови, в голосе его зазвучали стальные нотки. — Ну знайте тогда, что народ Вирджинии не любит, когда ему угрожают. Как только ваши корабли появятся у нас на горизонте, мы, гордые колонисты Вирджинии, отымеём вас вновь! Вас и вашего Кромвеля вместе с вами!

Лицо англичанина приобрело уже угрожающе фиолетовый оттенок.

— Вы! Вы об этом пожалеете!

— Да не нервничайте вы так, мсье Булль, в вашем возрасте это вредно.

— Да я... да я на год вас моложе! Как смеете вы говорить мне про возраст, подонок!

Булль изо всех сил сдерживался, чтоб не наброситься на Мелье. Лицо его пылало, пальцы судорожно сжимались в кулаки.

— Тогда как насчёт дуэли? Я вас оскорбил? Потребуйте сатисфакцию!

Теперь в голосе гасконца послышались радость и живой интерес. Англичанин же сменил гнев на смятение, он моментально изменился в лице, побледнел, на лбу выступил холодный пот.

— Нет-нет, зачем же так радикально... зачем так радикально решать проблему? Вы можете просто... вы можете просто принести мне извинения и этого будет достаточно.

Испуганный неприятной перспективой, Джон Бульль заговорил очень быстро, всеми силами стараясь скрыть волнение в голосе.

— А если я не хочу приносить вам свои извинения? — с нажимом произнес де Мелье.
— Тем более, это вы меня оскорбили, назвав подонком.

Мелье продолжал подначивать своего оппонента, развлекаясь с ним как кошка с мышкой. За свою жизнь он повидал немало людей, не умеющих держать язык за зубами, и хотел посмотреть, к какому же сорту принадлежит Джон Бульль. Гасконец поигрывал эфесом своей шпаги перед глазами англичанина, заставляя того сильно нервничать. Глаза Мелье угрожающе сверкнули.

— Я... я... знаете что, господин де Мелье, я не стану играть в ваши игры!

В голосе англичанина вновь зазвучала твёрдость. Гасконец лишь вопросительно приподнял бровь. Он понял, что Бульль не умеет отвечать за свои слова.

— Да, я говорю, господин де Мелье, вы можете считать меня трусом, мне всё равно! Я не желаю более иметь с вами дел!

— Взаимно, мсье Бульль.

— Я скажу лишь только, что дело ваше безнадежно.

— Это я уже слышал.

— Очень скоро, раньше, чем вы думаете, так называемая ОСПА станет ареной битвы и вам эту битву не выиграть!

— И это слышал.

— От лица Парламента торжественно вам обещаю, когда мы разберёмся с королём, мы и до вас доберёмся!

— Передайте от меня привет мсье Кромвелю и скажите, что я буду его ждать!

Выватив из-за пояса искусно декорированный кинжал, гасконец вонзил его в лежавшую на столе карту Восточного побережья. Такой поступок слегка обескуражил представителя Парламента и он, не говоря более ни слова, спешно покинул кабинет, хлопнув напоследок дверью. На несколько секунд воцарилась тишина, пока из соседней комнаты не вышел, хлопая в ладоши, генерал-губернатор де Монманны, про которого все как будто забыли в ходе словесной баталии. Всё это время он был рядом и слышал весь разговор от начала и до конца.

— Bravo, мсье де Мелье! Мне чрезвычайно понравилось ваше решение. Лихо вы уделали этого кругломордого.

Широко улыбаясь, де Монманны одобрительно похлопал гасконца по плечу.

— Не уверен, что он остался доволен результатом, но мне точно понравилось. Я отлично провёл время. — усмехнулся Мелье. — Даже удалось выведать полезную информацию. В Новой Англии зреет заговор. Благодарю вас, мсье де Монманны, за ваше гостеприимство. Мне необходимо срочно навеститься в Бостон, прояснить ситуацию с этими пуританскими заговорщиками.

Гасконец собрался было уходить.

— Постойте, мсье де Мелье, у меня к вам предложение от лица его Высокопреосвященства кардинала Мазарини.

— Интересно, что угодно его Высокопреосвященству?

— Кардинал ясно дал понять, что Франция готова предложить союз вашей Республике. Вдумайтесь, союз, не аннексию.

Генерал-губернатор улыбнулся ещё шире, насколько позволяла ему вставная челюсть. Гасконец же задумался.

— Хм, а вот это уже действительно интересно.

— Ещё как! — воскликнул де Монманны. — Даже если вы останетесь без Новой Англии, с таким сильным союзником, как Франция, никто не посмеет напасть на Мэриленд и Вирджинию, даже Оливер Кромвель!

— И что Франция хочет взамен?

— Взамен Франции нужен лишь надежный союзник в Новом Свете. Союзник, на которого мы могли бы положиться.

— Надежного союзника вы получите, как только я смогу убедить Сенат в целесообразности сего союза.

— С вами чертовски приятно иметь дело, мсье де Мелье. — Монманны пожал Шарлю руку. — Я прекрасно помню ваш вклад в освобождение Шамплена в тридцать втором году, Франция вам этого никогда не забудет! Кстати, не забудьте ваш кинжал. — генерал-губернатор кивнул в сторону торчащего из карты кинжала. — Мне будет крайне неловко, если вы его здесь потеряете. Всё-таки, этот кинжал подарил вам сам Шамплен.

— Непременно.

— И не переживайте насчёт стола. Мне этот стол всё равно никогда не нравился.

— Чертовски приятно слышать, мсье де Монманны. — улыбнулся гасконец, выдёргивая из карты кинжал. — Можно я и карту заберу на память?

— Разумеется. Удачи вам в Бостоне, мсье де Мелье!

Глава VII. Бич Божий

Затишье. Полуденное солнце припекало. По пустынным улочкам Сент-Мэриса крался небольшой отряд Джайлса Брента. Цепочкой бойцы перемещались от здания к зданию. За ними след в след поспевали бойцы Томаса Грина. В общей сумме оба отряда насчитывали двадцать человек. По мере приближения к порту тишина отступала. Всё отчётливее слышались звуки грабежа и насилия. Чудом уцелевшие дома стояли вплотную друг к другу, стеной отделяя бойцов Брента и Грина от пиратов по ту сторону.

Построив оба отряда в общую шеренгу, Джайлс прокрался к крайнему зданию, бывшему конторой портового управления. Выглянув из-за угла, он увидел пиратов в ближайшем дворике возле таверны. Они явно были пьяны. То и дело звучала крепкая брань. Жестом Джайлс подозвал к себе Грина. Тот подошёл и тоже выглянул из-за угла.

— Полагаю, это те, кого мы ищем. — риторически уточнил Томас.

— Они самые. Попробуем их окружить. Мои займут позицию справа, а твои зайдут слева. Атакуем их с двух сторон по моей команде.

— Предлагаете разделиться?

— А у тебя есть предложения получше?

— Сэр, я как раз об этом думал, не лучше ли нам собрать силы в кулак? Так нас не смогут разбить по частям.

Брент недовольно посмотрел на Грина.

— Предлагаешь переть на них толпой? Этому тебя обучали в военной академии?

— Нет, сэр. Я...

— Я ведь, знаешь ли, тоже обучался в военной академии и кое-что смыслю в тактике. — перебил Томас Брент.

— Сэр, никто не оспаривает ваш тактический гений...

— И мой гений диктует, что противника будет лучше окружить.

Грин с сомнением метнул взгляд в сторону вражеского лагеря.

— Их явно больше, чем нас.

— Они пьяны и едва стоят на ногах. Да и наша атака будет внезапной. Ты слышал что-нибудь про элемент неожиданности, Томас?

— Сэр, а вдруг это ловушка?

Лицо Грина по-прежнему выражало сомнения.

— Ловушка?

— Подумайте, за всё время пути сюда мы не встретили сопротивления.

— И?

— Быть может, нас заманивают в западню.

Грин выглядел встревоженным.

— Томас, потому и не встретили, что пираты пьяны и устали. — раздражённо произнёс Джайлс. — А ещё они не ждут этой атаки.

— Или ждут. Сэр, при всём уважении...

— Томас, они думают, что мы забаррикадировались в центре города. Они думают, что мы сидим в церкви и дрожим от страха. Но это не так, Томас. Мы здесь и сейчас мы надерём им задницу.

— Но, сэр...

— Никаких но, Томас. Решение принято, мы атакуем. Отступать уже поздно. Мы атакуем, Томас, это приказ.

Джайлсу Бренту не нравилось, когда его приказы обсуждают. И уж тем более ему не нравилось, когда кто-то сомневался в его полководческих талантах. Разве не он отстоял Сент-Мэрис перед превосходящими силами саскуеханнок?

Тяжело вздохнув, Грин был вынужден согласиться. Хотя и не понимал до конца всей «гениальности» манёвра Брента.

Джайлс указал на дом справа.

— Оттуда мы подадим наш знак.

— Вы предлагаете нам отделиться от наших отрядов?

Грину всё меньше и меньше нравилась затея Брента.

— Я не предлагаю, Томас, — ответил Брент, — я приказываю. Будь любезен исполнить приказ и передай его своим людям.

Голос Джайлса заметно похолодел.

— Да, сэр. — кивнул Грин после секундных колебаний.

Грин по-прежнему ощущал тревогу. Как бы ему ни хотелось верить в безупречность плана Джайлса, тревожное предчувствие нашёптывало ему, что всё пойдёт не по плану. Тем не менее, он выполнил приказ и сомнительный манёвр начался. Отряд Грина пошёл влево и скрылся за углом в конце улочки, отряд Брента выдвинулся вправо, заходя со стороны таверны. Пираты всего этого не видели, они были увлечены чем-то своим. Сами же Брент и Грин короткими перебежками переместились к тому самому дому, на который указывал Брент. Отсюда, из-за угла, открылся отличный вид на дворик, в котором разворачивалась страшная драма.

Согнанные с окрестных домов колонисты стояли на коленях посреди двора. Они образовывали некое подобие арены, в центре которой выступал долговязый пират Микелетто — правая рука Ингла.

— Ну ты посмотри, Джонни, — обратился Микелетто к другому пирату, — что у них тут есть, идолы всякие размалёванные, бесполезные тряпки! Тьфу! Чёртовы идолопоклонники! Давайте парни, сваливайте всё в кучу! Сейчас я это дело освящу!

Пираты свалили перед пленными католиками церковную утварь: иконы, одеяния, лампы и прочее. То, что случилось дальше, привело католиков в ещё больший ужас. Расстегнув штаны, Микелетто достал свой прибор и обильно помочился на церковную утварь. Остальные пираты заржали.

— Ты посмотри на их лица, Джонни! Вот умора!

Пленным католикам оставалось лишь молча наблюдать за этим святотатством. Никто из них не возмутился. Страх был сильнее. Тех, кто отворачивался, пираты били прикладами.

— Смотреть! Смотреть всем, ублюдки! Попробуйте кто ещё отвернуться!

Мощным ударом приклада Джонни выбил зубы какому-то старику.

Грин и Брент всё это видели и во взорах их вспыхивала жажда праведной мести. Пальцы крепко до побеления сжимались на стволах мушкетов.

— Ну что, атакуем? — шепотом спросил Грин.

— Подожди, ещё рано. Наши ещё не подошли на позицию.

Джайлс заметно нервничал.

Представление меж тем продолжалось.

— Ну вот, другое дело. — удовлетворённо кивнул Микелетто на обоссанную утварь. — А знаете что, католические шлюхи, если вам так нравится поклоняться всяким клоунам, у меня есть идея. Эй ты! Ко мне, живо!

Микелетто указал на худого старика, стоящего на коленях поблизости. Двое пиратов тотчас же подхватили его под руки и потащили к Микелетто.

— Сэр, не пора ли? — с тревогой спросил Грин.

— Подожди, Томас, я не вижу наших. Они уже должны были подойти на позицию.

— А они не подойдут, Джайлс. — раздался голос у них за спиной.

У Джайлса сердце ушло в пятки. По спине пробежал холодный пот. Он узнал этот голос. Ледяной, лишённый человеческого тепла, не предвещающий ничего хорошего. Разом обернувшись, они с Грином увидели нацеленные на них два увесистых пистолета в руках Ричарда Ингла. Лицо пирата исказилось его фирменной ехидной ухмылкой. За спиной у него стояли три головореза, вооружённые до зубов.

— А сейчас, господа, положите ваши мушкеты на землю. — велел Ричард Ингл. — И никаких резких движений. Лишние жертвы нам ни к чему.

Брент и Грин сидели как вкопанные, ошеломлённые столь внезапным появлением неприятеля. Окружая врага, уж никак они не ожидали, что сам Ингл зайдёт к ним с тыла.

— Ну право же, господа, довольно строить из себя героев. — произнёс Ричард Ингл. — Соппротивление бесполезно. Положите мушкеты и никто не пострадает.

В голове Джайлса звучали слова, сказанные отцом Эндрю накануне: «Лучше смерть, чем плен у Ингла». Первой мыслью было вскинуть мушкет и попытаться убить негодяя. Он понимал, что упадёт замертво прежде, чем осуществит свою задумку, но не лучше ли и вправду смерть? Геройски уйти на поле боя? Затем на смену первой мысли пришла вторая. Ты ещё успеешь отомстить. А в плену у тебя будет больше шансов защитить сестёр, договорившись с пиратами о выкупе. Мёртвым ты им не поможешь. Вторая мысль показалась Бренту убедительней. Джайлс понимал, что всё кончено. Они угодили в западню. И почему он только не послушал Томаса Грина?

Ингл между тем начинал терять терпение.

— Ну же, господа, не выводите меня из себя!

Медленно Джайлс положил мушкет на землю. Грин не спешил следовать его примеру.

— Замечательно. Теперь вы, мистер Грин. — промолвил пират.

— Делай, что он велит. — прошептал Брент.

В голове у Грина шла внутренняя борьба. Он медлил.

— Мне это надоело. — зевнул Ингл. — Пристрелите его.

— Нет! Стойте! Стойте! Я сдаюсь! — вскричал Томас, бросая мушкет к ногам неприятеля.

— Ну вот и отлично. — усмехнулся пират. — Не так уж и сложно, верно? А теперь вставайте! Корнуоллис вас уже заждался. И поживее! Мы и так потратили на вас много времени, клоуны!

С разных сторон слышались выстрелы. Похоже, кто-то из людей Брента и Грина решился таки оказать сопротивление. Выстрелы быстро стихли. Сопротивление было подавлено.

— Слышали?! — воскликнул Ингл. — Это ваши недотёпы угодили в западню! Думали окружить нас?! А мы окружили вас!

Пираты расхохотались и, подталкивая пленников дулами мушкетов, повели их во двор. Слышались вновь редкие выстрелы — пираты добивали раненых.

Брента и Грина вытолкали во двор. Они прибыли в самый разгар представления, когда Микелетто вырезал на груди старика слово «Еретик». Несчастный кричал от нестерпимой боли и истекал кровью.

— А вот и вы, капитан! — радостно воскликнул Микелетто. — Не желаете ли продолжить службу? Паству я уже разогрел.

Пират наиграно возвёл руки к небу. Руки его были по локоть в крови.

— Нет-нет, — рассмеялся в ответ Ингл, — продолжайте, Ваше Святейшество. А мы с Томасом и Джайлсом понаблюдаем.

— Где Корнуоллис? — спросил вдруг Джайлс, за что получил удар прикладом в грудь от одного из головорезов.

— Молчать! — рявкнул головорез.

— Полегче, Билл. — упрекнул его Ингл. — За что ты так с нашим гостем? Он всего лишь хочет узнать, где его друг. Так давай же удовлетворим его любопытство, но сперва досмотрим службу. Извините, что прервали вас, отец Микелетто. Продолжайте, пожалуйста.

Благодарно кивнув, Микелетто продолжил экзекуцию, а после обратился к «пастве»:

— Почему вы дрожите? Нас не нужно бояться! Возрадуйтесь же! Мы те, кто поможет вам низвергнуть ложных идолов! Мы поможем вам войти в лоно истинной церкви! То, что вы еретики, не приговор для вас! Вы просто ещё слепые котята, не узревшие истину. Мы поможем вам. Не верите? Ну так позвольте я вам докажу. Видите этого старца? — Микелетто указал на старика с вырезанным на груди словом «Еретик». — Он немощен и болен! А ложе его уже много лет не посещала любовь! Скажите, разве истинный Бог оставит в беде этого несчастного?! Нет! И мы поможем ему обрести счастье. Старец, подойди!

На трясущихся ногах старик повиновался. Микелетто извлёк из камзола табакерку и высыпал из неё какой-то загадочный порошок в медный кубок. Затем он залил в кубок ром и размешал, после чего передал кубок старику.

— Выпей это.

Трясущимися руками старик принял кубок и начал жадно хлебать его содержимое.

Микелетто обратился к присутствующим:

— А теперь нам нужна та, что подарит свою любовь этому несчастному! Добровольцы есть? Нет?! Никто не хочет помочь своему брату по вере?! Вот оно ваше истинное лицо, еретики! Все вы поголовно эгоисты и лицемеры, забывшие заветы нашего Господа! Ничего, я сам сейчас выберу!

Микелетто пошёл вдоль ряда пленников, присматриваясь к женщинам. Многие из них были готовы потерять сознание от страха.

— Святой Микель учит нас делиться с ближним, как учил его Иисус. — промолвил Микелетто и остановился возле миловидной колонистки с большой грудью. — Ты, иди-ка сюда. Да поживее!

Схватив колонистку за руку, пират вытащил её на всеобщее обозрение. Та еле держалась на ногах.

— Ну что, старик, ты чувствуешь любовь?! — крикнул пират.

И тут все заметили, как топорщатся штаны у старика. Пираты расхохотались.

— Он уже готов! — крикнул кто-то из головорезов.

— Что... вы... мне... дали? — слабо вымолвил старик, с изумлением наблюдая, как нечто рвётся из его штанов.

Подойдя к изумлённому старику, Микелетто обнял его за плечи и показал табакерку, ту самую, из которой ранее высыпал загадочное содержимое.

— Забытые ощущения, не правда ли? Это, старик, дар богов. Порошок из высушенного корня корейского женишеня. Он вновь сделает тебя молодым, как раньше. Ты будешь удивлять прекрасных женщин в постели и дашь фору самым прославленным любовникам мира сего. А теперь, дети мои, давайте знакомиться! Как тебя зовут, старик?

— Габриэль.

В голосе старика больше не чувствовался страх, только дикое возбуждение. Даже клеймо у него на груди перестало болеть.

— А тебя, дочь моя? — обратился Микелетто к колонистке.

— Джоанна. — испуганно пискнула та.

Габриэль перевёл взгляд со своего бугорка на Джоанну, в глазах его вспыхнул похотливый огонёк.

— Возьмите друг друга за руки, Габриэль и Джоанна. — торжественно призвал Микелетто. — Властью, дарованной мне Господом нашим Иисусом Христом и Его посланником Святым Микелем, я нарекаю вас мужем и женой! Можете консумировать ваш брак. — Мике-

летто строго посмотрел на Джоанну. — Ты слышала?! Вставай на четвереньки! Видишь, у твоего мужа стояк?! Исполни же свой супружеский долг!

В мгновение ока Джоанну схватили за плечи и резко опустили вниз. Она упала на руки и колени, не в силах подняться. Слёзы застилали ей глаза. Она чувствовала, что её тело ей больше не принадлежит. Её поставили как куклу, как вещь. Габриэль же не смог себя сдерживать, все рамки были сняты.

— Аминь, дети мои! — торжественно изрёк Микелетто.

— Всё, теперь можем идти проведать Корнуоллиса. — обратился Ингл к Бренту и Грину. Те сидели, разинув рты и как будто даже не слышали, что сказал им Ингл, настолько были шокированы происходящим. В голове не укладывалось, насколько больной фантазией обладают люди, взявшие их в плен.

— Вы слышали?! — рявкнул Ингл. — Поживее, пока сами не заняли место Джоанны!

Оказаться на месте Джоанны им обоим, по всей видимости, не хотелось, а потому они встали и безропотно последовали за Инглом. Направлялись они в сторону лавки аптекаря. Пират шагал впереди. Джайлс отчаянно боролся с желанием наброситься на него и задушить его голыми руками. Однако присутствие головорезов, идущих за ними следом, отбивало сие желание.

По пути Джайлс с Томасом узрели неприятную картину. Десятки трупов с перерезанными горлами лежали во дворе вдоль стен. Всё вокруг было забрызгано кровью. Джайлс с Томасом переглянулись и во взглядах их читалось отчаяние. Среди прочих убитых они узнали и своих бойцов. Повернувшись к пленникам, Ингл ехидно улыбнулся при виде их лиц.

— Ох, забористый ром! Чувствую, не дотерплю до отхожего места.

Расстегнув штаны, Ингл помочился на ближайший труп. На труп одного из бойцов Грина.

— Что ты делаешь?! — вскричали возмущённые пленники и попытались было наброситься на мерзавца, однако удары прикладами сзади свалили их с ног.

— Ублюдок! Чтоб тебе в аду гореть! — крикнул Джайлс, лёжа в грязи.

— И вам не хворать, мистер Брент. — издевательски ответил Ингл, смахивая последние капли. — Это был ваш друг? Простите, не узнал. Приношу мои самые глубочайшие извинения. Ну же, вставайте, господа, чего разлеглись-то? Эй вы! — крикнул он своим головорезам. — Помогите нашим гостям подняться, а то от усталости валяются с ног. А время меж тем поджимает.

Ингл извлёк на свет золотые карманные часы на цепочке. Очень тонкая работа английского мастера. Джайлс эти часы сразу узнал — это были часы Корнуоллиса. Очередная провокация удалась.

— Ах ты...

Джайлс попытался вскочить, но получил удар ногой в грудь, уже от самого Ингла. И вновь упал лицом в грязь.

Джайлс, ты какой-то нервный сегодня? Всё хорошо? Неудачи на личном фронте? Жена отказывает в супружеском долге?

Пираты загоготали. Они знали, что Джайлс помолвлен с десятилетней дочкой вождя Китамакунда — союзника семьи Калверт.

— Как она, Джайлс, хороша в постели? А?

Пираты ещё пуще разразились хохотом. От злости Джайлс стиснул зубы. Томас Грин вскочил на ноги сжимая кулаки. Глаза его горели диким желанием поскорее стереть эту ухмылку с наглой физиономии Ингла.

— Но-но, полегче, мистер Грин! — предостерег его пират, доставая из-за пояса пистолет. — Мне бы не хотелось тебя убивать. Живым ты ценишься больше.

Однако, несмотря на грозящее огненным плевком дуло пистолета, Томас был полон решимости предпринять не самый продуманный в своей жизни поступок. Глаза его горели

желанием уже не просто стереть с лица Ингла ухмылку, но забрать его с собой в преисподнюю. И только одно могло помешать... Раздался выстрел. Пуля насквозь пробила ногу Томасу Грину. Он упал на спину, держась за раненую конечность и стиснув зубы от боли.

— Я же предупреждал. — процедил Ингл. — Поднимите его!

Подхватив Грина под руки, головорезы продолжили путь. Им уже не впервой было таскать за капитаном раненых им пленников. Весь остаток пути за ними тянулся кровавый след.

Подходя к лавке аптекаря пираты и их пленники заметили два бездыханных женских тела и довольного Юджина.

— Я выполнил ваш приказ, капитан! — радостно отчитался тот.

— Какой приказ? — не сразу дошло до Ингла.

— Затрахал их до смерти, капитан. — растерянно ответил Юджин. — Вы же сами велели.

— Велел? Ах да, точно! Запаматовал уже. — рассмеялся было Ингл и тут же вдруг озадачился. — Подожди, ты что, хочешь сказать, ты и впрямь затрахал их до смерти?!

Ингл подумал, что ослышался.

— Ну... да. — неуверенно ответил юноша.

— Ну ты и монстр!

Ингл хотел вновь расхохотаться, но был слишком удивлён, чтоб сделать это. Он открывал и закрывал рот, не зная, что ещё сказать, как прокомментировать произошедшее. Колонистки и впрямь были мертвы. Наконец, не придумав ничего лучше, Ингл отдал распоряжение:

— Ладно, герой-любовник, ступай в лавку аптекаря и проверь, как там поживает господин Корнуоллис. Только Аделину мою трогать не смей!

— Так точно, капитан! — радостно отсалютовал Юджин и скрылся за дверью аптеки.

Ингл, всё ещё не веря, склонился над одной из жертв, проверил пульс. Пульса не было. Не было также ни следов удушения, ни колото-резаных ран. Медленно он повернулся к своим людям, на лице его читалось недоумение. Он вопросительно посмотрел на них, как бы спрашивая: «Вы видите то же, что вижу я?».

— Затрахал их до смерти, представляете? Он и в самом деле сделал это.

— Капитан, с вами всё в порядке? — спросил один из головорезов. — Вы как-то странно выглядите.

— Я ведь пошутил, когда отдал этот приказ. — продолжал Ингл. — А он взял и затрахал.

Выражение лица Ингла было таким серьёзным, что его люди не решились смеяться в его присутствии над исполнительностью Юджина. Всё так же медленно капитан выпрямился в полный рост, продолжая при этом что-то напряжённо обдумывать. Взор его был устремлён в никуда. Потом он потряс головой, прогоняя прочь все лишние мысли и посмотрел вновь на своих людей.

— Скажу вам по секрету, парни, я начинаю побаиваться этого паренька.

— Капитан, — обратился к нему один из головорезов, — должен признать, я изнасиловал немало женщин и ни одна не отдала Богу душу от этого. А этот парень... впервые встречаю подобного зверя.

— И не говори. Ладно, мы ещё найдём применение его талантам. А сейчас, ведите этих двоих в таверну! Да поживее!

— Да, капитан!

Пираты затолкали пленников в таверну и Ингл остался один во дворе. Оглянувшись, подошёл ко второй жертве и тоже её осмотрел. Никаких следов удушения. Внезапно Ингл расхохотался во весь голос. Его неестественный дьявольский смех разнёсся над руинами Сент-Мэриса.

Глава VIII. Бостонское чаепитие

Бостон — сердце Новой Англии, пристанище религиозных фанатиков пуритан. Мелье и вправду их недолюбливал. Они казались ему какими-то чужими, оторванными от его реальности. Чрезмерно строгие нравы и аскетизм, ограничение потребностей, как же ему это всё претило. Почти полная противоположность его разгульному образу жизни.

И в то же время, вопреки сказанному на переговорах, Мелье был готов цепляться за территориальную целостность Республики, прекрасно осознавая, что сила её в единстве. Отчасти Джон Буль был прав и де Мелье это понимал — без Новой Англии мы слишком слабы.

Новая Англия представляла из себя наиболее развитый регион не только Америки, но и всего мира. В составе ОСПА Новая Англия являлась по сути конфедерацией в конфедерации (как бы нелепо это не звучало). Конфедерация Новой Англии была создана с целью совместного противостояния индейскому племени пекотов и включала в себя такие колонии как Нью-Хейвен, Коннектикут, Плимутская колония и Колония Массачусетского залива со столицей в Бостоне. После основания здесь в 1636 году Гарвардского университета, нигде в мире не было такой высокой концентрации образованных людей, как в Массачусетсе.

Пуритане помешаны на порядке и дисциплине, а их нравы ещё строже, чем их законы. А законы в Новой Англии очень суровые. Так, например, пьянство или супружеская неверность караются смертью. Именно пуритане составляли костяк гвардии ОСПА. Гвардейцы-пуритане не играли в азартные игры, не употребляли алкоголь, отличались железной дисциплиной и стойкостью и образцовым поведением. Боевой дух в их рядах поднимали религиозные проповедники в чёрных одеждах с белыми воротничками. Религия — страшное оружие в их руках. Будучи убежденными кальвинистами³¹, они искренне верили в Божье провидение, в предопределение судьбы, а потому с поразительной лёгкостью готовы были идти на смерть «по воле Божьей». Религиозный фанатизм являл собой поистине мощную силу и, будучи убежденными антироялистами, пуритане эту силу направили против короля Карла Стюарта.

На выложенной брусчаткой центральной площади Бостона, стоя на деревянном ящике в окружении толпы пуритан, красноречивый агитатор призывал поддержать Парламент, сопровождая речь экспрессивной жестикуляцией. Его громогласный голос гулким эхом звучал над площадью:

— Проклятые роялисты изгнали нас из Старого Света! На протяжении долгих десятилетий они жестоко преследовали и подавляли нас за наши убеждения! Но сегодня всё изменилось! По ту сторону Атлантики идет война, гремят пушки, льется кровь! Бравые солдаты Кромвеля отважно сражаются с легионами Сатаны — войсками Карла Стюарта! Собратья пуритане, мы обязаны внести свой вклад в победу над силами древнего зла! После того ада, через который прошли наши мученики, одно я знаю точно, только вместе мы сможем победить, сплотившись плечом к плечу! Да будет на то воля Господа! Аминь!

— Аминь!!! — хором ответила толпа и воздала оратору бурные овации.

В то же самое время, в здании ратуши из красного кирпича, два джентльмена удобно расположившись за небольшим круглым столом из виргинского дуба, пили чай. Один из этих джентльменов имел вытянутое лицо, тёмные волосы и густую бороду. Этим человеком был не кто иной, как сам губернатор Массачусетса Джон Уинтроп. На внешности второго остановимся поподробнее. Это был уже немолодой мужчина с явными признаками подступающей старости на лице, такими как морщины возле рта, глаз и по всей площади его широкого лба. Седина

³¹ Кальвинизм - направление протестантизма, созданное французским теологом и проповедником Жаном Кальвином. В основе кальвинизма лежит доктрина предопределения (исходящая от Божьей воли предустановленность жизни человека и всего мира)

обрамляла его русые кудрявые волосы подобно короне на голове мудрейшего из всех царей Соломона. Круглолицый, розовощёкий, с волевой ямочкой на подбородке, он до сих пор оставался желанным призом для многих местных молоденьких колонисток, томно вздыхающих по нему украдкой. Однако сердце и ум этого человека принадлежали вовсе не им, а государству. И пусть время от времени в народе проскальзывали слухи о тех или иных интрижках с его, якобы, участием, то были лишь слухи. Несмотря на свой солидный возраст, мистер Беккер, а именно так его звали, оставался красив. Он был одним из тех людей, что умеют красиво стареть, как первосортное вино. Годы лишь придавали ему дополнительный шарм и очарование в виде мудрости и опытности, так ценимой юными девицами в амурных делах. Но самой интересной деталью в этом человеке были его глаза. Тёмно-зелёные, по-особому душевные, тёплые, добрые, располагающие к себе и чарующие, что резко отличало его от того же Мелье, чьи ярко-голубые глаза, пронизывающие душу насквозь заставляли собеседников нервничать, когда тот по-особому на них смотрел. Определённо, мистер Беккер умел расположить к себе собеседника. Большую роль в этом играла его безупречная улыбка, способная своей непринуждённостью обезоружить даже самого злостного негодяя. Завершали образ сего благочинного мужа, радеющего за отечество и науку, его круглые очки в тёмной с позолотой оправе.

— Чудесный у вас чай, мистер Уинтроп. — похвалил Беккер, сделав очередной глоток из расписной фарфоровой чашки. — Совсем как я люблю, не слишком крепкий и не слишком горячий.

— Благодарю вас, мистер Беккер. — отозвался Джон Уинтроп. — Этот чай голландские торговцы завезли из Ост-Индии³². Удивительный аромат и вкус начисто лишен горечи.

За дверью послышались шаги. Знакомая походка. Дверь с грохотом распахнулась и на пороге показался де Мелье. От неожиданности Джордж Беккер подавился чаем.

— Мсье Уинтроп, мсье Беккер, — гасконец стремительно прошёл в комнату, — рад вас видеть в добром здравии. Ну как продвигается наше общее дело?

— Ээ... какое дело? — недоумённо переспросили Беккер и Уинтроп.

— Ха, ну вы даёте, господа! Ладно у мсье Беккера бывает склероз, но за вами, мсье Уинтроп, я такого не наблюдал. Спрашиваю, как обстоят дела с передачей нам учителей из Гарварда для открытия в Вирджинии академии наук? Вы ведь именно за этим прибыли в Бостон, мсье Беккер, не так ли?

— Да-да, совершенно верно, господин де Мелье. Вы просто столь внезапно вошли, что мы немного оторопели с мистером Уинтропом.

— Ну бывает. Кстати, а что это вы пьёте?

— Чай.

— Вкусно?

— Очень.

— Налейте и мне, будьте любезны.

Рука Беккера потянулась к чашке и чайнику.

— Вот, угощайтесь, сэр.

Приняв из рук Беккера чашку, Мелье сделал глоток.

— Ну как вам?

— Чай как чай, мсье Беккер, ничего особенного. А что, сахар закончился?

Гасконец заглянул в пустую сахарницу.

— Закончился, господин де Мелье.

— А как же вы тогда его пьёте? — удивился гасконец.

— А так и пьём, без сахара, господин де Мелье.

³² Ост-Индия - термин, употреблявшийся в прошлом в отношении территории Индии и некоторых других стран Южной и Юго-Восточной Азии

— И вам это нравится? — ещё больше удивился гасконец.

— Нравится, господин де Мелье. Мы называем это чай по-бостонски, или бостонским чаепитием, если будет угодно. — пояснил Джон Уинтроп.

— Понятно. Бостонское чаепитие, значит. Хм, ну хоть не варфоломеевское. — Мелье захохотал, но увидев лица Беккера и Уинтропа, смутился. — Прошу прощения. Забыл, что ваши тогда сильно пострадали в той резне. Ну так что там с нашими договорённостями, господа? Есть люди, готовые помочь нам организовать академию наук?

— Да, господин де Мелье, — ответил губернатор, — мы уже подготовили бумаги на перевозку. В ближайшее время к вам в Джеймстаун доставят всё необходимое для полноценного существования вашей академии, включая и персонал.

— Благодарю вас, мсье Уинтроп. Вы оказали всей Вирджинии неоценимую услугу. Чего желаете взамен?

— Ничего, господин де Мелье. Это вам наш дар. В знак признательности за ваши заслуги перед Республикой.

— За это примите отдельную благодарность.

Улыбнувшись, гасконец уселся за стол. В какой-то момент улыбка исчезла с его лица, когда он вспомнил, зачем он здесь на самом деле.

— Скажите, мсье Уинтроп, что это за толпа там беснуется снаружи? — Мелье махнул в сторону большого окна, за которым виднелся край центральной площади. — Своими криками они начинают действовать мне на нервы.

— Сторонники английского Парламента, сэр. — ответил губернатор.

— Чего они хотят?

— Присоединения Новой Англии к Старой, но только, разумеется, парламентской, не роялистской.

— И они это в открытую обсуждают?

Гасконец сделал вид, что удивился.

— Они имеют на это право... пока что.

— Пока что? — переспросил де Мелье, удивившись уже по-настоящему.

Повисла тишина. Слышно было лишь как Беккер невозмутимо хлюпая продолжает пить чай. Уинтроп же выглядел удивлённым.

— Да. Вы разве не слышали? Ах, да, вы же только что прибыли из Квебека.

— Что не слышал? — гасконец начинал уже терять терпение. — Говорите прямо, мсье Уинтроп.

Губернатор замялся, размышляя, как лучше преподнести эту новость, зная о вспыльчивости гасконца. Посмотрел на Беккера в надежде, что тот поможет. Однако Беккер был настолько поглощён чаепитием, что, казалось, не замечал ничего вокруг кроме чашки вкуснейшего чая.

Глубоко вдохнув, Уинтроп вывалил на гасконца шокирующую весть:

— Сенат намерен принять новую конституцию.

И эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. Мелье даже подумал, что ослышался.

— Что... как? Зачем?! — с негодованием выкрикнул он, не в силах подобрать слова. — У нас уже есть конституция, зачем нам новая?!

— Сенат так решил...

— Сенат?! Без меня?! Я лорд-президент! Они не имеют права принимать такие решения без моего одобрения! Это же чистой воды саботаж!

Эмоциональный гасконец задыхался от возмущения. Стукнул кулаком по столу так, что чашки зазвенели.

— На всякий случай, если вы вдруг сомневаетесь, — сказал Джон Уинтроп, — мы с мистером Беккером не поддерживаем это решение.

— И правильно делаете. Ох и не поздоровится тем, кто это затеял! Вернусь в Джеймстаун, я им покажу!

Гасконец потряс в воздухе кулаком.

— На вашем месте, сэр, я бы так не спешил. — подал голос Джордж Беккер.

— Почему это?

— Дело в том, господин де Мелье, что конституцию вероятнее всего УЖЕ приняли. Осталось лишь дожидаться подтверждения со дня на день.

— Ну тогда я тем более должен вернуться в Вирджинию как можно скорее. А то, не дай бог, люди ещё успеют привыкнуть к новым законам. Ох, я такую взбучку Сенату устрою! Будут знать, как принимать без меня законы!

Гасконец вновь стукнул кулаком по столу и чуть было не опрокинул на себя чашку с горячим чаем.

— Вы неправильно поняли, сэр, — продолжал Джордж Беккер, — дело не в том, что Сенат вас не уважает, нет, дело в том, что...

Беккер задумался.

— В чём дело, мсье Беккер?

— Принятие без вашего участия новой конституции могло произойти только в одном случае.

— В каком же?

— В Сенате совершён государственный переворот.

Повисла гнетущая пауза.

— А вы в этом уверены, мсье Беккер?

— Абсолютно.

— Тогда почему, чёрт побери, сразу об этом мне не сказали?! Или вы думали, что отправка учителей из Гарварда, или ваш чёртов бостонский чай важнее государственного переворота?!

Несмотря на повышенные тона собеседника, мистер Беккер выглядел совершенно спокойным, ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Такое дело, сэр, мы с господином Уинтропом поначалу подумали, что вы имеете непосредственное отношение к происходящему в Джеймстауне.

— Как это?

— Мы думали, что Сенат с вашего согласия принял новые законы, что вы заранее одобрили этот проект.

— Вы серьёзно так думали?

— Именно. И потому удивились, что вы не в курсе.

— Да, — кивнул Джон Уинтроп, — ведь по новой конституции распад ОСПА станет невозможным. Это раньше провинции имели право свободно входить и выходить из состава конфедерации, теперь это работает только в одну сторону — входить можно, а выходить нельзя. И потому-то требования тех бунтарей на площади в скором времени станут незаконными и я получу полное право их арестовать, как только получу подтверждение от доверенного лица в Сенате. Подтверждение, что голосование состоялось и закон этот уже принят. Есть, правда, проблема — я не знаю реального числа этих бунтарей. Возможно, это не я их, а они меня в скором времени отправят под арест. Приходится бдить и быть начеку.

— Подождите, мсье Уинтроп, со своими бунтарями, — перебил его де Мелье, — дайте мне собраться с мыслями. Мсье Беккер, вы что-то там говорили про государственный переворот. Что мне не следует торопиться с возвращением в Джеймстаун, так? Почему вы так считаете?

Прежде чем ответить, Беккер сделал затяжной глоток чая.

— Вероятнее всего, вас объявят врагом государства.

— После всего, что я для государства сделал?!

— Они перепишут историю в выгодном для себя свете. Не исключено, господин де Мелье, что вас УЖЕ объявили вне закона. Может даже назначили награду за вашу голову... а заодно и за наши, если решат, что мы так же неуютны новому режиму.

Равнодушно пожав плечами, Беккер вновь сосредоточился на чае.

— И вы предлагаете сидеть здесь и ничего не делать?!

— Нет, я предлагаю не торопиться с принятием решений. Если вы хотите вернуть себе власть, прежде следует выяснить, какова ваша реальная поддержка. Готовы ли люди пойти за вами.

— Что за вопрос, конечно!

— Я бы не был так уверен. И потому предлагаю сперва осмотреться, выяснить, кто на нашей стороне и что вообще можно предпринять. Только не затягивайте тоже, пока вы здесь, они там набирают власть, всё больше власти, с каждым днём становятся всё сильнее. Наши действия должны быть решительными, но продуманными.

— Не могу не согласиться с вами, мсье Беккер. Так или иначе, я выдвигаюсь в сторону Джеймстауна.

Мелье столь решительно встал из-за стола, что на сей раз и впрямь опрокинул чашку с чаем. Чай разлился по столу.

— Оу, прощай, мсье Уинтроп.

— Ничего.

Губернатор тоже поднялся из-за стола.

— И раз уж мы с вами союзники, мсье Уинтроп, я попрошу выделить мне отряд солдат для борьбы с заговорщиками. Парочка кораблей ещё не помешает, нам нужно преимущество.

Губернатора явно смутила подобная просьба.

— Я бы рад вам помочь, господин де Мелье, и мне жутко неудобно отказывать, однако прошу понять правильно, у нас сейчас каждый солдат на счету. Видите, — Уинтроп махнул в сторону окна, — свои заговорщики на пороге.

Гасконец тяжело вздохнул. Хотя и не сказать, что отказ Уинтропа стал для него сюрпризом.

— Понимаю. — кивнул де Мелье. — У нас сейчас у всех свои заботы. А между тем, на кону стоит судьба отчизны.

— Сэр, — мистер Беккер одним глотком допил чай и спешно поднялся из-за стола, — позвольте предложить вам свою помощь. В бою я, конечно, не стою отряда солдат, но готов оказывать вам содействие, как делал это всегда.

— Ваша помощь будет всегда кстати, мсье Беккер. Добро пожаловать на борт.

— Благодарю, сэр. Мистер Уинтроп, благодарю за чай и гостеприимство.

Беккер пожал губернатору руку. Мелье последовал его примеру, после чего они оба покинули ратушу.

По пути гасконец прокручивал в голове тревожные мысли. В столице произошёл переворот. Узурпаторы взяли власть и сейчас диктуют новые правила. Мелье понимал, к чему это ведёт. Он всегда был любим простым народом, а сейчас плантаторская верхушка стремится к реставрации олигархического строя. Эта местная аристократия всегда была далека от народа и только Мелье защищал права простых людей. Так называемые «белые батраки» составляли ни много ни мало добрую половину населения Вирджинии. Белые батраки имели и другое название — сервенты. Их положение мало чем отличалось от положения рабов. Нищие и неграмотные поселенцы из Европы, не имеющие права голоса, они были вынуждены тяжким трудом отрабатывать переезд в Америку в трюме корабля. Фактически они становились рабами своих господ. Хозяева заключали со слугами выгодные для себя контракты, пользуясь их малограмотностью. За счёт системы штрафов, прописанных в контрактах, слуга всё более закрепо-

щался, превращаясь в пожизненного должника. Будучи губернатором Вирджинии, Мелье долгие годы боролся с местной аристократией и эта борьба принесла свои плоды. Путём взаимных уступок и компромиссов Мелье добился снижения доли белых батраков до четверти от населения колонии. Созданные им школы позволили ликвидировать поголовную безграмотность в среде сервентов и их детей. Это означало, что теперь их хозяевам приходилось очень сильно ухищряться, чтоб хоть немного продлить срок службы своих батраков, ведь отныне те были грамотны и способны отстаивать свои права в суде. Право на всеобщее образование и защиту себя в суде стало ещё одним громким достижением Шарля де Мелье на посту губернатора. Разумеется, земельная аристократия губернатора, мягко говоря, недолюбливала и оказывала ему сопротивление везде, где только могла. Радоваться победе справедливости было ещё рано. Конечно, право защищать себя в суде это большое дело, однако за рассмотрение иска с поселенца причитался денежный взнос. Очень часто эта сумма была неподъёмной даже для мелкого фермера, чего уж тут говорить о неимущих и подневольных. Человек с деньгами в богатой стране — такой же, как все, а в нищей — господин. Всей душой Мелье жаждал окончательно искоренить эту тормозящую уже как государство систему. Недаром борьба за независимость проходила под лозунгами справедливости и демократии. Вырванный из привычной ему аристократической среды, де Мелье превратился в «народного дворянина», готового бороться за права простых людей. Передовые идеи той жестокой эпохи, вначале они зародились в головах мыслителей и лишь затем были брошены в массы. Старую конституцию Мелье разработал в соответствии со своими представлениями о равенстве и справедливости. Помимо положения сервентов, в ней он уделил внимание индейскому вопросу. Зачастую земельная аристократия свысока смотрела на индейцев, как на иноземных варваров, относилась к ним с презрением. Плантадоры жадно посматривали на обширные индейские земли, однако и здесь конституция Мелье встала у них на пути. Конституция гарантировала неприкосновенность индейских земель... до сего дня.

В глубоких раздумьях Шарль де Мелье и Джордж Беккер направлялись к пристани через центральную площадь, где ощущался сильный запах океана и по-прежнему, размахивая листовками, выступал агитатор — круглоголовый пуританин в чёрной шляпе с высокой тульей и неширокими полями, характерной для всех пуритан, поверх рыжих, коротко стриженных волос.

— Присоединяйтесь к Оливеру Кромвелю и его армии нового образца! Вместе мы разгромим Карла Стюарта и ниспошлем его напрямик в ад! Оливер Кромвель надеется на вас, не подведем же...

В этот момент он заметил Мелье и Беккера, проходящих мимо собравшейся толпы.

— Глядите-ка кто здесь! — воскликнул агитатор, указывая прямо на них. — Да это же наши «друзья» из Вирджинии, вас здесь ещё не хватало!

Гасконец схватился за рукоять шпаги.

— Вы что-то хотите сказать, сударь?!

— Я хочу сказать, — выкрикнул агитатор, — проваливайте обратно в свой Джеймстаун, ублюдки виргинские!

Шарль выхватил шпагу и в тот же момент несколько пуритан наставили на него свои мушкеты.

— Джентльмены, успокойтесь! — призвал их к порядку Джордж Беккер. — Мы же здесь все цивилизованные люди!

Лицо гасконца покраснело от гнева.

— Сударь, вы трус и подлец, — обратился он к агитатору, — я вызываю вас на дуэль!

— Нет, я против!

— Почему?!

— Потому что я трус и подлец!

Несколько пуритан захохотали. Однако их хохот быстро прервался, как только они заметили приближающегося к площади губернатора Уинтропа в сопровождении гвардейцев в чёрных мундирах и треуголках.

— Что здесь происходит?! А ну разойдитесь!

— Вы не имеете права нас прогонять, губернатор! — вызывающе обратился к Уинтропу агитатор. — Мы собрались здесь на законных основаниях!

— Неужели?

По команде губернатора, гвардейцы наставили мушкеты на агитатора. Глаза круглоголового расширились от страха.

— Так, джентльмены, — не сводя испуганного взгляда с дул мушкетов, обратился он к толпе, — расходимся, на сегодня с нас хватит!

Толпа очень быстро рассеялась так, что через минуту площадь практически полностью опустела, словно муравейник облили кипятком.

— Вот вам «Бостонское чаепитие»! — де Мелье крикнул вслед убегающим пуританам, очевидно, не сумев придумать ничего лучше.

Агитатор же, добежав до края площади, развернулся в сторону губернатора.

— Но завтра мы соберемся вновь и вы не сможете нам помешать!

Несколько часов спустя на корабле «Николь» подняли паруса и величественный парусник, медленно покачиваясь на голубых волнах, покинул Бостонскую гавань. Миновал Плимутскую колонию и мыс Кейп-Код.

Среди прочих членов команды выделялась одна молодая, хрупкая на вид девушка среднего роста. Единственная женщина на корабле и тому же... негритянка. Её звали Айна. Все черты её внешности с головы до пят сводились к особой её уникальности. Чуть-чуть припухлые светло-розовые губы, посаженные на аккуратный девичий подбородок вытянутого овального лица с маленькими кокетливыми ушками. Широкий прямой лоб и такие же широко открытые голубые глаза, крайне редко встречающиеся у представителей негроидной расы. Чёрные, как уголь, длинные волосы ниспадали до бёдер и никак не были закреплены иначе, чем традиционными африканскими косичками, что придавало образу африканской тигрицы дополнительный контраст. Её кожа была чёрной, как эбеновое дерево. Её внушительных размеров грудь томно вздымалась под белой рубашкой. Рождённая в Экваториальной Африке, Айна, тем не менее, сочетала в себе черты не только африканской буйной натуры, но и особый европейский шарм. Казалось, она состояла целиком из одних лишь противоречий. Излишняя эмоциональность, так присущая южным народам, в ней была затоптана где-то глубоко внутри её загадочной души. Глядя на её милое личико, не каждый мог подумать, что красота перед ним скрывает самого хладнокровного убийцу на всём белом свете. Её маленькие кокетливые ушки нередко слышали, увы, не только комплименты от мужчин, но и их многочисленные просьбы о скорейшей смерти от её руки. Ловкая, быстрая, грациозная — это была настоящая дикая кошка.

Айна была дочерью вождя из племени онича народа игбо, обитавшего в западной Африке. Всё её племя было полностью уничтожено народом эфик — давним торговым партнёром португальцев, а сама она продана в рабство. Однако по счастливому стечению обстоятельств Айна была освобождена голландским капером Питом Хейном, что напал на невольничий португальский корабль, перевозивший рабов в Новый Свет. Пять лет она бороздила моря в команде Хейна и набиралась морского опыта, пока в одном из боёв под Остенде их судно не было разбито испанскими корсарами, а сама она не подобрана в Северном море спустя неделю дрейфа на корабельной мачте командой де Мелье. С тех пор она служила в команде гасконца и дослужилась до должности квартирмейстера. Её белоснежная рубашка резко контрастиро-

вала с чёрной, как сажа, кожей. Красные атласные штаны-шаровары с позолоченными орнаментальными вставками с изображением африканских животных, высокие кожаные сапоги и совершенно экзотическая катана за спиной — всё это придавало ей поистине загадочный образ молодой авантюристки.

Медленно, словно крадущийся ягуар, к Айне приблизился моряк с тёмно-рыжими кудрявыми волосами, редкими веснушками и голубыми глазами. Будучи ирландцем, рулевой Патрик Маккрейли обладал типичной ирландской внешностью. Шрамы, татуировки, пивное брюшко и медная серьга в ухе.

— Скажите, мисс, а не желаете ли пройти со мной в трюм? Я приготовил для вас сюрприз.

— Маккрейли, вы уже надраили палубу?!

— Нет, мисс.

— Тогда тряпку в зубы и бегом драить, пока я тебя без жалования не оставила!

Айна толкнула ирландца так, что тот покачнулся.

Мимо проходил Джордж Беккер с сидящим у него на плече большим белым попугаем. Говорящий попугай по кличке Христофор Колумб был любимцем Джорджа Беккера, очень редко тот с ним расставался.

Попугай посмотрел на Аину и проронил неосторожную фразу:

— Рработать ниггеррр рраб черррномазый!

— Что ты сказал?! — гневно вскричала негритянка, выхватив кинжал и направив его на попугая.

— Прошу простить моего питомца. Этот пернатый монстр повторяет только дурные слова.

Беккер выглядел смущённым и в то же время как будто боролся с желанием расхохотаться.

— За кем повторяет?!

Айна грозно посмотрела на Беккера.

— Да за всеми.

Маккрейли же не стал сдерживать смех и злорадно расхохотался. Негритянка переключила внимание на него.

— Ты ещё здесь?!

— Рработать ниггерр!

Попугая спасло только появление де Мелье.

— Мсье Беккер.

— Да, сэр?

— Мне нужно с вами посоветоваться, пройдемте в каюту... только держите от меня подальше вашего пернатого монстра.

— Баррдак на корабле! — крикнул попугай.

У Мелье была необычная фобия, он очень сильно боялся... попугаев. Особенно терпеть не мог эти их «мелкие, паршивые лапки, мерзкие-премерзкие».

Убрав руки за спину, Беккер (а он имел привычку держать руки за спиной) проследовал за де Мелье в каюту. Капитан сразу же прошел к письменному столу и наклонился над лежавшей на нём большой и красочной картой Восточного побережья, украшенной изображениями морских чудовищ. Это была та самая карта, которую ему ранее подарил генерал-губернатор Новой Франции Шарль Жак Юо де Монмани, когда Мелье проткнул её своим кинжалом в пылу словесной перепалки с Джоном Буллем.

— Так значит, в Джеймстауне нам рады не будут? — уточнил гасконец.

— Наверняка.

— Наверррняка! — повторил за Беккером попугай.

— Тогда что вы предлагаете делать? С чего начать?

— Побродить вокруг да около, да присмотреться, выяснить, кто нас поддерживает и кто готов нас поддержать при необходимости. Верю, что большинство колонистов всё же за нас. Начать лучше с Мэриленда, он нам как раз по пути.

Поправив очки, Беккер склонился над картой, рассматривая Мэриленд.

— Аккуратнее, чёрт побери, мсье Беккер, ваш попугай меня чуть не клюнул!

— Вот, — Беккер ткнул пальцем в карту, — Сент-Мэрис, здесь у нас ещё остались друзья.

— Если город ещё не взяли саскуеханнок. Видите стрелочки? Это основные направления их ударов.

Действительно, столица Мэриленда буквально была окружена враждебными индейцами.

— От мистера Калверта давно не было вестей?

— Давненько, мсье Беккер. Опасаюсь, как бы саскуеханнок и впрямь не взяли Сент-Мэрис.

— Давайте это выясним.

— Именно так я и собираюсь поступить. — глаза гасконца загорелись решимостью. — наведуясь к моему старому другу Леонарду Калверту, из его поместья открывается чудесный вид на Сент-Мэрис.

— Думаете застать его в поместье?

— Предчувствие у меня, мсье Беккер, что Сент-Мэрис уже взят саскуеханнок. Если Калверт ещё жив, то наверняка держит оборону у себя в поместье. Ему уже не впервой отбиваться.

— А вы уверены, что господин Калверт не имеет отношения к узурпаторам из Сената?

— Знаю, что он не в ладах с тамошним заводилой — Уильямом Клейборном. Если переворот и имел место быть, то без Клейборна здесь точно не обошлось, он мечтает спихнуть меня с самого моего первого дня пребывания в Новом Свете. К тому же, Леонард мой хороший друг и я не верю, что он мог меня предать. Так или иначе, выясним всё на месте. Решение принято, отступать нам некуда!

— *Alea iacta est*³³!

— Аминь!

Де Мелье перекрестился, склонив голову.

— Ээ, вообще-то я имел в виду фразу Юлия Цезаря — «Жребий брошен»! — пояснил удивленно Беккер. — Это не молитва, сэр.

— Что же вы мне голову морочите с вашей латынью, мсье Беккер?! — рассердился капитан. — Я думал, вы мне зачитали отрывок из изречения Иоанна Златоуста! При чём тут Сезар?! —

— Сэр, это же знаменитая фраза Цезаря, брошенная им при переходе через Рубикон! Вы этого не знали?

— Ну почему же сразу не знал? Знал, просто запомнил. — в растерянности капитан переключил внимание на карту. — И вообще, не дурите мне голову с вашей латынью, мсье Беккер, а то я чувствую себя словно на исповеди. Хотя, исповедь нам сейчас как раз не помешает, из Мэриленда мы можем не вернуться живыми.

³³ Жребий брошен! (лат.)

Глава IX. Последний рубеж

Выстроив баррикады на входе в церковь Сент-Мэриса, спасённые горожане ждали возвращения Джайлса и Грина. Время тянулось мучительно медленно. Секунды превращались в минуты, минуты — в часы. Часы же растягивались в гнетущую вечность. Люди отчаянно не хотели верить в худшее и между тем осознавали, что если отряды Брента и Грина не вернуться, их участь предрешена. В этом случае у них оставалось два варианта, один хуже другого. Первый вариант — до последнего удерживать оборону. Шансов на победу нет никаких. Они либо погибнут во время штурма, либо умрут с голоду, если враг возьмёт церковь в осаду. Второй вариант — попытаться прорваться, уйти из города и наверняка наткнуться на индейцев саску-еханнок, что не так давно штурмовали Сент-Мэрис. Наверняка эти краснокожие дикари снимут с них скальпы, если возьмут колонистов живьём.

Церковь была построена из добротного камня. Разрушить её могла лишь продолжительная орудийная бомбардировка. Метательные горшки со смолой могли серьёзно задержать атакующих в случае штурма и лишь отсрочить неизбежное. Запасов провизии хватало лишь на несколько дней.

Сёстры Джайлса пытались приободрить горожан, проводили с ними беседы, пытались петь католические гимны и, конечно же, ухаживали за ранеными. Томительное ожидание продолжалось. Горожане то и дело умирали от тяжёлых ранений, что вгоняло остальных в ещё большее уныние.

Мэри — одна из сестёр Джайлса — склонилась над раненым. Он пребывал в ужасном состоянии — руки перебиты, спина обожжена, кровоточащие раны по всему телу. Сняв старые, пропитанные подсохшей кровью, повязки, Мэри обработала раны и начала перевязывать их чистыми бинтами.

Сзади послышался детский голосок:

— Тётя Мэри, вы не сильно заняты? Я могу вас спросить?

Это была её тёзка и крестница Мэри — дочка вождя Китамакунда.

— Нет, милая, не сильно. — ласково ответила крёстная. — Сейчас вот перевяжу этого страдальца и свободна пока что. О чём ты хотела меня спросить?

— Я хочу поговорить об моём муже Джайлсе.

— Тааак, — потянула крёстная, догадываясь, о чём дальше пойдёт разговор, — и что с твоим мужем не так?

— Скажите, почему он меня избегает всегда?

На лице девочки играло недовольство.

— А разве он тебя избегает? Этого я как-то не заметила. Вы же всегда с ним рядом, как настоящие муж и жена.

— Я иметь в виду, почему он не исполнять свой супружеский долг? Мы же муж и жена, что ему мешать?

— Ах, вот о чём ты, солнышко.

Мэри рассмеялась. Её младшая тёзка насупилась.

— Почему вы смеяться? Здесь нет ничего смешного!

Со злости девочка топнула ногой.

— Видишь ли, милая, ты пока ещё не совсем ему жена.

— Как так? — непонимающе уставилась крестница.

— Сейчас объясню. — Мэри закончила перевязку. — Прости, что не успели сделать этого раньше, это наша вина. Да, вас обручили, но исполнить супружеский долг Джайлс пока не может.

— Почему?

— Ты ещё не прошла обряд венчания, милая. А это серьёзный шаг для христиан. Наш Бог даёт время подумать, тот ли мужчина для тебя Джайлс, с которым ты проведёшь остаток своих дней. И Джайлсу тоже нужно это время, понимаешь?

— Я решитель! Тот! Почему я ждатель?! Зачем много церемоний?! Пусть целует, я рожать ему детей, всё!

Дочь вождя обиженно насупилась. Со всем подростковым бунтарством она пыталась опротестовать церковную доктрину христиан по отношению к браку. Мэри Brent от души рассмеелась.

— Зачем ждатель?! Что происходит? Прекратить смеяться! Джайлс не любит меня? — не на шутку рассердившись, девочка принялась топтать ногами и размахивать руками в воздухе как заправский боец.

Мэри Brent крепко обняла свою крестницу.

— Успокойся, солнышко, любит он тебя, любит. Но нужно подождать чуть-чуть, понимаешь? Когда вы будете венчаться, вы дадите клятву верности друг другу, а свидетелем будет Он! — Мэри Brent подняла палец вверх, указав на фреску под куполом церкви, где был изображён Иисус Христос. — И обратно будет не повернуть, понимаешь? Бог мудр, милая, он знает, сколько соблазнов в мире и не хочет, чтобы ты допустила ошибку ценой в свою жизнь. Однажды ты это поймёшь.

Мэри Китамакунд разревелась на плече у крёстной. Та её успокаивала. Дочь вождя так мечтала выполнить этот загадочный для неё супружеский долг, быть верной и надёжной спутницей своему мужу.

— Плохой Бог! Я же сказать, мой муж — Джайлс! Не хотеть другого!

— Не говори так, Мэри. Бог желает тебе только добра, верь ему. Не переживай, вот подрастёшь немного и сразу же после венчания можешь смело требовать у Джайлса супружеский долг. Думаю, после этого он тебе точно не откажет.

Улыбнувшись со всей теплотой, Мэри поцеловала в лоб свою младшую тётку.

— Ну уж после этого пусть только попробует мне отказать! — грозно воскликнула девочка и погрозив незримому Джайлсу кулачком, побежала играть с другими детьми.

Мэри смотрела вслед своей крестнице с умилением.

«Как же это здорово быть ребёнком, — подумала Мэри, — ни о чём не переживать. Детская наивность это дар божий. Расставание с этим даром есть высокая цена, что почти каждому суждено заплатить. Боль этого мира есть цена и необходимое условие взросления.»

Мучительные сомнения терзали женщину. Что будет со всеми нами, если брат с Грином не вернутся? Сумеем ли мы выстоять в этом грядущем неравном сражении? Как поступят с нами эти ублюдки? Милостиво прикончат нас сразу или будут долго истязать нас? Что станет с нашими детьми? Тяжёлым бременем тревожные мысли ложились на плечи Мэри. Лоб её был нахмурен, а взгляд отрешен. Воистину, самый тяжёлый груз, который может нести человек — это груз человеческих мыслей.

Заботливый голос вывел её из оцепенения:

— О чём ты так задумалась, Мэри?

Голос принадлежал преподобному Эндрю Уайту. Она и не заметила, как пожилой священник подошёл к ней. Глаза его светились добротой.

— Джайлса и Грина до сих пор нет. — ответила Мэри. — Я очень волнуюсь за них. Как бы чего не случилось. Я опасаясь худшего. Говорят, этот Ингл — настоящее исчадие ада. Говорят, что он демон преисподней.

— Кто тебе такое сказал, Мэри? — по-доброму рассмеялся священник. — Он всего лишь человек, кто бы о нём какие байки не рассказывал. Не переживай, милая. Вот увидишь, совсем скоро Джайлс с Грином вернутся и приведут в цепях на Суд Божий этого нечестивца.

Отец Эндрю положил свою жилистую ладонь на плечо Мэри. Слова его отчасти успокоили женщину.

— Я очень на это надеюсь, падре. Я молюсь об этом. Но что если...

— Никаких если, моя дорогая. Верь в лучшее, молись об этом. Господь не даст нас в обиду.

Как будто в подтверждение слов святого отца, яркий свет пробился сквозь витражи в храм божий и осветил лучом надежды всех страждущих, оказавшихся здесь в столь трудный час.

В таверне тем временем всюду шла подготовка к решающему штурму. За большим обеденным столом сидели командиры абордажных команд. С руганью и угрозами они спорили, как лучше поделить добычу и поступить с пленниками. Спорили настолько бурно, что дело едва не доходило до драки. Впрочем, от драки их отвлекала еда на столе — огромное количество мясной, рыбной и овощной закуски, притащенной из погребов, куриные окорока, кувшины с вином и бутылки с ромом. Стол буквально ломился от подобного пиршества. И всё это поглощалось с невиданной жадностью. Вино лилось с подбородков, капало на стол, кости летели на пол. Разбойники походили на свиней, зарывшихся в своё корыто. Кровавые забавы пробудили в пиратах зверский аппетит. Да и перед предстоящей битвой следовало набраться сил.

За всем этим безобразием наблюдал сам Ричард Ингл, сидя на почётном месте во главе стола. Рядом с ним сидели его пленники: Джайлс Брент справа от Ингла и Томас Грин слева. Нога у Грина была перевязана после недавнего ранения.

Командиры продолжали спорить.

«Глупцы. — подумал Ингл. — Они взаправду верят, что что-то здесь решают. Впрочем, я не против, пусть поиграют в демократию, выпустят пар, это полезно. Тем более, это представление не только для них.»

Ингл посмотрел на пленников. Их мрачные обречённые лица то и дело вспыхивали новыми красками в палитре эмоций: страх и ужас, отчаяние и подавленность. Эмоции отчётливо читались на их лицах и сменяли друг друга, когда пленники слышали знакомые имена и фамилии.

«Вот только ради этого и следовало затевать сие собрание. — подумал Ингл. Он от души наслаждался моментом. — Наконец-то они испытают на своей шкуре все те эмоции, что я испытал в тюрьме Калверта. Впрочем, пора двигаться дальше. Это лишь начало.»

Спор между пиратами становился всё более жарким и капитан решил прекратить его. Поднявшись с места, Ингл пару раз громко хлопнул в ладоши. Этого было достаточно, в таверне тотчас же воцарилась тишина. Авторитет капитана был непререкаем. Никто не посмел бы ему перечить.

— Всё, братцы, вы меня утомили. Меня и моих гостей. Спорите, как лучше поступить с пленниками? Как по мне, вы делите шкуру неубитого медведя. Они всё ещё не сдались.

— Это лишь вопрос времени, капитан. — обратился к нему пират со славянской внешностью. — Там остались одни бабы, да дети малые. Тоже мне, армия Чингисхана.

Командиры абордажных команд заржали.

— Не стоит недооценивать противника, Богдан. — со всей серьёзностью ответил Ингл. — Даже если противник похож на овечку. — на несколько секунд Ингл погрузился в неприятные для него воспоминания. — Однажды я недооценил противника и это вышло мне боком. — Ингл повернулся к Джайлсу. — Расскажи им, Джайлс. Расскажи-ка всем здесь присутствующим, как вы с Корнуоллисом воспользовались моей доверчивостью и отобрали мой корабль с полным трюмом табака!

Ингл резко переменялся в лице, как если бы сменил одну театральную маску на другую. Он часто так делал. Благодушное жеманное лицо сменилось лицом хладнокровного убийцы, жаждущего крови. Это лицо узнавали все здешние обитатели. Его жёсткий голос продолжал звенеть в ушах даже после того, как он произнёс последнюю фразу.

— Ты сам во всём виноват. — со всей смелостью ответил пирату Джайлс, храбро взглянув ему в глаза. Всю свою отвагу, что ещё оставалась, он собрал в кулак.

— И в чём же это я виноват? А, Джайлс? — глаза Ингла сверлили пленника совсем не по добром. — В том, что вбухал в факторию моего друга Клейборна, будь он неладен, три тысячи фунтов серебром и вы отняли их у меня?! На каком основании?! Остров Кент принадлежит Клейборну! Не тебе, не Калверту, ни его шавке Корнуоллису, Клейборну!

Ингл вышел из себя, вновь превращаясь в свирепого зверя. Столкнув Джайлса на пол, он принялся яростно его избивать ногами. При этом он продолжал повторять:

— Остров... Кент... принадлежит... Клейборну! Ты... сукин сын!

Пират не переставал бить пленника ногами даже когда тот потерял сознание. Самую лютую ненависть Ингл испытывал в тот момент. Воспоминания захлестнули его горькой волной. Вот он у себя на корабле близ острова Кент в ту роковую ночь, с полным трюмом табака, готов высадиться в поселении Клейборна. Ещё пара таких поездок и их с Клейборном план по созданию торговой империи будет реализован. Ричард Беннетт — их спонсор — будет доволен. Будущее сулило восхитительные перспективы. Но злой рок сыграл с ним свою жестокую шутку. Коварный враг в ту ночь подкрался незаметно, застал врасплох. Адмирал Корнуоллис атаковал внезапно под покровом ночи и взял сторонников Клейборна под арест. Сам же Клейборн ареста тогда избежал благодаря своим связям и высокой должности государственного секретаря. А вот Инглу повезло меньше. Леонард Калверт судил его за контрабанду и приговорил к долгому тюремному заключению. Поначалу Ингл рассчитывал, что его товарищ Клейборн не бросит его в беде и выкупит сразу же, как будет возможность... этого не случилось. Время шло, а Клейборн так и не дал о себе знать. Три года, долгие три года Ингл сходил с ума в каменном мешке. Три года он не видел людей и солнечного света. Единственное, что связывало его с внешним миром — это маленькое тюремное окошко для подачи еды. Один, в кромешной темноте, он был готов лишиться рассудка тысячу раз и затем ещё тысячу раз. И раз за разом он сходил с ума и это продолжалось целую вечность. Три года он разговаривал сам с собой. Ему мерещились призраки. Смерть подбиралась к нему на своих крыльях во мраке. И вдруг, в один прекрасный день, луч света пронзил мрачные своды темницы. Его освободил тот, кого Ингл признал своим Богом. Тот, кто дал ему новую жизнь и обещал врагов его покарать и даровать ему в вечное пользование Землю Обетованную. Величайший человек из живущих и когда-либо живших — Святой Микель Ортелиус.

Джайлса, принимавшего тогда активное участие в захвате острова Кент, Ингл готов был насмерть забить ногами, если бы голос разума не прошептал, что от живого пленника будет больше пользы. За мёртвого выкуп не получишь (если, конечно, встанет вопрос о выкупе), да и слишком лёгкая эта смерть для столь ненавистного врага. Врага, которому не менее ненавистный Калверт даровал обширный кусок земли всё на том же острове Кент, оценив по достоинству его заслуги в деле захвата чужой собственности.

Прекратив избивать Джайлса, Ингл перевёл взгляд на присутствующих. Взгляд, полный злобы и решительности.

— Пушки готовы?

— Да, капитан. Три орудия, как приказали.

— Отлично! Собирайте всех возле таверны, пора выступать. Юджин!

— Капитан?

Юноша услужливо подбежал к командиру.

— Возьми с собой пару ребят и спали здесь всё дотла. Аптеку не трогать!

— Так точно, капитан! — Юджин отсалютовал со всей готовностью исполнить приказ в точности. — Разрешите вопрос?

— Валяй.

— Что делать с пленными?

— Затрахай их до смерти... да шучу я. Знаю, что так и поступишь. Тащи всех к таверне, используем их как живой щит.

— Есть, капитан!

Юджин вновь отсалютовал.

— Все на выход, джентльмены! — Ингл махнул в сторону дверей и первым направился туда.

Выйдя из таверны, пират увидел три орудийных расчёта. Пушки были готовы к бою и начищены до блеска.

— Ну что, бойцы, готовы выступать? — обратился капитан к артиллеристам. — Каков ваш боевой настрой?

— Всё отлично, капитан! Мы сравняем с землёй это поганое капище!

— Так держать, бойцы!

Капитан одобрительно похлопал по плечу одного из артиллеристов. Затем, облокотившись на ствол пушки, Ингл с самодовольным видом наблюдал, как пленников сгоняют во двор. Их усаживали на землю рядом с трупами. Лица пленников искажались в безмолвной мольбе о смерти. Живые завидовали мёртвым, что тут же лежали в грязи. Впрочем, в некоторых ещё теплилась надежда.

Пираты жаждали очередной проповеди Ингла перед боем. Он видел перед собой сотню горящих глаз. Он чувствовал их радостное возбуждение перед последней дракой. Он знал, как рвутся в бой они подобно своре гончих. Ингл, впрочем, не спешил с вдохновляющей речью.

— Юджин! — крикнул он. — Неплохо справляешься! Будь добр, приведи мне вон ту блондинку! Её, кажется, Аделина зовут.

Ингл нарочито шутливо притворился, что вспоминает имя. На деле же он прекрасно помнил, как её зовут. Юджин, вне себя от радости, бросился выполнять приказ капитана. Схватив Аделину за руку, он повёл её к Инглу.

— Становись рядом, моя дорогая. — ласково велел ей капитан. — И ты, Юджин, вставай рядом с нами. Воистину, ты заслужил сей триумф!

— Спасибо, капитан!

Юноша был готов прослезиться от той чести, что оказывает ему обожаемый его командир. Юджин встал по правую руку от Ингла, между ним и Микелетто, Аделина — по левую. Головорезы выстроились перед ними в шеренгу, ожидая напутственную речь капитана и гадая при этом, почему рядом с ним стоит Юджин и какая-то чумазая девка.

Театрально насупив брови, Ингл начал свою торжественную речь:

— Воины! Воины истинной веры! Вот вы и стоите здесь — на Земле Обетованной! Святой Микель обещал её нам и Святой Микель дал её нам! Deus vult³⁴! Микель vult!

Громогласный голос Ингла раздавался по всей округе. Пираты радостно подхватили порыв своего командира и хором откликнулись:

— Deus vult! Микель vult!

В фанатичном экстазе некоторые из пиратов начали подбрасывать в воздух свои шляпы.

Вскинув вверх руки, Ингл продолжил:

— Но праздновать ещё рано, братья! Остатки нечисти засели у себя в логове и наша задача — их выкурить оттуда! И чтоб отныне и навсегда по этой земле, подаренной нам самим Господом, не ступала больше нога еретика! Я готов очистить эту землю, а вы готовы?!

³⁴ Такова воля Божья! (лат.)

— Да!!! — хором ответили пираты.

— Да! Отлично, братцы! Я в вас и не сомневался! Но прежде, чем мы выдвинемся, позвольте представить вам моего нового офицера. Его имя нам всем знакомо — это Юджин! — Ингл повернулся к нему. — Юджин, выйди вперёд, покажись всем, офицер.

Вот теперь Юджин прослезился по-настоящему. Он не верил в своё счастье. Юджин вышел вперёд и поднял ладонь в знак приветствия. В ответ посыпались радостные возгласы одобрения.

Ингл перевёл внимание на девушку.

— А это Аделина — моя боевая подруга! Она родит мне с десятков сыновей — истинных воинов, что очистят этот мир от католической заразы! В свою очередь, десять целомудренных девушек, воспитанных в истинной вере, станут их жёнами и продолжат славный наш путь! И воцарится, наконец, Царство Божие на земле! Так велел нам Святой Микель!

Пираты ликовали. Ингл по-собачьи лизнул Аделине лицо. Девушка всхлипнула.

— Вперёд, братья мои! — Ингл воинственно вскинул кулак к небу. — Нас ждёт великое будущее! Наши имена войдут в историю, нас будут помнить все, от мала до велика!

Выхватив из-за пояса абордажную саблю, капитан указал своим людям путь. Пираты в фанатичном экстазе, славя Микеля и Бога, принялись хватать пленников и выстраивать из них живой щит. Артиллеристы покатили орудия в сторону церкви. Строгими окриками командиры корректировали боевые порядки.

Ингл вновь повернулся к Аделине.

— Ну что, малышка, пора тебе увидеть, как твой муж строит наше с тобой светлое будущее.

Жадным поцелуем Ингл вцепился девушке в губы. Она чувствовала его горячий извивающийся, как змея, язык, его острые клыки впились ей в дёсны, да так что кровь проступила. Из рта у него смердило. Это продолжалось мучительно долго, девушку чуть не вырвало.

— Микелетто! — крикнул Ингл, оторвавшись, наконец, от уст Аделины.

— Капитан?

— Командуй пехотой, на мне артиллерия.

— Есть!

Итак, финальный рывок начался. Передвигаться шеренгой по узким улочкам города было непросто, поэтому Микелетто приказал разбиться на две колонны. Перед собой пираты гнали толпу измождённых пленников. Несчастные едва переставляли ноги. Их раны кровоточили. К тому же, у них у всех были связаны руки, либо закованы в кандалы. Воля к сопротивлению сломлена, а звон цепей наверняка должен предупредить заранее защитников церкви, известить последних защитников Сент-Мэриса о приближении вражеских сил. Позади артиллеристы катили три шестифунтовые пушки. Именно эти пушки должны были стать решающим козырем Ингла в грядущих переговорах. Да-да, он рассчитывал, что защитники сами сложат оружие, когда поймут, что дело их безнадежно.

Над городом вновь взвивалось пламя. Юджин выполнил приказ капитана и поджёг таверну и все ближайшие здания. Чёрный дым поднимался всё выше и выше.

Преподобный Эндрю Уайт выставил часовых на крыше церкви, чтобы те сообщили, как только враг покажется. Сперва бряцанье цепей, затем из-за угла с противоположной стороны площади вышла толпа пленников. По приказу священника баррикады возле церкви тотчас же были подожжены, а ворота храма заперты изнутри, тяжёлые створки на засов. Бойцы с мушкетами заняли позиции возле окон и на крыше. Пороха оставалось совсем немного, буквально дать последние несколько залпов.

Ингл лишь усмехнулся при виде горящих баррикад. Он оценил находчивость отца Эндрю, но знал, что подобные уловки ему не помогут. Пират гнал пленников прямо к церкви, попутно выкрикивая имя преподобного Эндрю Уайта. Он жаждал переговоров с ним. Ингл

знавал отца Эндрю и ранее. Это был, пожалуй, единственный человек в городе, которого он уважал. Отец Эндрю единственный отнёсся к Инглу по-человечески, когда Корнуоллис его арестовал, а Калверт судил за контрабанду. На суде преподобный Эндрю выступал в защиту Ингла, просил губернатора смягчить приговор. Но Калверт был непреклонен. Как бы там ни было, теперь Ингл рассчитывал отплатить добром за доброту и сохранить священнику жизнь, если будет такая возможность.

Артиллеристы выкатили орудия из-за угла, но вот незадача, расположение ближайших домов не оставляло им тактического преимущества в виде дальности стрельбы, недоступной для мушкета. Иными словами, у них не было возможности вести огонь с безопасного расстояния, где мушкетная пуля их не достанет. Вся площадь прекрасно простреливалась с церковной крыши. Впрочем, огневая мощь по-прежнему оставалась для пиратов главным козырем.

Несмотря на то, что враг уже находился в зоне поражения, защитники церкви не спешили открывать огонь — боялись попасть в своих. Пленников согнали на площадь и теперь невозможно было отстреливаться, чтоб не подстрелить кого из них. Ингл знал, что преподобный Эндрю не станет открывать огонь первым. Пират чувствовал себя в безопасности, он был триумфатором на этой площади. В этом городе ему доводилось побывать в разных ипостасях — он был и торговцем и преступником, но вот завоевателем быть ему ещё не доводилось до сего дня. Мысль, что он пришёл сюда как завоеватель, чтоб отомстить своим давним обидчикам, грела его душу больше, чем какая-нибудь сисястая еретичка, коих он десятками оприходовал и выпотрошил как куриц.

«Ох, как они орали, когда я вырезал им их блудливые языки, — подумал Ингл, — а из их прелестных ушек вышло отличное ожерелье. Кстати об этом...»

Ингл обернулся назад и увидел Аделину. На шее у неё красовалось то самое ожерелье.

«Как же она в нём прекрасна. — восхищённо подумал пират. — Но почему она вечно дрожит? Ведь никто её даже пальцем не тронул.»

Инглу хотелось поднять настроение своей любимой, развеселить её. Да вот незадача, с каждым часом она становилась всё мрачнее и мрачнее. Мрачнее грозовой тучи, что не так давно нависла над этим городом.

«Впрочем, рано пока расслабляться. — подумал Ингл. — Нужно ещё завершить одно небольшое дельце.»

Ингл уселся на лафет пушки (орудия как раз подкатали поближе к церкви, чтоб палить наверняка) и громко крикнул:

— Отец Эндрю! Я знаю, что это вы командуете обороной церкви! Отзовитесь! У меня к вам есть разговор!

В ответ — тишина.

— Отец Эндрю! Я не хочу повторять дважды! Отзовитесь! Это в ваших же интересах!

Послышался звук засова, створка церковных врат приоткрылась и из-за неё, наконец, выглянул священник. В руках у него блеснул мушкет.

— Чего тебе нужно, Ричард?

— Хочу с вами поговорить, святой отец.

— Мне не о чем с тобой разговаривать, негодяй.

— Полегче, святой отец, я ведь и обидеться могу. Не хотите говорить со мной напрямую? Не надо. Вот только голос у меня мощный и требования мои вы так или иначе услышите. Я предлагаю вам сделку — жизнь сотни колонистов в обмен на жизнь этих ублюдков — Брентов и Корнуоллисов, что спрятались в вашей церкви. Что скажете?

— Ричард, ты же знаешь, я никогда в жизни не пойду на такое. Хочешь штурмовать церковь — штурмуй! Но знай, что жители Сент-Мэриса скорее умрут, чем будут торговать жизнями кого-то из своих.

Ингл глубоко вздохнул. Он ожидал подобный ответ. Однако ему непременно хотелось навязать свои условия.

— Отец Эндрю, — продолжил Ингл после непродолжительной паузы, — послушайте меня, я знаю вас как человека благочестивого и праведного, хоть вы и впали в ересь. Прошу вас, не усугубляйте своё положение. Распахните ворота и никто больше не пострадает, даю вам слово христианина. Мне нужны лишь Бренды и Корнуоллисы. У меня с ними старые счёты. Вот расквитаясь с ними и отпущу вас на все четыре стороны. Я даже дам вам корабль. Но если вы откажетесь от столь щедрого предложения, я буду вынужден открыть по вам огонь. Само собой, я буду очень зол после всего этого и тогда кто знает, что я с вами сделаю. Даю вам час на раздумья.

— Это лишнее, Ричард. — ответил священник. — Я уже всё тебе сказал. Могу повторить ещё раз. Мы не торгуем жизнями своих людей. Можешь не ждать целый час, решение от этого всё равно не изменится.

Над площадью повисла тишина.

— Жаль. — промолвил Ингл. — Я ведь хотел по-хорошему всё решить. Как бы там ни было, я уважаю решение противника. Если он хочет героически погибнуть, то так тому и быть. Братцы, боевая готовность! Пушки заряжаааай!!!

— Есть, капитан!

Церковные ворота были вновь заперты на засов. Шум снаружи утих. Гробовая тишина царил в церкви. Последние защитники Сент-Мэриса осознали и силились принять тот факт, что призрачные иллюзии о чудесном спасении рухнули окончательно. Но не было среди них никого, кто оспорил бы решение преподобного Эндрю. Своим ответом Ричарду Инглу он выразил мнение всех находящихся в церкви.

— Может попробуем напасть на них первыми? — предложила Мэри. — Терять-то нам уже нечего.

Отец Эндрю помотал головой в знак несогласия.

— Они согнали на площадь всех выживших. Живой щит. Откроем огонь — попадём по своим.

Священник был близок к отчаянию. Он не знал, что делать дальше. Единственный шанс спасти людей на площади — это пожертвовать людьми в церкви.

«Ричарду нужен не столько кровавый хаос, — размышлял про себя отец Эндрю, — сколько показательная порка. Он жаждет наказать всех, кто усадил его за решётку и отнял капитал. Если мы, находящиеся в церкви, погибнем вместе с Брендами и Корнуоллисами, то это, возможно, успокоит Ингла и он потеряет всякий интерес к остальным пленникам.»

Из раздумий его вывел голос Маргарет Брент. Не выдержав его долгого молчания, сестра Джайлса крикнула:

— Ну так что прикажете, святой отец, ложиться и помирать?!

— Нет, — решительно ответил священник, — мы не будем безропотно дожидаться смерти. — отец Эндрю внезапно почувствовал прилив сил. — У нас ещё осталось немного пороха. — священник обратился ко всем присутствующим. — Как только они разрушат ворота и ворвутся внутрь, откройте по ним кучный огонь. Мы уйдём в рай с честью, а они будут гореть в аду, но сперва мы устроим этим нечестивцам ад на земле!

Слова священника воодушевили остальных. Преисполненные готовности героически уйти в объятия Иисуса подобно святым мученикам, католики издали воинственный клич, который тут же заглушили три орудийных выстрела снаружи. Церковные своды содрогнулись, осыпались витражи.

Первое ядро угодило в горящую баррикаду, второе врезалось в стену, третье пробило дыру в церковных воротах и пролетев через всю церковь угодило прямо в алтарь. Статуя Девы Марии разлетелась на тысячу осколков. Сверху слышались мушкетные выстрелы

— находящиеся на крыше стрелки таки открыли ответный огонь по орудийным расчётам и, кажется, даже подстрелили кого-то из артиллеристов.

— Перезаряжай!!! — рявкнул Ингл.

Микелетто приказал пехоте дать мушкетный залп по крыше, где укрылись стрелки. И только залп прогремел, как пленники начали разбегаться в разные стороны. «Живой щит» рассеялся, открыв захватчиков вражескому огню. Некоторые из пиратов бросились было ловить беглецов, но Ингл их остановил:

— Отставить!!! Пусть бегут!

— Но капитан, они же...

— Да хрен с ними!!! Держать строй, вашу мать!!!

В окнах церкви показались дула десятка мушкетов. Они целились прямо в захватчиков, более не защищённых живым щитом. Захватчики и сматериться не успели, как по ним открыли огонь. Чувство защищённости среди пиратов рассеялось вмиг, а поскольку стояли они плотной шеренгой, почти каждая пуля нашла свою цель. С десятков разбойников отправились в ад, как и обещал отец Эндрю. Вслед за залпом из окон последовал очередной залп с крыши, отправив ещё столько же пиратов вслед за их товарищами.

— В рассыпной строй! — скомандовал Микелетто. — В стрелковую цепь!

Пираты рассредоточились по всему фронту — так в них было труднее попасть. Правда, теперь защитники церкви целились уже в орудийные расчёты. Последние пара пуль, выпущенных с крыши, срикошетили от орудийных стволов. Ингл стоял рядом с центральной пушкой прямо посреди площади, словно бросая вызов судьбе. Перед позицией противника он был как на ладони. Однако это не страшило отважного пиратского капитана. Фанатично преданный Святому Микелю, он искренне верил в собственную неуязвимость.

Защитники церкви лихорадочно перезаряжали мушкеты, стремясь успеть раньше, чем пираты перезарядят пушки.

— Стрелять по готовности! — приказал Микелетто.

Со стороны пиратов зазвучали выстрелы. Стреляли по крыше и окнам, тем самым не давая вражеским стрелкам высунуться и прикрывая свою артиллерию. Стрелок, первым зарядивший мушкет, высунулся было из укрытия и тут же словил пулю в лоб.

— Ждать команды! — крикнул отец Эндрю.

Священник выглянул через отверстие в двери, пробитое ядром, и увидел, как артиллеристы заталкивают в дула орудий снаряды прибойниками³⁵. Пушки были заряжены. Мушкетные выстрелы разбойников меж тем поредели. Это был шанс.

— Огонь! — приказал отец Эндрю.

Вскочив из укрытий, защитники дали залп по орудийным расчётам. Несколько артиллеристов были ранены, а то и убиты, один упал наземь, не успев поднести зажжённый фитиль к запальному отверстию центральной пушки. Инглу пуля лишь оцарапала плечо.

— В укрытие, в укрытие! — крикнул отец Эндрю.

Защитники едва успели пригнуться.

— Огооооонь!!! — рявкнул Ингл, поднимая с земли зажжённый фитиль.

Два орудия гроыхнули на флангах. Ядра ударили в стену с чудовищной силой. Церковь содрогнулась, со стен осыпалась штукатурка. Ингл поднёс фитиль к запальному отверстию центральной пушки. Раздался ещё один выстрел. Ядро угодило во врата храма, выбив засов, распахнув створки и убив наповал всех, кто стоял на пути. Пираты ликовали. Лицо Ингла скривилось в злобной ухмылке.

— Вы, заряжайте ядрами! — крикнул он артиллеристам на флангах. — А вы — картечью! — отдал распоряжение центровым.

³⁵ Прибойник - деревянный цилиндр на древке, предназначенный для заталкивания снаряда до дна канала ствола

Защитники попытались было прикрыть тяжёлые створки, но одна из них сошла с петель и с грохотом обрушилась на пол, подняв облако пыли. Укрывшиеся под сенью Господа почувствовали себя беззащитными. Женщины с детьми забились в дальний угол церкви. Здесь ядра и пули пока не могли их достать.

Снаружи вновь слышались мушкетные выстрелы. Пули теперь свободно залетали в храм через выбитые ворота. Однако пираты не торопились идти на штурм.

«Дадут ещё залп орудийный, — догадался отец Эндрю, — затем начнётся штурм.»

Силы защитников редели с каждой минутой. Всё реже и реже звучали ответные выстрелы с их стороны. Стоило кому высунуться, как он падал и уже не вставал.

Рискуя поймать пулю, отец Эндрю перебежал в ту часть храма, где укрылись женщины и дети.

— У меня есть план. — сказал он им. — Как только они пойдут на штурм, мы постараемся задержать их, сколько сможем, а вы уходите через заднюю дверь.

— Мы вас не бросим! — воскликнула десятилетняя Мэри Китамакунд.

— Это единственный шанс спастись. Другого выхода нет.

— Пустить меня! — потребовала девочка. — Я хочу сражаться!

— Не сегодня, милая. — улыбнулся отец Эндрю самой грустной улыбкой из всех, что он когда-либо улыбался. — Ты ещё успеешь отомстить, но не сегодня.

Дрожащей жилистой рукой он погладил девочку по макушке.

— Мэри, — обратился он к её старшей тёзке, — ты за главную. Выведи их отсюда. Все пираты будут здесь, когда ворвутся. Направляйтесь к воротам и уходите как можно дальше из города.

— А как же саскуеханнок? — с ужасом прошептала она.

— Молюсь, чтоб Калверт увёл их достаточно далеко.

Следует напомнить, что незадолго до того, как пираты атаковали Сент-Мэрис с моря, Леонард Калверт с отрядом кавалеристов вышел из города, чтоб отвлечь на себя осаждавших его саскуеханнок и с тех пор его не видели. Энн (жена Калверта) всё время гадала, что с её мужем, жив ли? Возможно, он пожертвовал собой, чтоб спасти остальных. А теперь отец Эндрю и другие мужчины готовы пожертвовать своими жизнями, чтобы дать женщинам и детям шанс на спасение. Воистину, самопожертвование есть самый героический поступок из всех. Вот только принять его без тяжести на душе было невозможно. На глазах Мэри, Энн, Маргарет и остальных навернулись слёзы.

— Отец Эндрю... — прошептала Энн.

— Нет времени, дитя. Они скоро будут здесь. Вам надо поторапливаться. — священник начал подталкивать их к выходу.

Пираты меж тем перезарядили орудия. Пушки на флангах были заряжены ядрами, центровая — картечью.

— Так, вы и вы, стреляйте по крыше! — скомандовал Ингл фланговым артиллеристам. — И только попробуйте мне промазать! А вы, — обратился он к центровым, — палите прямо вовнутрь! — он указал на проём, где ещё недавно стояли ворота.

— Есть!

Ингл подал сигнал Микелетто. Будь готов, после артобстрела идём на штурм. Один за другим грянули два орудийных выстрела. Ядра угодили в крышу, отчего та частично обрушилась. Затем сразу последовал третий выстрел. Картечь залетела в храм, рикошета от пола и стен и убивая всех, кто подвернётся.

— В атааааку!!! — Ингл выхватил из-за пояса саблю. — На штуууурм!!!

С воинственным кличем пираты ринулись в сторону церкви.

— Бегите! — велел отец Эндрю.

Схватив детей за руку, женщины в спешке начали покидать церковь через заднюю дверь. Иные из них захлёбывались в рыданиях. Они знали, что не могут взять с собой раненых. Они знали, что защитники храма жертвуют собой ради них. Последними уходили сёстры Джайлса. Мэри напоследок крепко обняла священника.

— Да хранит тебя Господь, дитя. — произнёс он. — Всех вас.

— Да хранит вас Господь, святой отец. — сквозь слёзы прошептала Мэри.

Пираты уже взбегали вверх по ступеням храма, как вдруг на них обрушился огонь с небес. Выжившие на крыше защитники храма сбросили на них горшки с горящей смолой. И тут разверзся ад на пороге. Разбойники кричали и метались, катились вниз по ступеням, их кожа горела и плавилась. Воспользовавшись замешательством противника, защитники церкви дали по ним мушкетный залп практически в упор, после чего схватились за оружие, специально припасённое для такого случая — пики.

— Вперёд, воины церкви! — призвал соратников преподобный Эндрю. — Отправим нечестивцев в ад!

Выстроив в дверном проёме стену копий на манер античной фаланги, защитники храма принялись разить охваченного пламенем врага с неистовым праведным гневом. Сверху сыпались всё новые и новые горшки со смолой. Пламя на крыльце разгоралось с новой силой и пираты были вынуждены отступить, как волки опалившие шкуру.

Ингл был в ярости.

— Заряжайте чёртовы пушки!!!

Сам капитан получил лёгкие ранения и ожоги. Воины церкви воспряли духом.

— Хотите осквернить дом Господа?! — крикнул отец Эндрю. — Только через наши трупы!

Очевидно, пираты поторопились со штурмом. Защитники выиграли немного времени. Укрывшись за храмовыми стенами, они принялись перезаряжать мушкеты. Пираты вновь открыли ружейный огонь. Пули залетали в храм одна за другой.

«Господи, дай нам сил. — молил отец Эндрю. — Обрушь свой гнев на головы нечестивцев.»

Грянул орудийный залп. Храм Господа содрогнулся, сверху посыпался камень. Ядра разрушили крышу. Стрелки провалились вниз вместе с грудой камней, что погребла под собой большую часть раненых. При падении разбились пара горшков с горящей смолой, огонь полыхнул уже в церкви. Уцелевшие чудом отец Эндрю и несколько его соратников поднялись на ноги, все в пыли, и схватившись за мушкеты попытались прицелиться. Пыль оседала в лёгких, дым ел глаза, сердца колотились как бешенные. Из-за облака пыли прицелиться было трудно, залп дали вслепую на звук приближающегося врага. С дикими криками разбойники ворвались в церковь, что являла собой уже больше руины. Они жаждали крови. Схватив пики, воины церкви сцепились в последней схватке с захватчиками. Ингл ворвался в первых рядах, расталкивая своих головорезов и ища глазами преподобного Эндрю. В то же время снаружи также завязалась борьба — несколько пленников, ранее бежавших, освободились от пут и раздобыв какое-никакое оружие, вернулись на площадь и атаковали захватчиков с тыла. Мужество защитников церкви их вдохновило. Пока тыл отбивался, в церкви всю шла схватка с последним оплотом сопротивления. Ингл сцепился с отцом Эндрю.

— Нечестивец! Зря я тогда за тебя заступился! — кричал священник, отмахиваясь из последних сил пикой.

Силы были неравны. Атака в тыл стремительно провалилась. Пираты превосходили и числом и умением. Отец Эндрю оставался одним из последних, кто стоял на ногах. Ингл попросту не желал его убивать. Выбив пикой из ослабевших рук священника, пират не пронзил его саблей, он вырубил его кулаком. Теряя сознание при падении, последнее, что запомнил отец Эндрю — это то, как гибнут последние защитники церкви.

Игра была окончена, пираты победили.

Глава X. Поиск истины

Фрегат «Николь» на всех парусах мчался на юг вдоль побережья Мэриленда. Парусник подпрыгивал на волнах, брызги хлестали в иллюминаторы.

— Смотреть в оба и быть начеку! — командовал боцман Генри Блуд. — Нам здесь, возможно, не рады.

Был отдан приказ — ни один встречный корабль не подпускать к себе ближе, чем на пушечный залп, пока не убедимся, что корабль этот дружественный.

Мелье тем временем сидел у себя в каюте, строчил в своём дневнике. С задумчивым видом перечитывал последние записи, сделанные им уже после отбытия из Бостона:

25 июня 1644 года

Сегодня мы наведались в Новый Амстердам³⁶, где всё ещё идёт война между колонистами и делаваарами³⁷. Я хотел нанести визит генерал-губернатору Виллему Кифту, но его не оказалось в городе. Он ушёл с наёмниками Андерхилла вырезать селения делавааров. Мразь! Он не только ограбил свой народ, наняв головорезов из Новой Англии, так ещё и проводит геноцид ни в чём не повинных делавааров. Сам Новый Амстердам представляет собой жалкое зрелище. Кругом нищета и разруха. Население живёт в страхе в ожидании ответных атак делавааров. Но ответных атак не будет, делаваары очень сильно пострадали от людей Андерхилла и скорее всего согласятся на перемирие, вот только этого не хочет сам Кифт.

Жители Нового Амстердама, напротив, хотят поскорее закончить эту бессмысленную бойню. Я узнал от них кое-что. Вероятно, Кифт может быть связан с заговорщиками из Сената и потому-то он так самоуверен — он знает, что у него есть поддержка вне его колонии.

29 июня 1644 года

Прямо по курсу полуостров Делмарва, справа по борту — Делавэрский залив.

Говорят, дела в Мэриленде сейчас хуже некуда. С каждым днём во мне растёт уверенность, что Сент-Мэрис не выдержит осаду саскуеханнок. Нужно срочно заключать мир, но не с саскуеханнок, нет, они всего лишь пешки в чьей-то игре. Надо найти их хозяина.

Думай, Мелье, думай, кому это выгодно?

Может это дело рук Юхана Принца? Возможно. Ослабив Мэриленд, Новая Швеция³⁸ сможет укрепиться и расшириться в этом регионе. Война уже проиграна Калвертом, так может сразу завернуть в форт Кристина³⁹ и попытаться договориться со шведами о перемирии?

Или идти прямо по намеченному курсу?

Имеет ли смысл потратить ещё пару-тройку дней на то, что и так скоро завершится без моего участия? Вряд ли я сейчас могу как-то помочь Мэриленду.

Найти бы скорее Калверта, вот он-то мне сейчас гораздо важнее его владений. Нутром чую, у него для меня есть важная информация.

³⁶ Новый Амстердам - первоначальное название Нью-Йорка в 1626 - 1664 годах, голландская колония

³⁷ Делаваары - индейский народ

³⁸ Новая Швеция - шведская колония XVII века на берегах реки Делавэр на территории современных североамериканских штатов Делавэр, Нью-Джерси и Пенсильвания

³⁹ Форт Кристина - первое шведское поселение, основанное в 1638 году в устье рек Кристина и Делавэр, столица Новой Швеции

В конечном счёте, капитан принял решение никуда не сворачивать и идти прежним курсом на Мэриленд в надежде, что барон Балтимор прояснит ситуацию. Он ещё не знал, насколько судьбоносным это решение окажется.

Обмакнув перо в чернильницу, гасконец завершил в дневнике последнюю запись:

1 июля 1644 года

Мчимся на всех парусах вдоль побережья Мэриленда. Нутром чувю, грядёт нечто такое, что будем вспоминать потом всю жизнь... если выживем, разумеется. На всё воля Божья и свершится она уже сегодня. По нашим расчётам, к ночи мы причалим близ поместья Калверт.

Мелье выглянул в иллюминатор. Дело шло к вечеру.

За дверью слышались шаги. Словно прочитав мысли капитана, на пороге появился Джордж Беккер.

— Сэр, у меня есть некоторые соображения.

— Мсье Беккер?

— Что вы думаете о Юхане?

Беккер прошёл в каюту и уселся в кресло напротив Мелье.

— О Юхане Принце? — уточнил гасконец. — Губернаторе Новой Швеции?

— Да, именно.

Мелье задумался. Неужто Беккер тоже подозревает Юхана Принца?

— А что о нём думать? Лично я с ним никогда не встречался. Человек как человек. Жалко только, что протестант. Увы, Боженька никогда не пустит его в рай. — Мелье перекрестился. — Что вы так на меня смотрите, мсье Беккер, я пошутил. — гасконец рассмеялся. — Не зацикливайтесь так на этом, всё равно никого из нас в рай не пустят, места не хватит.

Беккер явно не оценил юмор. Он вообще слабо понимал циничный юмор Мелье, но, к счастью, уже давно привык к подобному.

— Тем не менее, сэр, вы не думаете, что Юхан Принц ведёт какую-то свою игру? Например, зачем он финансирует саскуеханнок? Что ему это даёт?

— А он их финансирует? — недоумённо спросил де Мелье и посмотрел на Беккера с таким видом, как бы спрашивая: «Вам известно что-то, что не известно мне?».

— Если б вы почаще читали мои служебные записки, сэр, то знали бы, что саскуеханнок уже давно и весьма активно скупают порох и мушкеты где-то на стороне. Я уверен, что это голландцы, либо шведы им продают.

Беккер был возмущён тем, что его служебные записки даже не читаются. Ведь истинным мастерством он считал своё искусное владение пером. Мелье же решил в очередной раз подшутить над скрупулезностью Беккера и с самым серьёзным видом заявил:

— Ну что вы, мсье Беккер, читаю я ваши записки. Просто, их так много и так подробно пишете. Нельзя ли покороче? А то я, знаете ли, засыпаю во время чтения.

— Я не понимаю вас, сэр, — не унимался Беккер, — вы же глава государства, вы обязаны быть в курсе всего! Малейший пробел и всё — катастрофа!

От того, сколь легкомысленно Мелье относится к своим обязанностям, Беккеру стало обидно, ведь он сам подходил к своим со всей ответственностью.

— Да помню я это, мсье Беккер. Нет нужды в очередной раз повторять. — раздражённо потряс руками Мелье. — В иной раз вы хуже моего падре Иньиго со своими нравоучениями.

— Кто это?

— Мой духовник. Я вам как-то рассказывал о нём. Видите, вы тоже не всё помните.

— Это тот самый, который преподавал вам латынь, чтение и письмо? — уточнил Беккер.

— Да, это он.

— Хм... у меня к вашему падре очень серьёзные претензии. — сказал Беккер не то серьёзно, не то шутливо. Ясно было, что он намекает на слабые познания Мелье в латыни. — Впрочем, как говорится, *suum cuique*⁴⁰.

— Чего? — не смог удержаться от вопроса Мелье.

— Каждому своё. Выражение такое крылатое на латыни.

Мелье выглядел недовольным, в отличие от самодовольного собеседника.

«Он что, хочет вывести меня из себя? — подумал гасконец. — Ну так ему это не удастся.»

— Всё, хватит уже о латыни, мсье Беккер, пока дьявола случайно не вызвали. Скажите лучше, что там с Юханом Принцем? Он правда поддерживает саскуеханнок?

— Либо он, либо Кифт... — Беккер задумался. — Либо Клейборн.

— Да бросьте вы, мсье Беккер! — отмахнулся Мелье. — Кифту сейчас явно не до того. У него, если вы не заметили, война с делаварами. Помните? Мы же оба там были недавно — в Новом Амстердаме. Я ещё тогда грязным словечком поминал тамошнего губернатора, помните?

— Да, было дело.

— Он такой тупой. Вот скажите, мсье Беккер, вот зачем ему понадобилось брать дополнительный налог с индейцев? На что он рассчитывал? — всё больше распалялся Мелье. — Они и так уже заплатили ему в этом году. Конечно, они были недовольны! Вот они и подняли бунт. Даже не знаю, как он теперь будет выкручиваться из этой ситуации. Колонисты вон тоже недовольны — обложил их тройным налогом.

— Думаете, он долго не усидит на своём месте?

— Без поддержки извне? Долго точно не продержится. — со всей уверенностью заявил де Мелье.

— Он действует весьма нагло. — заметил Беккер. — Полагаю, поддержка извне у него всё же имеется.

— Я тоже так думаю. — согласился Мелье. — Но вот то, что ему сейчас не до саскуеханнок, это точно.

— Тогда что насчёт остальных? — спросил Беккер.

— Ну, с Клейборном всё понятно, победа саскуеханнок ему выгодна больше, чем всем остальным. Он получит назад свой остров, а индейцы — кучу европейских побрякушек. Однако как бы он доставил индейцам мушкеты и порох под носом у Калверта? Сомнительно это. — Мелье задумался. — Очень сомнительно.

— А Юхан?

— А что Юхан? Думаете это он финансирует саскуеханнок?

— Это похоже на правду. — кивнул Беккер. — Его колония стоит рядом с их владениями, а ещё он на метрополию обижен. Чем не повод создать своё государство? Тем более, что живой пример у него прямо перед глазами.

— У него конфликт с метрополией? — удивлённо спросил де Мелье. — Откуда у вас, мсье Беккер, такие сведения? В ваших служебных записках об этом ни слова.

— Свежие вести, сэр, не успел ещё передать. Вот, держите.

С этими словами Беккер извлёк из камзола письмо и торжественно вручил его Мелье.

— Что это? — взяв в руки письмо, гасконец не разобрал ни слова. — Какая-то тарабарщина, ничего не понятно!

— Оно и не удивительно, господин де Мелье, это шведский. Пишет мой старый приятель, Густав Расмуссон. Когда-то он служил с Юханом в одном полку и прекрасно его знает.

⁴⁰ Каждому своё (лат.)

— Ну и на кой чёрт вы даёте мне это письмо, если я не могу его прочесть?! — с рассерженным видом Мелье бросил письмо на стол. — Хотите похвастаться своими связями? Я, знаете ли, не владею шведским! Вы владеете? Вот и рассказывайте, что в этом письме.

— Если коротко, то господина Юхана в своё время судили за сдачу города Кемниц в Саксонии. Он тогда воевал в германских землях в составе шведской армии.

— И?

— Его политические противники в метрополии не устают напоминать ему, мол какой позор для дворянина — сдать город! Какое позорное клеймо на всю жизнь! Правда, дворянином он стал уже после и... вероятно, все эти его недоброжелатели просто завидуют, что человек скромного происхождения не просто добился дворянства, но и возглавил единственную заокеанскую колонию своей страны. Наверное, они спят и видят, как бы сместить Юхана с его поста. Так что у Юхана есть серьёзные основания опасаться.

— Ну, насчёт позора я соглашусь. — сказал Мелье. — Для настоящего дворянина нет ничего дороже чести. А её бывает так легко потерять.

Беккер был не согласен с точкой зрения Мелье. Ведь большинство полководцев — дворяне и большинство из них и города сдают и сражения проигрывают. И кто их за это осудит? Никто. Ведь все эти люди со связями уже рождены во дворянстве и с самого своего рождения обладают привилегиями, недоступными остальным. А вот то, что простой человек из народа стал дворянином и губернатором, в этом, вероятно, кроется победа ещё большая, чем все победы на полях сражений. Джордж Беккер и сам происходил из простолюдинов и в каком-то роде прекрасно понимал Юхана Принца. Как человек, который сделал себя сам и добился высот исключительно своим трудом, Беккер недолюбливал дворян, что кичатся своим происхождением, не имея при этом реальных заслуг.

Мелье же думал о другом. Насколько же наивен Беккер в своём суждении о дворянах. Неужели он и понятия не имеет, что дворянам только и остаётся что военная служба да церковная карьера? Потому что все остальные пути для них попросту закрыты законом. Дворянин не может просто так взять и заняться торговлей, ремеслом, пахать землю. Его за такое осудят и он превратится в изгоя, его род от него отвернётся. В этом случае, единственным выходом для него станет заняться разбоем, либо податься в авантюристы, что в большинстве случаев означает то же самое, что заняться разбоем. Неужели Беккер думает, что Юхану завидуют из-за какой-то там вшивой должности на другом конце земли, куда ни один порядочный аристократ по своей воле не отправится? Зачем им это? Все самые важные дела творятся возле трона. Именно к королевскому двору стремится вся элита нации. Нет, дело тут явно в другом. Политические противники Юхана Принца боятся, что он когда-нибудь займёт их место возле трона. Ведь он, как-никак, прекрасный полководец и дипломат. Шведские дворяне видят в нём опасного выскочку и используют позорный факт сдачи города как отличный повод навсегда испортить ему жизнь, где бы он ни находился. Каждый будет напоминать ему об этом до конца его дней. Быть дворянином-выскочкой без связей — тяжёлый крест в этом мире. Один промах и всё. Простолюдину же многое прощается, ибо спрос с него изначально ниже. Дворянину же припомнят всё. Сколько примеров Мелье повидал за свою жизнь, когда дворяне пятнали свой род за одно мгновение, одним лишь неосторожным высказыванием, либо малейшим проявлением трусости. Всё, что веками накапливалось трудом предков, рассыпалось в единый миг. Мелье был также уверен, что Юхан не просто сдал город, что его порицают не просто так. Вероятно, мсье Беккер что-то недоговорил.

— Мсье Беккер, а скажите-ка, у мсье Принца имелось официальное разрешение от главнокомандующего? Разрешение на сдачу города. Или же он просто дезертировал?

— Ну, — замылся Беккер, — что уж тут сказать, разрешения не было.

— Тогда всё понятно! — воскликнул Мелье. — Юхан попросту дезертировал! Я удивлён, как он вообще после этого стал дворянином и губернатором. Как бы там ни было, а теперь

я уверен, Юхан Принц вполне может быть замешан в сговоре с саскуеханнок. Вопрос лишь в том, действует ли он один или же совместно с Клейборном. В одиночку, как я уже сказал, Клейборн не смог бы тайком поставлять индейцам мушкеты и порох под носом у Калверта, а вот через Юхана... Да! Им обоим выгодно друг друга поддерживать!

Придя к логическому умозаключению, Мелье треснул ребром ладони по столу.

Глава XI. Божественная воля

В Сент-Мэрисе продолжала разворачиваться кровавая трагедия, что постигла жителей сего славного города. Преподобный Эндрю пришёл в себя. В окружении других пленников, он лежал на центральной площади рядом с руинами церкви. Пираты по всему городу отлавливали и стогнали на площадь беглецов, жестоко их избивали. Не обращая внимания на боль, священник мысленно молил лишь об одном — чтобы Мэри, Маргарет и Энн вместе с другими женщинами и детьми добрались до ворот и покинули уже пределы этого адского места.

— Отец Эндрю, слава Богу, вы очнулись. — послышался рядом взволнованный женский голос.

Сердце священника остановилось. Весь мир вокруг него словно рухнул, все надежды его рухнули разом. Это был голос Мэри. Обернувшись, он увидел её, растрёпанную, с тревогой на лице.

— Мэри? — слабо прохрипел он.

— Да, святой отец.

— Вы... вам не удалось...

Священник начал озираться по сторонам и самое худшее подтвердилось — они все были здесь. Мэри, Энн, Маргарет, юная Мэри Китамакунд и остальные, они помогали раненым.

— Они поймали нас, — Мэри едва сдерживала слёзы, — поймали ещё до того, как мы добрались до ворот.

— Но как? Они же все пошли на штурм.

Святой отец не хотел верить, что всё происходящее это правда.

«Нет, — мысленно твердил он себе, — это сон, этого не должно было случиться. Господи, почему ты оставил нас?!»

— Они... они караулили нас, — объяснила Мэри, — подстерегли нас в переулке.

«Неужели Ингл предвидел этот ход? — подумал священник. — Этот нечестивец всё предусмотрел.»

Отец Эндрю испытывал смешанные чувства, горькую смесь отчаяния, страха и безысходности.

«Мы обречены. — подумал он. — Теперь всё.»

— Отец Эндрю, вы в порядке? — с тревогой спросила Мэри. — У вас кровь.

— Со мной всё в порядке, дитя.

Он горел желанием успокоить её ложными словами надежды, вот только надежды в нём самом не осталось. Когда надежда покидает человека, это есть последняя стадия отчаяния, дальше — смерть. Он даже не заметил, что пока был без сознания, Мэри обработала и перевязала его рану на голове, что он получил при падении, теперь она снова кровоточила.

— Послушай, дитя, — собрав последнюю волю в кулак, сказал отец Эндрю, — что бы ни случилось, помни, кто мы есть, помни, что мы...

— Отец Эндрю! Рад что вы наконец-то очнулись! — раздался знакомый до боли насмешливый голос.

Подняв глаза, священник увидел Ингла с его фирменной ухмылочкой.

— Как вы себя чувствуете, падре? Я приказал Мэри о вас позаботиться. Это ведь я приложил вас так крепко. Мне очень жаль, приношу свои извинения. — наигранно-виновато пират поклонился.

— Не нужны мне твои извинения, Ричард! — прорычал отец Эндрю. — Будь человеком, отпусти хотя бы женщин и детей! Что они тебе сделали?

Пират в ответ усмехнулся.

— Если бы мог — отпустил бы, но нет, они были пойманы при попытке бегства и понесут за это наказание. И это, святой отец, ваша вина. Скажите мне, на что вы вообще рассчитывали? Допустим, представьте, им удалось проскользнуть за ворота, а дальше что? Доберутся они до поместья Калверта, если оное ещё не захватили наши краснозлые союзнички, а дальше что?! Куда отступать? Заберут с собой провизию и в долгий переход на север — в Новую Швецию?! — Ингл расхохотался. — Придут туда в надежде, что Юхан Принц им поможет?! — пират помирал со смеху, затем вдруг принял серьёзное выражение лица. — А ведь всего этого можно было избежать, святой отец, если бы вы меня послушали. Жаль, ваше упрямство сослужило вам дурную службу. А теперь, — пират обратился уже ко всем присутствующим на площади пленникам, — вас ждёт кульминация моего триумфа!

Ингл торжественно вскинул вверх руки. Три пушки дали холостой залп. Пленники вздрогнули, от оружейного залпа зазвенело в ушах.

— Возрадуемся, братья, Сент-Мэрис наш! Deus vult! Микель vult!

— Deus vult! Микель vult! — хором вторили головорезы.

Ингл оглянулся.

— Микелетто!

— Да, капитан?

— Где Юджин?! Где наш brave офицер?!

— Да здесь только что был. — Микелетто обернулся. — Да вот же он! Тащит кресло из ратуши.

Ингл посмотрел в сторону ратуши. Действительно, Юджин тащил из неё кресло самого Калверта.

— Ха! Молодец парень, далеко пойдёт! — усмехнулся Ингл.

Кресло и впрямь соответствовало статусу его обладателя — красное дерево, искусная резьба с позолоченными лилиями, настоящее произведение искусства.

— Капитан, держите, это кресло самого губернатора, я в ратуше нашёл! — радостно скороговоркой произнёс Юджин, поставив кресло рядом с Инглом.

— А на кой оно мне, Юджин? Я что, король какой-нибудь? — как будто с пренебрежением отмахнулся Ингл.

— Нет, капитан... — Юджин сперва сконфузился, но быстро нашёлся, что ответить. — Но вы же посланник самого Святого Микеля! А это ваш Святой Престол!

Инглу такой ответ явно понравился.

— А знаешь что, Юджин, у меня есть идея получше. Ну-ка, садись. Билл, Богдан!

— Да, капитан?! — отозвались Богдан и Билли.

— Принесите мне одеяния отца Эндрю, они ему больше не понадобятся.

Священник насторожился. Чего ещё задумал это нечестивец?

Билли и Богдан стремглав помчались в церковь. Если, конечно, те развалины ещё можно было называть церковью.

— Что вы задумали, ироды проклятые?! — гневно воскликнул отец Эндрю, вскакивая на ноги. — Зачем вам мои одеяния?!

В глазах его светилось намерение помешать задуманному, что бы это ни было, но охранявшие пленников головорезы грубо усадили его на место.

— Спокойствие, святой отец, — призвал его Ингл, — сейчас всё увидите сами. И давайте не гневайтесь, а то гнев это грех, знаете ли.

— Это праведный гнев, Ричард!

— Да-да, это совсем другое. — издевательски рассмеялся Ингл.

Отец Эндрю верил, что праведный гнев допустим, ибо не может праведный человек не гневаться при виде того, как грешит нечестивец.

Пираты в церкви откинули крышку чудом уцелевшего сундука.

— А какие именно одеяния?! — крикнул Билл. — Их тут целая куча!

— Да ещё и разных цветов! — крикнул Богдан, перебирая содержимое сундука. — Побрякушки какие-то всякие!

— Всё тащите! — крикнул им Ингл. — Не ошибётесь!

— Весь сундук?! Он же тяжёлый!

— Ничего, не надорвётесь!

Процедив сквозь зубы что-то матерное, Богдан и Билл потащили сундук из церкви.

— Вот, держите, капитан.

— Это не мне, — отмахнулся Ингл, — это ему. — указал на Юджина, сидящего в кресле.

— Давай, парень, не дрейфь, надевай.

— Я? — удивился Юджин.

— Да, ты, кто ж ещё?

— Но... но что именно?

Юджин выглядел растерянно, глядя на все эти одеяния.

— Сейчас разберёмся. Давай, раздевайся. — велел капитан и с видом знатока принялся копаться в сундуке.

— Что? — опешил Юджин.

— Раздевайся, говорю.

— Зачем?

Оторвавшись от сундука, Ингл положил правую ладонь на плечо Юджина и поднял вверх левую руку со скрещенными пальцами в крёстном знамении.

— Мы решили рукоположить тебя, сын мой, в епископы, дабы стал ты наместником Святого Микеля на земле.

Юноша не мог поверить в услышанное. Ещё утром он был простым матросом, а теперь он... ЕПИСКОП???

— Чего рот раскрыл? — усмехнулся Ингл. — Говорил же я, сколь щедр Святой Микель к своей пастве. Святой Микель оценивает зрелость не тела, но души. Ну что, помочь тебе или сам всё снимешь?

— Сам, сам!

Со всей неуклюжестью Юджин принялся снимать с себя одежду. Сие действие пираты сопровождали хохотом.

— Прекратите это богохульство немедленно! — гневно воскликнул отец Эндрю. — Ричард, ты совсем головой тронулся?!

— Не начинайте, святой отец, вы оскорбляете нашу веру. — предостерёг священника Ингл.

— Это ты оскорбляешь нашу веру, мерзавец!

— Помолчите, святой отец. Молчите и не смейте мешать священному ритуалу.

Раздевшись у всех на виду догола и приняв из рук Ингла чёрную сутану, Юджин принялся неумело её надевать, путаясь в длинных рукавах.

— Не пурпурная, конечно, — заметил Ингл, — но ведь и отец Эндрю у нас не епископ.

Пират ожидал, что его собраты будут смеяться, но никто из них, похоже, не разбирался, какой цвет какому иерархическому положению в церкви соответствует. Они бы не отличили простого священника от епископа, а епископа от кардинала. Ингл дождался лишь нервного смешка от Юджина.

— Ну-ка покажись. — велел Ингл, когда Юджин таки напялил на себя сутану. — Сейчас, подожди, поправим вот здесь. Ну вот, вылитый епископ! — пират расхохотался. — Не правда ли, братцы?!

— Ага! — рассмеялись те в ответ.

Растерянно озираясь по сторонам, Юджин в сутане выглядел очень нелепо. Пираты вовсю потешались над его видом. Жестом Ингл призвал их к тишине.

— А теперь, — обратился он к Юджину, — осталось лишь рукоположить тебя, сын мой, и можешь приступать к своим обязанностям.

— А может лучше не надо? — с сомнением спросил Юджин. Он не любил быть в центре внимания.

— Надо, Юджин, надо. — коротко ответил Ингл. — Микелетто, у нас всё готово?

— Да, капитан! — откликнулся Микелетто. — Корнуоллисы, Бренты и прочие еретики, все тут!

Джайлс Брент и адмирал Корнуоллис только-только приходили в себя, на площадь их доставили в бессознательном состоянии.

— Превосходно! — Ингл потёр руки в радостном возбуждении. — Можем приступать к рукоположению. Или есть у кого возражения? — вопросительно посмотрел на пленников.

Ответил ему отец Эндрю:

— Прекрати издеваться над верой, Ричард! Ты не имеешь никакого морального, ни юридического права рукополагать кого-либо в священники!

Праведный гнев закипал в глазах падре полностью вытесняя страх. Отец Эндрю не мог более терпеть, видя как его веру втоптывают в грязь. Он поднялся с колен. Охранявший его головорез хотел было усадить священника обратно, но капитан жестом его остановил.

— Полегче, святой отец, полегче. — угрожающе предостерёг священника Ингл. — Следите за языком.

— Думаешь, я тебя боюсь?! — прорычал отец Эндрю. — Священник это не только одежды и сан, это то, что внутри тебя, то, что ты несёшь людям! Ты можешь отнять у меня всё, но я не перестану от этого быть священником, Ричард!

Пока он говорил, остальные пленники бросали на падре восхищённые взгляды, они восхищались его смелостью, а сами меж тем до жути боялись смерти.

Ингл лишь усмехнулся и издевательски захлопал в ладоши.

— Браво, отец Эндрю, браво! Вот за это я вас и уважаю — за вашу твёрдую позицию вкупе с состраданием. А теперь, будьте так любезны, заткнитесь! Если вы и дальше будете мешать нашей церемонии, я буду вынужден вас удалить.

Пират посмотрел на отца Эндрю настолько угрожающе, что всем стало ясно, «удалить» из уст Ингла означает только одно — смерть. Гробовая тишина повисла над площадью.

— Итак, — произнёс Ингл, — раз мы всё выяснили, то пожалуй начнём. Микелетто, Аделина, встаньте рядом со мной. — подождав, пока его приказ выполнят и обведя всех присутствующих пронизывающим взглядом, Ингл начал очередную торжественную речь. — Братья и сёстры, погрязшие во грехе! Услышьте нас! — пират вскинул вверх руки, словно в молитве. — Мы — посланники Святого Микеля — пришли чтобы помочь вам обрести истинную веру! И в доказательство того, что наша вера истинная, я привёл вам саму Деву Марию во плоти! — резким движением руки Ингл указал на Аделину.

Католики начали удивлённо переглядываться, словно задаваясь вопросом: «Не ослышались ли мы?». Видя их замешательство, Ингл ласково обратился к Аделине:

— Дорогая, выйди вперёд, покажись людям.

Послушно опустив голову, девушка сделала два неуверенных шага вперёд.

— Видите? — спросил Ингл. — Это она.

— Это Аделина, дочь аптекаря! — крикнул отец Эндрю. — Обычная девушка, которую ты запугал! Никакая она не Дева Мария!

— Отец Эндрю, вы испытываете моё терпение. — процедил сквозь зубы Ингл. — Вам было сказано заткнуться! Последнее предупреждение, ещё слово и будете удалены навсегда!

— пират разозлился не на шутку. — А теперь скажите, — обратился он к публике, — кто из вас не верит, что перед вами Дева Мария?! Ну же, смелей, поднимите руки, кто не верит!

Немного замешкавшись, несколько католиков не побоялись поднять вверх руку.

— Хорошо, — произнёс Ингл, — а теперь вот вы двое, да, вы, выйдите сюда! Не бойтесь. Я докажу, что вы не правы.

Двое смельчаков вышли из толпы. Выражения их лиц говорили о готовности достойно встретить смерть.

— Как вы думаете, — ледяным голосом произнёс Ричард Ингл, — Господь уберёжёт вас, еретиков, если я спущу сейчас курок?!

Произнося эти слова, пират достал из-за пояса пистолет и направил в грудь одному из смельчаков.

— На всё воля Божья! — отважно ответил тот.

Раздался выстрел. Смельчак был убит наповал. Казалось, после стольких смертей ещё одна уже никого не могла шокировать, но нет, люди по-прежнему тряслись в страхе. Ричард Ингл вздохнул.

— Не уберёт его Господь. — озвучил пират очевидную мысль, глядя на бездыханное тело у его ног. После недолгой паузы он перевёл взгляд на пленников. — А теперь смотрите ещё. Смотрите внимательно!

Пират принялся перезаряжать пистолет. В процессе перезарядки он изрёк:

— Святой Микель, пророк Божий, разберётся, кто свой, а кто чужой. Праведника он не даст в обиду, а грешника покарает.

«Убьёт ещё одного, — думали пленники, — мало ему крови.»

Ко всеобщему удивлению, после перезарядки Ингл, сперва прицелившись во второго смельчака, внезапно перенаправил пистолет на Аделину. Та и вскрикнуть не успела, как Ингл спустил курок. Раздался щелчок, но выстрела не последовало — произошла осечка. Девушка дрожала как осиновый лист.

— Многим сейчас показалось, что это просто осечка, — обратился Ингл к пленным, — но это не так! По-прежнему сомневаетесь?! Так давайте проверим!

Взведя курок, Ингл направил пистолет на человека из толпы, что выглядел испуганным.

— Веришь ли ты, что пред тобой Дева Мария?!

— В-верю, верю! Н-не надо! — испуганно вскричал пленник, яростно замотав головой и руками.

— Отлично, так я и думал. — улыбнулся пират. — А что насчёт остальных? Верите ли вы, что мы посланники Божьи и что сама Дева Мария пред вами служит тому подтверждением?

С этими словами пират принялся медленно водить пистолетом по толпе. Испуганные и отчаявшиеся пленники, на кого он направлял ствол, один за другим выкрикивали:

— В-верю!

— Верю!

— Н-не стреляйте! Мы верим!

— Так отрекитесь же от ереси вашей! — вскричал громогласно Ингл. — Отрекитесь от ереси, что мешает вам видеть, что мешает вам узреть истину! Уверуйте, братья и сёстры мои и в награду, в качестве дара Божьего, вы получите апостола Юджина — епископа Мэриленда!

— Хватит лгать, Ричард! — гневно воскликнул отец Эндрю. — Ты не посланник Божий, ты обыкновенный проходимец, как и твои головорезы! Думаешь, запугал Аделину, запугал народ, и люди внемлют твоим «проповедям»?! Ты ошибаешься! Не страхом, но любовью Господь несёт людям веру! Хотя что ты можешь знать о любви, мерзавец! Да простит Господь меня за грязные слова в твой адрес. Хочешь убить меня? Ну же, давай! Давай, стреляй в старика, изверг!

Ингл рассвирепел. Глаза его налились кровью.

— Отец Эндрю, я же сказал, последнее предупреждение, мать вашу!

Несмотря на всю свою ярость, пират вовсе не желал убивать священника. Отец Эндрю — единственный, кто обошёлся с ним по-человечески, тогда в плену у Калверта. Одновременно с тем Ингл понимал, что его авторитет среди своих может пошатнуться, если он не исполнит угрозу. Что он за командир, если разбрасывается словами, почём зря? Он обещал отправить священника на тот свет, если тот скажет ещё хоть одно слово, и он не торопится осуществить свою угрозу, а ведь именно этого от него сейчас ждут его головорезы — что он возьмёт и выстрелит дерзкому падре прямо в грудь или в голову, это уж на усмотрение самого Ингла. Итак, что делать? Пират злобно взглянул отцу Эндрю в глаза и заметил, что в глазах этих совсем не осталось места страху, только вера и решимость встретить свою судьбу. Что же предпринять? Нечасто Инглу приходилось прибывать в растерянности. Всё же, он решил в последний раз предостеречь священника, хотя в глубине своей чёрной души понимал, что это не поможет. В глубине своей чёрной души он уже принял решение. Пират глубоко вдохнул, стараясь привести мысли в порядок.

— Отец Эндрю, — голос Ингла звучал на удивление спокойно, — вы же видели божественную волю, все её видели, еретик ушёл в мир иной, а Дева Мария осталась нетронутой.

— Ты всерьёз полагаешь, что кто-то поверил в твой фокус?! Твой пистолет заклинивает раз через раз, чёртов ты еретик! Поганый язычник, ты и твои нелюди, все вы будете гореть в аду вместе со своим «Святым Микелем»!

— Зря вы так сказали.

Не колеблясь, пират навёл пистолет на отца Эндрю и выстрелил. Казалось, этот выстрел прозвучал громче всех предыдущих, настолько он потряс. Пленники дружно вздрогнули. Время словно замедлилось, вот он, их всеми любимый отец Эндрю, человек с необычайно добрым сердцем, сейчас живой, дерзит этому нечестивцу Инглу и вот спустя мгновение он падает замертво, схватившись за грудь. Кровь хлещет из пробитой грудной клетки, священник падает на брусчатку и испускает дух свой прямоком в Небесное Царство. Его прекрасные добрые глаза, в последние минуты жизни преисполненные праведного гнева, закрываются навеки.

— НЕЕЕЕЕЕТ!!! — в отчаянии вскричала Мэри, бросаясь к бездыханному телу священника. — ОТЕЦ ЭНДРЮ!!! НЕЕЕЕЕЕТ!!! — её крик отчаяния разнёсся над площадью. До последнего она верила, что пират пощадит преподобного Эндрю.

— УБЛЮДКИ, ЧТО ВЫ НАДЕЛАЛИ!!! — вскричала Маргарет.

Рыдая, сёстры Джайлса бросились к телу преподобного.

— Стоять! — рявкнул на них Микелетто, направляя мушкет. — Ещё шаг и последуете за ним!

Джайлс Брент, вскочив на ноги, бросился в сторону Ингла с безумным намерением его покарать даже ценой собственной жизни. Трое головорезов преградили ему путь и повалив не без труда на землю, грубо его скрутили, связали и заткнули рот кляпом.

Ещё несколько человек с гневными криками бросились было на Ингла, но были сбиты с ног его прихвостнями и жестоко избиты.

— Грёбанный святоша! — выругался Ингл. — Надо было тебе всё испортить?!

Ингл понял, что сорвался. Он не хотел убивать отца Эндрю. Всё совсем не так он себе представлял. Вся церемония вот-вот пойдёт прахом. Решение пришло внезапно.

— Спокойно, народ! — обратился он к толпе. — Вы сами всё видели, это была божественная воля! Так было угодно самому Господу — показать вам всем истинный путь, забрав еретика Эндрю! Вы всё ещё не верите?! Тогда смотрите!

Достав из-за пояса другой пистолет, Ингл приставил его себе к виску и спустил курок. Столь безрассудный поступок озадачил даже пиратов. Впрочем, напрасно надеялись пленники — пистолет дал осечку. Раздался щелчок. Не поменявшись в лице, Ингл мысленно выдохнул, ведь пистолет действительно был заряжен.

— Ну что, теперь вы убедились?! Теперь вы убедились в истинности моих слов?! Святой Микель защищает свою верную паству! Он бы не дал мне погибнуть! Не верите, что пистолет заряжен?! Ну так смотрите!

Взведя курок, Ингл направил тот же пистолет на второго смельчака, ранее вышедшего из толпы. Прогремел выстрел. Смелчак упал замертво.

— Ещё одним еретиком на этой земле стало меньше. — прокомментировал пират.

Гробовая тишина повисла над площадью.

Глава XII. Заклятые друзья

По другую сторону городских укреплений Сент-Мэриса, из лесного массива бесшумно вышли индейцы, примерно полторы сотни человек объединённые в три отряда. Это были саскуеханнок и они направлялись к городским воротам. Полуголые, разукрашенные в красно-чёрные тона, они выглядели весьма устрашающе. Вооружены они были преимущественно копьями и стрелами, но были и те, кто нёс мушкеты. На опушке зазвучала барабанная дробь. Следом за индейскими отрядами шагал отряд европейцев во главе с Уильямом Клейборном. Один из европейцев нёс барабан. Звук барабана должен был известить Ингла о приближении союзников, но встречать их, похоже, никто не торопился. Ни одного дозорного на городской стене не было видно.

Уильямом Клейборном был мужчина средних лет и среднего роста, одетый, как и его люди, по-походному просто: серый камзол, шерстяные бриджи и гетры. В руке он нёс широкополую шляпу с пером. Его густые длинные волосы были старательно зачёсаны назад, спадая гривой до плеч и обнажая залысины на высоком открытом лбу.

Клейборн и его краснокожие спутники возвращались к городским стенам после неудачного преследования Леонарда Калверта и его неуловимого кавалерийского отряда. Клейборн был недоволен. Разве он не отдавал приказ отставить преследование? Разве он не пытался внушить своим тупорылым краснозадым союзничкам, что преследовать кавалерию пешим ходом вообще бессмысленно?! Даже в густом лесу пехотинцы уступают кавалеристам в скорости. Так нет же, эти дикари ринулись в погоню за Калвертом сразу, как только его увидели. Клейборн разгадал его замысел — провоцировать кавалерией пехоту на преследование. Губернатор Мэриленда нарочно не терялся из виду, чтоб дикари продолжали его преследовать и чем дальше, тем далее они отдалялись от города. Ну не тупые ли? Впрочем, убедить тупых в том, что они тупые, Клейборну не удалось и он был вынужден следовать за своими союзниками. Приятный момент во всей этой истории заключался в том, что кавалеристы таки угодили в засаду саскуеханнок (их другого подразделения, выдвинувшегося навстречу из деревни в качестве подкрепления). Кавалеристов удалось даже взять в окружение, но... проклятые пискаутаэй (индейское племя союзное Калверту) атаковали саскуеханнок с тыла. И хотя атаку пискаутаэй удалось отбить, кавалеристы не без потерь вырвались из окружения и исчезли из виду. Калверта среди убитых не было. Куда он направился дальше, в своё поместье или же совершив обходной манёвр вернулся назад в город? Как бы там ни было, своей цели он достиг — Клейборн и его люди оказались вдали от городских стен. Уставшие, они развернулись и пошли обратно, осаду было необходимо продолжать. По возвращении они увидели столб чёрного дыма над городом и Клейборну стало ясно — Сент-Мэрис в руках Ингла.

— Расступитесь! — крикнул, расталкивая столпившихся у ворот саскуеханнок, Клейборн. Толкнул ворота — заперто. — Отлично! Этот уникум забыл открыть нам ворота. — со всей силы Клейборн забарабанил в них кулаком. — Ричард, открывай, скотина ты эдакая!

В ответ — тишина.

«Ну что сказать, — подумал Клейборн, — теперь этот город точно обречён.»

Один только столб дыма над городом уже говорил о многом. Пожар, устроенный пиратами, и не думал потухать.

— Бейте прикладами по воротам! — скомандовал Клейборн.

Лениво отойдя в сторонку, индейцы наблюдали за тщетными потугами европейцев. Те со всей силы дубасили в ворота и выкрикивали проклятия в адрес Ингла. Спустя несколько минут коллективной долбёжки, чудо таки произошло — ворота открылись. Открыл их сам виновник торжества. Со своей фирменной издевательской ухмылочкой. Клейборна аж передёрнуло от неприязни.

— Добро пожаловать в Сент-Мэрис, друг мой. — Ингл исполнил не менее издевательский, чем его ухмылка, реверанс.

— Какого чёрта ты не открываешь ворота?! — негодовал Клейборн.

— Извини, слегка увлеклись грабежом. — усмехнулся пират. — Тут столько ценностей, ты не представляешь, просто сокровищница султана! Нужна твоя помощь.

Приоткрыв сильнее ворота, Ингл жестом пригласил союзников войти.

— Так я тебе и поверил, — хмыкнул Клейборн, заходя со своими людьми в город, — чтобы ты, да не управился с награбленным, рассказывай эти сказки кому-то ещё. Ладно, перейдём к делу, сколько имущества тебе удалось изъять?

Глаза Клейборна загорелись жадностью.

— Около трёх тысяч фунтов серебром и это только у Корнуоллиса.

Ингл самодовольно ухмыльнулся.

— Хм, действительно неплохо. — согласился Клейборн. — Со всем остальным этого более чем хватит, чтобы возместить наши убытки. Сможем вернуть долг Ричарду Беннетту. Осточертело уже быть его долговой сучкой.

— Не знаю, Уильям, лично я ему ничего не должен. Мой долг уже давно списан.

Таким вот нехитрым образом Ингл намекнул Клейборну, что он отсидел в тюрьме один за всех.

— А... да. Что, к слову, насчёт остальных? Брент, Калверт?

Голос Клейборна чуть задрожал. Он прекрасно понял этот намёк.

— Содержимое их сундуков ещё не до конца сосчитали. — ответил пират. — К слову, где Калверт? Мои люди допросили пленных и выяснили, что он, оказывается, покинул город ещё до нашей атаки. Говорят, он ушёл в вашу сторону с отрядом кавалеристов.

— Так и есть. — кивнул Клейборн.

— И вы его не схватили?

Ингл внезапно остановился, удивлённо уставился на собеседника.

— А ты бы угнал на своих двоих за кавалерией?!

— Так они решили отвлечь вас?

— Именно.

— И вы купились?! Погнались за ними?!

Ингл расхохотался над глупостью союзников. Клейборн выглядел обиженным.

— Это всё грёбанные краснозадые ублюдки! Это они бросились в погоню, стадо баранов!

Клейборн махнул рукой в сторону стоявшего рядом с ними индейца. Тот смотрел на них сверху вниз с невозмутимым выражением лица. Сам он был высокого роста, с ног до головы окрашен в красочные красно-чёрные фигуры и линии, голова его была обрита по бокам. Было очевидно, что индеец, как и подавляющее большинство его соплеменников, не понимал английского даже на самом начальном уровне. На языке жестов Клейборн передал ему какую-то информацию. Ингла это впечатлило.

— Вы только на языке жестов общаетесь?

— Что ещё остаётся, они не желают учить английский, да и у меня нет особого желания учить их тарабарщину, этот примитивный собачий язык.

Клейборн вкратце пересказал Инглу всё, как было на самом деле, пока они шли к центральной площади.

— Значит, благодаря счастливой случайности, Калверт таки попал в окружение, но всё равно сумел улизнуть от вас? — уточнил Ингл. — Господи, вы безнадёжны!

— Это всё чёртовы пискатауэй, всё время дышали нам в спину! — возмущённо воскликнул Клейборн. — А Калверт, стало быть, отступил в своё поместье. С потерями отступил.

— И после этого вы даже не бросились штурмовать его поместье? Когда он там практически беззащитен? Вы самые ничтожные вояки из всех, кого я знал. Серьёзно, Уильям, ты мог не возвращаться. Я и без тебя взял этот город.

— И превратил его в груды развалин. — заметил Клейборн.

— Это не имеет значения. — отмахнулся пират. — Ведь я взял этот город, а уж как я его взял, не всё ли равно? Вам бы и за сто лет его не взять.

— Не забывай про пушки на городских стенах.

— А что мне пушки? Дай мне пять десятков крепких молодцев и я смету их вместе с воротами!

Ингл воинственно стукнул кулаком себя в грудь. Ему нравилось потешаться над бесполезностью Клейборна и его краснозрых ушлёпков. Клейборн же сваливал всю вину исключительно на индейцев. По его словам, ещё недавно они являли собой образец дисциплины и в точности исполняли все его распоряжения, но стоило им только увидеть Калверта, как вся их дисциплина рухнула к чертям. Оно и понятно, ведь тогда перед ними замаячила перспектива захватить белого вождя. Заманчивая перспектива. Для многих индейцев захват белого вождя казался величайшим подвигом, наивысшим проявлением героизма и воинской доблести, а также сигналом к окончанию войны. Мало кто из них был осведомлён о приёмах и тактиках европейской стратегии. Цели и задачи войны в понимании индейцев и европейцев различались колоссально. Как только Калверт появился в зоне их видимости, все наставления Клейборна по части тактики были тут же напрочь забыты в угоду сиюминутным порывам, что опять же, по мнению Ингла, характеризовало Клейборна как никудышного командира.

Когда пирату наскучило потешаться над менее удачливым союзником, он решил перевести беседу в более безобидное русло:

— Кстати, ты слышал новость — Род-Айленд не поддержал переворот. Они на стороне Мелье.

— Почему-то я не удивлён. — хмыкнул Клейборн. — Мелье с Уильямсом, как известно, давно уже два сапога пара. Оба вечно ноют о каком-то равноправии между нами и дикарями. Чушь собачья! Нет между нами никакого равноправия! Нет и быть не может! Мы — власть, они — слуги, другого им не дано!

— Но, погоди, Уильям, ты же сам с ними якшаешься. Вон даже выучил их язык жестов.

— В торговле, Ричард, нет ни друзей, ни врагов, есть лишь деловые партнёры. И пока они мне поставляют лучший мех в обмен на, скажем, ничего не стоящие стеклянные бусы, они — мои деловые партнёры. Улавливаешь суть?

— Более чем. Обмануть дикаря обязан каждый уважающий себя белый. Кстати, сообщи этому верзиле, что у меня для него есть подарок. Я так понимаю, он их вождь.

Ингл кивнул на того самого рослого индейца, с которым Клейборн общался на языке жестов. Индеец этот сопровождал их на протяжении всего пути.

— Да, это их вождь. — подтвердил Клейборн. — Я его, кстати, так и зову — Верзила. Его настоящее имя не помню, да и не нужно пытаться запоминать — оно такое сложное, что чёрта с два выговоришь, только язык сломаешь.

Он обратился к вождю на языке жестов.

Ингл внимательно следил за движениями его рук, быстрыми и ускользающими от взгляда. На лице вождя расплылась улыбка.

Вся компашка меж тем приближалась к центральной площади.

— Нас уже заждались. — объявил Ингл в радостном предвкушении. — Прошу сюда. Я, к слову, приготовил вам сюрприз к вашему приходу.

— О, Господи, — Клейборн закатил глаза, — терпеть не могу твои сюрпризы, Ричард, из-за них мы постоянно вляпываемся в какое-то дерьмо.

— Не преувеличивай. Кто ж знал, что Корнуоллис в тот день будет патрулировать побережье. Что ты так смотришь?

Клейборн внезапно остановился и выглядел растерянным.

— Ну, как бы... я знал.

— Ты знал??? Знал и не предупредил меня?! — Ингл озлобленно взглянул на собеседника.

— Как это не предупредил, Ричард?! Я прислал тебе почтового голубя! Заранее прислал, ибо знал планы Корнуоллиса наперёд! Там было письмо с предупреждением. Какого чёрта ты тогда припёрся к острову с полным трюмом товара? Мало того, ещё и салют устроил, что даже дикари из своих берлог повылазили!

Теперь растерянным выглядел Ингл.

— Так это был почтовый голубь?

— Да, Ричард, это был почтовый голубь.

— ...

— Что?

— Я думал, голубь обычный... да, неловко получилось.

— Что неловко получилось? Голубь-то до тебя долетел?

— Долетел.

— И?

— Что и? Я его съел.

— ... эээ, что?!

— Ну а что, я в тот день голодный был.

— ... Ричард, ты идиот? Тебя не смутило, что у него на лапке было письмо?!

Клейборн посмотрел на Ингла, как на последнего болвана.

— Ну, я подумал, что это комплимент от повара.

— ... Какой ещё, к чёрту, комплимент от повара?! Что ты несёшь, мать твою?!

— Ну, во Франции, я слышал, так делают, когда хотят угодить гостю в таверне.

— Пишут ему письмо?!

— Почему бы и нет? Тёплые пожелания и всё такое. Я же в таверне сидел в тот день.

Бульон заказал.

— Бульон он заказал. Гостю закуску подают, а не записки, гурман ты лондонский.

Клейборн насмеялся над кулинарными познаниями Ингла. Лондон, как и вся остальная Англия, славился простотой кухни и столь же незамысловатой подачей блюд. Культ еды здесь возникнуть ещё не успел и какого-то особого отношения, как в южных странах, гостю здесь ждать не следовало. Само слово «гурман» в сочетании с родным городом Ингла — Лондоном — звучало из уст Клейборна как издёвка.

— Что было, то прошло, Уильям. Незачем ворошить прошлое. Я ведь за это уже заплатил, верно? За свою тупость. В тюрьме три года отсидел, в этом чёртовом каменном мешке. К слову, мы уже пришли.

Их взору открылась центральная площадь.

— Что тут, чёрт поberi, происходит?! — ошарашено произнёс Клейборн.

Увиденное его поразило, в неприятном смысле. На месте некогда симпатичной церквушки теперь красовались развалины, а посреди площади сгрудилась кучка выживших горожан. Грязные, оборванные, раненые, они стояли на коленях и пели католический гимн под прицелом десятка мушкетов. Прямо перед ними с важным видом, подобно византийскому базилевсу⁴¹, восседал в кресле юноша, одетый в сутану.

— Что это за чучело тут сидит?!

⁴¹ Базилевс - титул византийских императоров

— Где? А, этот. Это и есть мой сюрприз. — рассмеялся Ингл. — Знакомьтесь, это Юджин — новый епископ Мэриленда! Осталось только рукоположить его.

— Какой ещё, к чёрту, епископ Мэриленда?! Ты, Ричард, совсем с дуба рухнул?! Что это ещё за маскарад?! Где отец Эндрю?! Лучше я поговорю с ним. В отличие от тебя, он адекватен.

— Ну, поговорить с отцом Эндрю у тебя уже не получится.

— Почему это?

— А ты посмотри воооон туда. — Ингл указал на бездыханное тело, вокруг которого сгруппировались рыдающие сёстры Брент.

Подойдя поближе и присмотревшись, Клейборн убедился, чьё это тело.

— Ты больной убудок! — гневно выругался Клейборн. — Чем ты тут вообще занимаешься?! Ты хоть понимаешь, что Микель с нами делает, когда узнает об этом?! Немедленно прекращай этот цирк и распускай жителей по домам!

— Ага, сейчас, может мне ещё встать на колени и отсосать тебе?! Обойдётся! Я взял этот город и мне решать, что с ним делать, понятно?!

Лицо Клейборна покраснело от гнева.

— Ты... ты... да что ты о себе вообще возомнил?! Я командующий этой экспедицией! Забыл?! Немедленно выполняй мой приказ, слышишь?! А не то я...

Клейборн хотел было подать команду своему отряду, но его опередил пистолет Ингла, приставленный к его груди.

— А не то ты что? — угрожающе прошипел пират. — Что ты вообще можешь мне сделать, а? Бросить умирать в сырой темнице?! Так я это уже прошёл. Благодарю за науку, Уильям!

Ингл явно намекал на предательство и трусость Клейборна, что и прочёл в его глазах. Он так и не простил его. Хотя они и выглядели со стороны хорошими друзьями, это были самые что ни на есть «заклятые друзья».

«Да, гнида, ты помнишь это, помнишь до сих пор, — насмешливо подумал Ингл, глядя в испуганные глаза Клейборна, — совесть мучает, да?»

— Н-ну всё, хватит... н-не дури Ричард. Я же объяснял тебе ситуацию, у меня н-не было тог... тогда средств тебя выкупить, я... я са... сам б-был в долгах. — заикаясь от страха, пытался оправдываться Клейборн. Голос его дрожал, язык заплетался, каждое слово давалось с трудом. Клейборн старался, чтоб голос его звучал твёрдо, но у него это не получалось. — Б-будь у ме... меня д-деньги, я бы обязательно тебя выкупил. Ты что, мне не веришь, друг?!

Какое-то время Ингл сверлил его ледяным взглядом, а потом расхохотался и опустил пистолет.

— Да шучу я, Уильям, не ссы! Видел бы ты сейчас свою испуганную рожу! Это просто нечто!

Ингл изобразил испуганное лицо Клейборна и серьёзные лица его наёмников. Пират ясно дал понять, кто тут хозяин положения.

Одновременно злясь на Ингла, Клейборн облегчённо вздохнул.

— Так что вы там со мной хотели сделать, господин командующий, за неисполнение приказа? Я вас внимательно слушаю. — с сарказмом произнёс Ингл.

— Ладно, признаю, погорячился. — подавленно опустил голову Клейборн. — Ты выполнил свою задачу — взял город. Но сам посмотри, что ты наделал! Куча трупов, от города камня на камне не осталось, пожар вон бушует до сих пор! Ты нарушил прямой приказ Микеля и я вынужден на это как-то реагировать.

— Так ты ему не сообщай и всё будет хорошо, — улыбнулся Ингл, — спишем всё на военные потери.

— Думаешь, он не узнает, что один из процветающих городов Республики ты превратил в руины?

— Ну он же не будет здесь лично всё проверять, верно?

— Думаешь, не будет?

Клейборн и сам засомневался.

— Ну конечно же! — со всей уверенностью ответил Ингл.

— Хорошо, — согласился Клейборн, — но горожан всё-таки отпусти. — кивнул на пленных. — Зачем их тут держать?

— Да не вопрос. — пират равнодушно пожал плечами. — Вот только посмотрим церемонию рукоположения Его Святейшества Юджина и отпущу всех по домам. — сказав это, пират обратился к пленным. — Ну что, еретики, заскучали?!

Внезапный выстрел заставил Клейборна содрогнуться. В ушах зазвенело. Сквозь клубы дыма он увидел, как один из пленников выпал из толпы с пробитой шеей и распластался на земле. Кровь била из шеи фонтаном, под убитым растеклась красная лужа.

— Ой, простите, — сконфузился Ингл, — я хотел пальнуть в воздух.

— Ричард, ёб твою мать! — гневно закричал Клейборн.

— Что?! Рука сама сорвалась! Парень, ты живой там?! Нет? Ну на всё воля Божья.

— Ричард, мы же договорились!

— Что? Да у него просто рожа кислая. — наиграно оправдывался Ингл. — У нас тут церемония века, а он сидит, скушает. Безобразие же. Ну-ка, — обратился к пленникам, — приободрились все живо! У нас же не похороны, в конце концов.

Достав из-за пояса второй пистолет, пират нацелился на толпу, сделав вид, что собирается стрелять, а затем направил вверх и пальнул в воздух.

Пленники испугались и кажется только один из них не дрогнул.

— А по мне так именно похороны. — раздался голос из толпы. — Похороны по идеалам христианства. Ты сколько угодно можешь проводить здесь свои церемонии со своей марионеткой, но знай, что мы никогда не признаем его примасом, ибо отца Эндрю уже никто не заменит!

Голос этот был напрочь лишён страха. Инглу даже стало не по себе оттого, что кто-то из пленников его не боится. Только презирает.

— Кто это сейчас ляпнул?! — взревел пират, вынимая из-за пояса уже третий по счёту пистолет. — Выйди и покажись! — направил пистолет на толпу. — Я хочу посмотреть на тебя, самоубийца!

Смельчак не заставил себя ждать и, гордо распрямив спину, вышел вперёд. Это был высокий статный человек средних лет в чёрной сутане. Он был одним из последних, кто держал оборону в церкви и сутана его, вся в пыли и пятнах крови, была разодрана в нескольких местах. На лице виднелись следы побоев — он был одним из тех, кто пытался напасть на Ингла после убийства преподобного Эндрю.

— Ну смотри, я вышел. — произнёс смельчак, вызываясь глядя пирату в глаза.

Ингл узнал его. Это был ещё один местный священник — Томас Копли. Узнав его, пират меж тем виду не подал, решил сперва подурочиться. Сделал вид, что вспоминает его.

— Погоди-ка... погоди-ка... ты Томас Копли, помощник отца Эндрю, я угадал?

— Не паясничай, Ричард, я прекрасно знаю, что ты меня помнишь. Того, кто обличил тебя в суде, невозможно забыть, верно?

— Да брось ты, Томас, я уже давно не держу на тебя зла. Как видишь, спустя годы я прошёл наконец твоё испытание веры. Ну как, достаточно искренне я это сделал? Или может мне ещё в жопу тебя поцеловать вместо иконы, а?!

— Не гневи Бога, Ричард.

— А то что? Папа Римский меня анафеме предаст?!

Пираты захохотали.

— Не паясничай, Ричард! Не гневи Бога, Ричард! — передразнил его Ингл, явно переигрывая с кривляниями. — Ладно, не будем о грустном, что было, то прошло, верно? Я усвоил твой урок, Томас, и научился прощать.

— В этом я сильно сомневаюсь.

— Да ладно тебе, Томас, не будь букой. Давай-ка лучше обнимемся в знак примирения.

Раскинув руки для объятий, Ингл направился к Копли. То, что произошло дальше, повергло пиратов в такое недоумение, что они даже не среагировали должным образом и не переломали наглецу все кости, просто застыли на месте и смотрели. Резким ударом кулака Копли разбил Инглу нос. О том, что нос действительно сломан, можно было судить по характерному хрусту. Прикрыв нос ладонями, пират отступил на пару шагов. Из-под ладоней потекла кровь. Некоторые из пленников в тот момент вскрикнули. Они были уверены, что теперь храбрецу точно несдобровать. Копли же гордо выпрямился и без всякого страха смотрел как кровь капает из-под ладоней пирата. Тот стоял какое-то время неподвижно, его головорезы опомнились раньше.

— Тебе конец, тварь! — грозно вскричал какой-то мускулистый бугай и решительным шагом направился к священнику.

— Отставить! — приказал ему Ингл, сделав останавливающий жест окровавленной рукой.

— Но, капитан, он...

— Я сказал, ОТСТАВИТЬ! — рявкнул Ингл, убирая от лица вторую ладонь. Нос его напоминал кровавое месиво.

Немного замешкавшись, головорез ответил:

— Есть.

И отступил назад.

Теперь все взгляды были прикованы к Инглу. Что он предпримет дальше? Незамедлительно покарает наглеца или сперва помучает его? Словно собираясь с мыслями, пират откинул голову назад и с характерным шумом втянул ноздрями воздух. В носу его забулькала кровь. Ко всеобщему удивлению, Ингл улыбнулся. Достал платок и медленно вытер им кровь. Платок полностью пропитался его кровью. Затем Ингл посмотрел на Томаса Копли, улыбка при этом не сходила с лица пирата.

— Ты знаешь, больно однако. Это что, у вас такое новое приветствие в Мэриленде? Мне нравится. Надо взять на вооружение. Ребятам моим точно понравится. Верно говорю?! Особенно Юджину.

С задорной улыбкой Ингл взглянул на Юджина. Тот побледнел и машинально схватился за нос. Пираты засмеялись.

— Понравится-понравится, капитан! — голосили они.

Ингл повернулся к священнику.

— И опять же, я не сержусь на тебя, Томас. Видишь? Я усмирил свою плоть.

Произнося эти слова, пират вновь подошёл к Томасу.

— Усмирил плоть? Ты даже понятия не имеешь, что это такое, мразь! — гневно воскликнул Копли, после чего плюнул Инглу в лицо.

И вновь несколько пленников вскрикнули. Безрассудство Копли приводило их в ужас и в то же время заставляло смотреть на него, как на героя. Ингл, похоже, начинал терять терпение. Жеманная улыбка на его лице сменилась дьявольским оскалом. И всё же он пока себя сдерживал. Он сдерживал себя, дабы не потерять остатки рассудка и завершить эту дискуссию в свою пользу. Пересилив себя, он натянул ироничную улыбку и произнёс:

— Для священника, Томас, ты довольно груб. На месте прихожанина я бы трижды задумался, стоит ли идти к тебе на службу. А то, знаешь ли, никаких платков не хватит.

Пират потряс окровавленным платком. Его прихвостни заржали.

— Не тебе меня судить, Ричард. — ответил Копли. — За свою слабость я отвечаю только перед Господом. Мы все не безгрешные, я этого и не отрицаю. Но ты перешёл все границы

дозволенного. Ибо лишь истинный нечестивец будет прикрывать свои злодеяния Божиим Промыслом! Тебе ясно?!

Копли был настолько убедителен в своей речи, что пират невольно дёрнулся, когда священник на него прикрикнул в конце. Его окружение не могло не заметить этой секундной слабости своего капитана. Впрочем, Ингл ловко выкрутился из ситуации, приняв позу слуги, ожидающего приказа от своего господина и готового вмиг его выполнить.

— Ясно, сэр! Чего ещё изволите?!

Пираты вновь заржали. Такой непритязательный юмор с кривляниями был им очень по душе. Копли промолчал. Как и любой мыслящий человек он понимал, что спорить с идиотами — себе дороже.

— Пора переходить к следующему акту, дамы и господа! — обратился Ингл ко всем присутствующим, торжественно вскинув вверх руки. — Полагаю, этот акт себя уже исчерпал. — пират достал золотые карманные часы Корнуоллиса. — Уууу, время-то уже позднее, пора заканчивать. Ну что же, мистер Копли, я бы с радостью продолжил нашу увлекательную беседу, может как-нибудь позже за чашечкой чая, но сейчас, увы, время не ждёт. — пират театрально поклонился. — Итак, перейдём сразу к делу, ведь мы с вами деловые люди, верно?

Копли вновь решил промолчать.

— Отлично! — Ингл радостно хлопнул в ладоши. — Всегда считал молчание знаком согласия. Вот что я предлагаю, мистер Копли, у нас тут есть кандидат в епископы, звать его Юджин, — пират махнул в сторону юноши, сидящего в кресле, — но нет священника, который мог бы его рукоположить. Томас, ты же священник? Не удружишь? Не согласишься ли ты рукоположить его? Конечно, мы могли бы и без этого обойтись, однако люди мы тут все добродетельные и не можем допустить, чтобы нами руководил какой-нибудь самозванец, верно?

— И какого же ответа ты ждёшь от меня, Ричард?

— Нуу, желательно положительного. В противном случае мне придётся применить к тебе особые методы убеждения.

— Будешь меня пытаться? — спросил Копли, скрестив руки на груди.

— Нет, что ты, какие пытки? Есть масса других замечательных средств переубедить человека. Советую тебе согласиться.

— Нет! Я не стану участвовать в этой чёрной мессе⁴²! Делай со мной что хочешь!

Получив столь категоричный ответ, Ингл какое-то время молчал, обдумывая следующий шаг. Затем он промолвил:

— Жаль, я думал, мы договоримся. Ну раз так... — Ингл прошёлся вдоль ряда пленников, выискивая глазами новую жертву. — Что ты на это скажешь?

Ловким движением руки он вырвал из толпы малолетнюю Мэри Китамакунд.

— Помогите! Отпусти меня! — вскрикнула девочка. В глазах её загорелся страх.

Сёстры Брент и с ними ещё несколько человек бросились было на подмогу, но грубой силой были загнаны обратно в толпу. Самому Джайлсу, связанному по рукам и ногам, с кляпом во рту, оставалось лишь дёргаться, мычать и извиваться в бессильной злобе, наблюдать, как его невеста пытается вырваться из цепких лап этого грязного нечестивца. Люди были возмущены, гневные проклятия посыпались на голову Ингла:

— Убери от неё свои грязные руки, мразь!

— Чтоб ты сдох, ублюдок!

— Я ТЕБЯ, СУКА, ДОСТАНУ!!!

Последнюю реплику кинул Томас Грин, за что тут же поплатился. Раненая нога не помешала ему вскочить, однако стоило ему это сделать, как обжигающий острой болью удар саблей поразил его и без того раненую конечность. Грин упал навзничь и та же сабля рубанула его по

⁴² Чёрная месса - сатанинский обряд

здоровой ноге. Пронзительный вопль Грина разнёсся над площадью. Пират по имени Богдан стоял над раненым Грином с окровавленной саблей в руке и только приказ капитана сохранить пленнику жизнь удержал его от последнего завершающего удара.

Ингл приставил пистолет к голове Мэри.

— Тише, тише, моя дорогая, не бойся, я не причиню тебе вреда. — свободной рукой пират погладил девочку по макушке. — Если, конечно, твои друзья будут сговорчивы.

На глазах девочки навернулись слёзы. В какой-то момент она встретила взглядом с Джайлсом. На глазах у того тоже блестели слёзы. Слёзы от осознания собственного бессилия в желании спасти свою невесту.

Пираты наставили мушкеты на пленных.

— Отпусти её! — продолжали требовать сёстры Брент.

— Всенепременно, — ответил пират, — как только я получу желаемое. Тише, тише, дамы и господа! Вы сейчас ходите по очень тонкому льду! Обещаю, с её головы и волоса не упадёт, если только вы, мистер Копли, — посмотрел на священника, — примите верное решение. Думай, Томас, думай, что для тебя важнее, религия или близкие?

В глазах Ингла полыхнул дьявольский огонёк.

— Отпусти девочку, изверг! — потребовал Копли.

Наблюдавший всю эту картину со стороны и сохранявший до той минуты безмолвие, Уильям Клейборн решил, наконец, вмешаться:

— Ричард, прекрати самосуд!

— Заткнись, Уильям! Не до тебя сейчас!

— Прекрати, я приказываю тебе!

— А иначе что, Уильям?! — пират угрожающе посмотрел на Клейборна.

— Ответишь перед Микелем!

— Зачем Святому Микелю жалеть еретиков?!

— Я тебя под трибунал отдам!

— Пфф, напугал шлюху елдой! — пират рассмеялся. — Не вмешивайся, я сказал! Ну что, Копли, решай уже! Считаю до трёх! — ткнул пистолетом Мэри в висок. — Раз! Два! ...

— Стой! Хорошо! Хорошо! Я согласен! — выкрикнул священник.

— То-то же.

— Я рукоположу твоего кандидата, только девочку отпусти!

Копли не сомневался после всего увиденного, что Ингл исполнит свою угрозу если ему и дальше перечить.

— Вот так бы сразу. — по лицу пирата расплылась удовлетворённая улыбка. — Люблю, когда всё по согласию.

Опустив пистолет, Ингл подмигнул стоявшей неподалёку Аделине, надеясь, что она оценит его юмор, но в ответ лишь испуганный взгляд.

«Что такое? — сокрушённо подумал Ингл. — Ей не понравилась шутка?»

Как и обещал, пират отпустил Мэри и девочка сразу же побежала к сёстрам Брент, те её крепко обняли. По щекам их катились слёзы.

Убрав за пояс пистолет, Ингл требовательно посмотрел на священника.

— Приступай к рукоположению, Копли! Микелетто, Аделина, вы готовы?!

Оба кивнули. Микелетто уверенно, Аделина из страха.

— Превосходно!

Хлопнув в ладоши, пират довольно потёр руки. Церемония началась. Подойдя к Юджину, Копли слегка растерялся, оценивающе посмотрел на кандидата в епископы. Тот, похоже, не был в восторге от всей этой затеи.

— Кхм... напомни, как тебя зовут?

— Я? Юджин.

— Готов ли ты, Юджин, к испытанию веры, дабы все здесь присутствующие могли убедиться в истинности твоих помыслов и твёрдости твоего духа на пути к епископскому сану?

— Что? Какие ещё испытания? Не-не-не, я не готов!

Юджин заёрзал в кресле, представляя эпичные испытания по типу — пройтись голыми ступнями по гвоздям или сунуть руку в огонь. Такая перспектива ему совсем не нравилась. Он усиленно замахал руками в знак несогласия.

— Ну ты-то меня не беси, Юджин!

Ингл отвесил Юджину хорошенький подзатыльник.

— Хорошо-хорошо! Я готов!

— Прежде, чем мы начнём испытание, — продолжил Копли, — я должен спросить у тебя, Юджин, осознаёшь ли ты всю ответственность, что будет возложена на тебя Господом перед твоей паствой?

— Что? Ничего я не осознаю.

Очередной подзатыльник прилетел Юджину от Ингла.

— Ай! Да осознаю я, осознаю! Я тут самый сознательный человек.

— Хорошо, Юджин. — кивнул священник. — Ты прощаешь врагов своих? Не держишь ли на них зла?

— Нет, зачем их прощать? Их следует наказывать.

Третий подзатыльник.

— Ай! Да, в смысле, да, прощаю! Только и занимаюсь весь день, что прощаю всех. Вообще ни на кого зла не держу.

— Хорошо, вот твоё испытание, Юджин. — священник сложил руки в молитве. — И сказал Христос в Нагорной проповеди: «Не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щёку твою, обрати к нему и другую».

Как только он произнёс эти слова, Микелетто ударил Юджина кулаком в правую щёку с такой силой, что тот перевернулся вместе с креслом и покатился по земле.

— АААААУУУ!!! Кажется, ты мне челюсть сломал!!! — взвыл Юджин, хватаясь за щёку. От боли у него на глазах проступили слёзы.

— Ну-ка, дай посмотрю. — Микелетто осмотрел челюсть и для моральной поддержки хлопнул ладонью Юджина по плечу. — Просто ушиб, ничего страшного, заживёт. Терпи, Юджин, скоро епископом станешь! — помог ему подняться на ноги.

— Может, не стоит дальше продолжать? — предложил Копли, опасливо покосившись на покрасневшую челюсть.

— Почему же не стоит? — удивлённо усмехнулся Ингл. — Продолжайте. У нас же испытание всё-таки, а что за испытание без боли, верно?

Юджин был не в восторге от всего происходящего. Микелетто усадил его обратно в кресло.

— Кхм... я должен спросить у испытуемого, не чувствует ли он злости по отношению к своему обидчику? — сказал Копли.

— Нет, не чувствует. — ответил за Юджина Ингл. — Он у нас самый добрый парень на свете. Да, Юджин?

— Д-да.

— Вот видите, продолжайте.

Священник немного замешкался.

— Кхм... обрати к нему и другую.

— Нееееет!!! — закричал Юджин, понимая, что произойдёт дальше. Его левая щека вслед за правой приняла удар Микелетто. И вновь он покатился по земле, рыдая и скрючиваясь от боли.

— Ну как ты там, Юджин? — с показной заботой Микелетто склонился над парнем. — Всё в порядке?

— Сссс... — выдавил из себя Юджин. Из рта у него сочилась кровь.

— Что?

— Ссссовершенно в порядке.

— Вот и отлично. Ещё немного осталось, потерпи.

Микелетто вновь усадил Юджина в кресло. Теперь оно казалось парню креслом пыток. Микелетто старательно поправил складки его сутаны и отряхнул от пыли. Кивком Ингл дал священнику сигнал продолжать.

— Кхм... чувствуешь ли ты злость? — спросил Копли у Юджина.

— Просто дайте мне уже сдохнуть наконец!

— Кхм... хорошо... испытание пройдено, Юджин. Встань, дабы я мог облачить тебя.

Приняв из рук Ингла амикт⁴³, священник покрыл им плечи и шею Юджина со словами:

— О, Господь, возложи шлем спасения на голову его, дабы мог он противостоять нападкам дьявола!

Поверх сутаны и амикта Копли надел на Юджина альбу⁴⁴, произнося:

— Обели его, Господь, очисти сердце его, дабы обелённый в крови агнца мог он заслужить награду вечную! — опоясал его цингулумом⁴⁵. — Препояшь его, Господи, цингулумом чистоты и погаси в сердце его пламя вожделения, дабы добродетели воздержания и целомудрия пребывали в нём! — на левое запястье Юджина надел манипул⁴⁶. — Да удостоится он, Господи, нести сноп слёз и скорбей, дабы мог он с радостью обрести награду за труды его! — на шею Юджина надел столу⁴⁷. — Возроди в нём, Господи, бессмертие его, которое он утратил через грех прародителей наших и, пусть недостойн он приблизиться к Твоим священным таинствам, всё же дозволю ему заслужить радость вечную! — поверх столы надел казулу⁴⁸. — О, Господь, говорящий: «Иго Моё благо, и бремя Моё легко», даруй ему нести их так, дабы заслужить милость Твою!

Пираты вовсю потешались над нелепым видом Юджина. Ингл выглядел довольным.

— Ну вот, — сказал пират, — совсем другое дело. Правда, чего-то не хватает... Ах да, точно!

Ингл снял с безымянного пальца золотой перстень с крупным аметистом и передал его Копли. Христианская символика на перстне и синий аметист — символ чистоты.

— Откуда он у тебя? — удивился священник. — Это же епископский перстень.

— Не всё ли равно? — пожал плечами пират. — Отобрал его у какого-то епископа. Давай, не отвлекайся.

— Дай мне свою руку, Юджин. — обратился к нему священник. — Прими сей перстень, как печать верности, чтоб, украшенный незапятнанной верой, ты хранил непорочной Невесту Божию, то есть Святую Церковь.

Надев перстень на палец Юджину, Копли замолчал.

— Всё? — спросил Ингл.

⁴³ Амикт - предмет литургического облачения католического священника. Представляет собой прямоугольник из белой льняной ткани с вышитым в центре крестом и двумя тесёмками по бокам

⁴⁴ Альба - длинное белое литургическое одеяние католического священника

⁴⁵ Цингулум - предмет литургического облачения католического священника. Представляет собой длинный шнур с кистями. Завязывается вокруг талии

⁴⁶ Манипул - предмет литургического облачения католического священника. Представляет собой полоску ткани, с вышитым по центру крестом. Надевается на левую руку во время мессы

⁴⁷ Стола - предмет литургического облачения католического священника. Представляет собой шёлковую ленту около двух метров в длину с нашитыми на неё крестами

⁴⁸ Казула - предмет литургического облачения католического священника. Представляет собой плащ из жёсткой ткани, расшитый крестами

— Не хватает лишь благословения от Девы Марии, — ответил священник, — заступницы Сент-Мэриса. — печальным взглядом окинул руины города. — Нужна икона.

— Зачем? — усмехнулся Ингл. — Обойдёмся без неё. У нас же тут настоящая Дева Мария присутствует. — указал на Аделину и подмигнул ей.

— Но, благословение должно произойти через поцелуй иконы.

— Ну и в чём проблема? — улыбнулся пират. — Аделина, целуй Юджина!

— Но...

Аделина попыталась было возразить Инглу, но увидев, как потемнели его серые стальные глаза, вновь опустила голову, боясь дальше смотреть на это чудовище. Она никогда не отличалась храбростью и даже в такой момент, когда терять ей уже было нечего, она не могла себя пересилить. Жизнь оказалась для неё весомее принципов, ибо это последнее, что у неё оставалось.

— Никаких «но», моя дорогая, христианский поцелуй это дело святое, сама понимаешь. — произнёс пират. С лица его не сходила эта жуткая и до боли неестественная жеманная улыбка.

Аделину сковывал страх. Приблизившись к лицу Юджина, который вонял не меньше самого Ингла, она зажмурила глаза и робко поцеловала его в щёку, едва коснувшись её губами. Она испытывала отвращение, как ранее при поцелуе с Инглом. Целовать незнакомого парня, да ещё и у всех на виду, да ещё и парня, который ей крайне неприятен, это противоречило всем её романтическим представлениям. К горлу Аделины подступила тошнота и она тут же отпрянула от Юджина.

Пираты были недовольны столь отвратительным поцелуем. Они улюлюкали и демонстрировали перевёрнутые вниз большие пальцы рук в знак недовольства. Они жаждали шоу и Ингл, считаясь с желаниями своих соратников, даровал им это зрелище.

— Нет-нет-нет, так не пойдёт. — произнёс Ингл. Глаза его блеснули озорным огоньком. — Целуй в губы. А иначе благодать не дойдёт.

Мысленно проклиная себя за свою ничтожность, Аделина с нескрываемым отвращением вновь приблизилась к лицу Юджина. Тот стоял с дурацкой улыбочкой, потирая щёку, куда его поцеловала девушка. Смущению его не было предела. Никогда прежде он не испытывал подобных чувств. словно что-то тёплое и милое, будто ангел, коснулось его сиротской щеки. Всё, что видел он в жизни, это насилие, грабежи, убийства и разврат его старших товарищей по команде. Всё то, к чему он так стремился. Ну овладел он теми двумя женщинами, да, получил удовольствие, да, приятно... однако словно чёрная пустота опустилась тогда на его душу. Ингл всегда твердил ему: «Бери от жизни всё, ибо все мы смертны! Бог не осудит». А может, в этой жизни есть другой путь кроме того, что показал ему Ингл? Сладкие губы Аделины на миг разбудили его от раздумий. В тот момент, когда их губы соприкоснулись, пираты засвистели в знак одобрения. А впрочем, в этом поцелуе не было страсти и не было похоти, которую так ожидала бандитская публика. Поцелуй был неровным, прерывистым, их губы едва касались друг друга. Юджин знал, что эти мгновения блаженства он не забудет никогда.

«Неужели это и есть та самая мифическая любовь, о которой все твердят и которую никто так и не познал на самом деле? — думал Юджин.»

На миг ему даже стало жаль тех несчастных женщин, которых он насмерть затрахал несколько часов назад. Кто они? Испытывали ли они то же, что чувствует он сейчас? Почему так нелепо погибли? Быть может, они были больны?

Юджин настолько увлёкся этим новым, незнакомым чувством, что не заметил, как уже сжимает Аделину в объятиях.

Инглу пришлось вмешаться:

— Юджин, хорош! Она сестра твоя по вере, а не возлюбленная. Обниматься это лишнее.

С видом, будто разнимает двух друзей после пьянки, Ингл с силой вырвал девушку из объятий новоиспеченного епископа. В тот момент она молотила своими маленькими кулачками по плечу Юджина в попытках освободиться от его медвежьей хватки. Больше она уже не могла терпеть. Тошнота подступила к горлу с новой силой. Девушка упала на колени и её обильно стошнило.

Пираты загоготали. Они вдоволь наслаждались этим цирком. Пленники же были иного мнения. Одни отвернулись, чтоб не видеть сей ужас, другие же с презрением смотрели на Ингла и его команду. Сам Ингл от произошедшего слегка растерялся. Затем в своей привычной издевательской манере он выдал не самую лучшую в своей жизни шутку:

— О, видите? Непорочное зачатие! А кто-то говорил, что она не Дева Мария! Ну как, убедились?! — вопросительно посмотрел на толпу пленников.

Хоть он и посчитал эту свою шутку довольно посредственной, у пиратов она вызвала настоящий фурор. Они смеялись и улюлюкали, свистели и хлопали в ладоши признавая ораторское мастерство своего капитана. Это окончательно деморализовало пленников. Ингл кивнул священнику, давая понять, что церемонию пора заканчивать.

Копли взял руку Юджина и поднял её вверх со словами:

— Отныне ты, Юджин — епископ Мэрилендский! Будь мудрым пастырем и веди свою паству с любовью в сердце и милосердием в душе!

— Почему так тихо?! Где аплодисменты?! — крикнул Ингл. — Приветствуем епископа Мэрилендского! Хлопаем! Хлопаем!

Пираты начали пальбу в воздух в качестве салюта, пушки вновь гроыхнули холостым залпом, пленники зааплодировали. Индейцы (а они не все разберлись по городу, часть их присутствовала на площади) что-то закричали на своём языке. Отстрелявшись из мушкетов, пираты принялись радостно подбрасывать в воздух свои шляпы. Со смехом они пытались ловить шляпы дулом мушкета.

— Желает ли примас сказать что-нибудь своей пастве? — поинтересовался Копли у новоиспеченного епископа.

— Конечно желает! — ответил за него Ингл. — Давай, Юджин, говори, не тушуйся. А ну заткнулись все! Примас говорит!

На площади быстро воцарилась тишина. Все взгляды были обращены к Юджину. Весь пунцовый от стеснения, он неловко улыбнулся. Он не любил быть в центре внимания и то, что он в одночасье стал епископом, ничего не меняло. Он не знал толком что говорить. Растерянно посмотрел на Ингла. Тот кивнул:

— Ну же, смелей.

Переведя взгляд на паству, Юджин сделал глубокий вдох и начал свою импровизационную речь:

— Эм... я... я Юджин... епископ Мэрилендский, приветствую вас, свою паству... Отныне вы под защитой Святого Микеля. — посмотрел на капитана, тот одобрительно кивнул. Юджин почувствовал себя уверенней. — А теперь скиньте с себя грех еретичества, как скидываете с себя одежду! И подойдите ко мне с обнажённой чистой душой, дабы я мог вас вернуть на путь истинный!

Юджин не имел в виду буквально раздеться, но Ингл всё переиначил:

— Вы слышали, что епископ сказал?! Раздеваемся, дамы и господа! Раздеваемся! Вы же хотите вернуться в лоно истинной церкви? Делайте то, что велит вам Его Святейшество!

Юджин посмотрел на Ингла с таким видом, как бы пытаясь сказать: «Капитан, я совсем не это имел в виду». Пленники же решили сперва, что ослышались. Однако, зная характер Ингла, быстро сообразили, что это не так. Они начали тревожно переглядываться. Раздеваться при чужих людях, при людях противоположного пола, это противоречило моральным принципам набожных католиков, коими являлись жители Сент-Мэриса. Однако выбора у них не было.

Вернее, был — подчиниться или умереть. Для большинства этот выбор оказался простым. Горожане начали медленно раздеваться, мужчины и женщины. Одежды полетели на землю.

— Вот так, хорошо. — одобрительно кивнул Ингл. — Не стесняемся, проходим к вашему примасу.

В скором времени к Юджину выстроилась очередь из голых людей, желающих поскорее пройти этот обряд крещения и одеться уже.

— Сим Знамением Божьим возвращаю тебя в лоно истинной церкви. Аминь. — Юджин перекрестил поцеловавшего ему перст мужчину. — Иди, сын мой, и неси гордо свет нашей истины по всему миру.

Новоиспеченный епископ начинал потихоньку вживаться в свою теперешнюю роль. Прошедшие обряд крещения спешили поскорее одеться. Теперь, когда они прошли этот обряд, это означало, что они приняли веру Святого Микеля и официально прекращали считаться еретиками, ибо отныне они были Инглу и его людям братьями по вере. Теперь эти люди были свободны. Одевшись, народ расходился по домам, те, у кого ещё оставались дома ввиду непрекращающегося пожара, полыхавшего по всему городу.

С самодовольной улыбкой Ингл подошёл к Клейборну.

— Ну как, здорово придумано, а?

— Ты просто псих, Ричард. Ладно, надеюсь, на этом твои сюрпризы закончились.

— Ещё нет. Я приготовил нашим гостям особые подарки. Вручу их в ратуше. Ты как, со мной? Составишь компанию?

— Нет, давай без меня, Ричард. Мне и моим людям ещё предстоит пройти маршем до самого поместья Калверта.

— Хочешь всё-таки взять его живьём?

— Именно.

— И индейцев с собой возьмёшь?

— Нет, оставляю их тебе. Они как раз обожают представления, так что у тебя, полагаю, не соскучатся.

— Да на кой они мне тут сдались, Уильям?! Я с ними даже говорить-то толком не могу.

— Давай-ка отойдём в сторонку, Ричард, мне нужно тебе кое о чём сообщить.

Клейборн кивнул в сторону ближайшей стены, куда и направился тотчас же. Заинтригованный Ингл последовал за ним.

— На самом деле, — Клейборн понизил голос до шёпота, — их вождь знает наш язык. Немного.

— Знает? — удивился Ингл и покосился на стоявшего неподалёку вождя.

— Да. Просто он притворяется, думает, что я об этом не знаю. Так что не переживай, говори как есть, он поймёт.

— Хорошо.

Ингл озадаченно почесал затылок.

— А мне пора в путь. Джек! — крикнул Клейборн одному из своих людей — тому, что нёс барабан.

— Сэр?

— Собирай ребят, строй их в колонну. Мы выдвигаемся!

— Есть!

На площади зазвучала барабанная дробь. Когда отряд Клейборна покинул город, Ингл подозвал вождя саскуеханнок:

— Ну-ка ты, красножопая обезьяна-переросток, подойди ко мне. Подними-ка свою тряпку. — кивнул на набедренную повязку.

С невозмутимым видом вождь повиновался. Увиденное поразило пирата.

— Ого! Вот это я понимаю, серьёзная трость. Уверен, сёстрам Брент ты понравишься...

Глава XIII. Поместье Калверт

Наступила ночь. И снова затишье. Луна то скрывалась за чёрными тучами, то вновь выглядывала из-за них, бросая лучи света на парусник «Николь». Матросы бросили якорь близ побережья Мэриленда. Паруса были убраны. Корабль вальяжно покачивался на тёмных волнах из стороны в сторону, то и дело поскрипывая. Покинув каюту, Мелье поднялся на шканцы. В руках его блестела подозрительная труба. Всматриваться в даль оказалось проблематично, ведь ночь выдалась довольно тёмная. Было видно лишь, как мерцают огни на высоком холме — именно там находилось поместье Калверт. Отдалённый шум прибоя словно предупреждал об опасности, таящейся на берегу.

— Шлюпку на воду! — скомандовал боцман Генри Блуд.

Легкой красивой походкой Айна подошла к де Мелье.

— Капитан, вы уверены, что хотите идти туда ночью?

— А что тебя так пугает в ночном визите, Айна, темноты боишься?

— Нет, капитан, я не об этом. — сказала Айна, всматриваясь в даль и пытаясь разглядеть хоть что-то в темноте своими красивыми голубыми глазами. — Там нас может поджидать засада.

— Хм, может тебе действительно не стоит идти со мной, Айна? Уж слишком ты подозрительной стала. Не дай бог ещё покалечишь всю прислугу в поместье.

Мелье рассмеялся.

— Я просто переживаю за вас, капитан!

Айна слегка повысила голос от возмущения.

— Возьмите её с собой, капитан. — шутиливо посоветовал услышавший их разговор Генри Блуд. — В темноте её точно не заметят, она же чёрная как сажа! Отличное средство против засады! Особенно если она пойдет голая!

Боцман расхохотался.

Резким кошачьим прыжком негритянка подскочила к Блуду и сильно ударила его в грудь.

— Тварь! — выругался боцман, упав на колени и держась за место удара. Боль от груди разошлась по всему телу. — Это же просто шутка была, мачту тебе в зад!

— Ещё раз так пошутите, мистер Блуд, скормлю ваши потроха акулам, вам ясно?! — стальным тоном произнесла Айна.

— Более чем.

— Сегодня драйте палубу вместо Маккрейли, приказ ясен?!

— Да.

От столь жёстких мер Мелье пришёл в некое замешательство.

«А впрочем, — подумал он, — плохая дисциплина лучше, чем её полное отсутствие, особенно на корабле.»

Замешательство капитана заметила Айна.

— Что?! Я ваш заместитель, капитан, меня должны уважать.

— Не-не, всё в порядке. Вы живы, мсье Блуд?

— Да, капитан.

— Оставайтесь сегодня на корабле, будете выполнять приказ квартирмейстера.

— Вас понял, капитан.

Спустя несколько минут на воду была спущена шлюпка. В ней уместились несколько матросов, а также Айна, Мелье, Маккрейли и Беккер. Покачиваясь на волнах, шлюпка направилась к берегу. Холодный ветер бил в лицо. То и дело давали о себе знать ледяные брызги.

— Айна, ты тоже заметила, что мы с тобой в последнее время очень часто находимся рядом? Возможно, это наша судьба. — игриво подмигнул Маккрейли, вытянув губы для поцелуя.

Негритянка вытолкнула его за борт, чем вызвала смех остальных.

— Охладись, Ромео ирландский!

Спустя некоторое время шлюпка стукнулась о каменистый берег.

— Кажется, я видел кого-то на берегу. — сказал де Мелье, первым выпрыгивая из шлюпки. — Эй вы, отзовитесь!

— Капитан, вы уверены, что это хорошая идея? — обратилась к нему Айна, вылезая следом из шлюпки.

— Да, я определённо кого-то видел.

— Вон там, в кустах! — крикнул один из матросов, самый зоркий, указав в заросли высокой травы.

Все тотчас же повернулись в ту сторону и увидели... ничего.

— Там ничего нет. — сказал Мелье, подходя поближе.

Слишком темно. Он подошёл вплотную и буквально упёрся грудью в дуло мушкета.

— Стоять на месте. — послышался угрожающий голос.

Спутники гасконца вскинули мушкеты и уже через пару секунд держали незнакомца под прицелом.

— Сударь, мы не враги. — обратился к нему де Мелье, отступая на несколько шагов назад. — Мы хотим встретиться с Леонардом Калвертом.

— Брось оружие! — велела незнакомцу Айна.

Незнакомец проигнорировал её требование.

— С какой целью вы пожаловали к губернатору? — спросил он.

— Хотим предложить свою помощь. — ответил Мелье. — Я его давний друг.

— Я вас знаю? Ваш голос кажется мне знакомым.

— Не знать меня вы просто не можете. Я Шарль де Мелье граф Арманьяк, барон де Коссад и синьор де Изорре, лорд-президент ОСПА и главнокомандующий её всеми морскими и сухопутными силами!

Произнёс он это с гордостью. От услышанного незнакомец, кажется, опешил. Мушкет его слегка опустился.

— Опустите оружие. — велел Мелье своим людям. — Будь здесь враги, они бы уже открыли по нам огонь.

— Но, капитан...

— Никаких «но», Айна. Выполняй.

С опаской его спутники опустили оружие. Они по-прежнему не доверяли таинственному незнакомцу в кустах. Мелье же, наконец, сумел его разглядеть. Это был пожилой морщинистый человек невысокого роста. Мелье узнал его.

— Сударь, ваше лицо мне знакомо, хоть я и видел вас очень давно, на свадьбе Калверта, но я узнал вас. Вы дворецкий Калверта. Запомнил только, как вас звать?

— Джеймс. — немного помедлив, представился незнакомец.

— Джеймс, да, точно! — хлопнул себя по лбу Мелье. — Джеймс, дружище, полагаю, вы тоже меня вспомнили?

Ответ ясно читался на его морщинистом лице.

— Да.

Джеймс опустил мушкет. Теперь он был уверен, кто перед ним.

— Признаться, сэр, я удивлён вашим визитом, да ещё и в столь поздний час.

Джеймс вышел из зарослей.

— Понимаю, — кивнул гасконец, — вас удивляет наше неожиданное появление. Поверьте, тому есть причины. Слышал, у вас проблемы с саскуеханнок. Вот мы, собственно, и пришли помочь вам.

Джеймс усмехнулся.

— Саскуеханнок, — сказал он, — меньшая из наших бед. Идёмте, я расскажу всё по дороге. — указал на тропинку, ведущую в сторону поместья.

Оставив матросов стеречь шлюпку, Айна, Мелье, Маккрейли и Беккер последовали за Джеймсом. Их путь пролегал по извилистой тропинке среди зарослей высокой травы. Идти пришлось в гору, взбираться на холм. Джеймс шёл впереди, держа в вытянутой руке фонарь. Вдалеке виднелись огни поместья. Стояла ночная прохлада. Промокший насквозь Маккрейли кутался в плотную, наглухо застегнутую моряцкую куртку.

— Мы увидели корабль, — сказал Джеймс, — и я вызвался сходить, проверить, свои это или чужие.

— Кого вы ожидали увидеть в роли чужих? — уточнил де Мелье.

— Людей Клейборна. — ответил дворецкий.

— Так значит, всё-таки Клейборн поддерживает саскуеханнок!

— Он самый. Вместе с индейцами он осаждал Сент-Мэрис.

— Осаждал? Вы говорите в прошедшем времени так, словно город уже взят.

— Боюсь, что так и есть. — кивнул дворецкий. — Как я уже сказал, саскуеханнок это меньшая из наших проблем.

Мелье задумался. Саскуеханнок хоть и не отличались умом, зато всегда славились как племя воинственное, агрессивное в бою и беспощадное к врагам. Если не краснокожие дьяволы являлись большей из бед, то хуже них могли быть только дьяволы бледнолицые, с мушкетами и пушками.

— Отступая к поместью мы услышали орудийную канонаду. — продолжил дворецкий. — Город был атакован с моря.

— Видать, серьёзная у Клейборна поддержка. — сказал де Мелье. — Ведь, насколько мне известно, с моря Сент-Мэрис защищён флотилией Корнуоллиса.

— Когда мы поднимемся на холм, вы поймёте, что нет больше никакой флотилии Корнуоллиса, ибо город наш в руках врага.

В голосе Джеймса отчётливо прозвучала горечь. Он понимал, что означает прекращение орудийной канонады и столб чёрного дыма над Сент-Мэрисом.

— Ещё эти чёртовы протестанты, — сердито воскликнул Джеймс, — восстали против нас и примкнули к лагерю Клейборна! Ещё с самого начала, когда эта колония только создавалась, я говорил губернатору, говорил ему, что Мэриленд должен быть землёй католиков, только одних лишь католиков! Я советовал ему не пускать сюда протестантов, я знал что они уже давно точат зубы на нашего брата! Как жаль, что он меня не послушал.

Теперь в голосе дворецкого слышалась нескрываемая злость. Он ненавидел протестантов.

— Что поделать? — пожал плечами Мелье. — Такова была изначальная политика Калвертов. Земля веротерпимости.

— И эта веротерпимость вышла боком всем нам!

— Такое трудно было предугадать. — вставил своё словечко Джордж Беккер. — Когда протестантские поселенцы только-только начали прибывать, их было мало. Они страдали от лишений. Они бежали, спасаясь от гонений в Европе и на первых порах вели себя тихо.

— Это да. — кивнул Джеймс. — Но когда их стало больше, они начали нагнеть. Требовали особых привилегий. Как будто самого права исповедовать здесь свою еретическую веру им мало!

Мелье посмотрел на Беккера. Он ожидал, что тот, как протестант, оскорбится. Однако ни один мускул на лице Беккера не дрогнул. Это было удивительно, учитывая, что Беккер не

просто протестант, но самый что ни на есть протестантский пастор, о чём, впрочем, окружающие частенько забывали из-за его довольно светского поведения.

— Полагаю, протестанты доставили вам не мало проблем? — уточнил Беккер.

— Ещё как! — гневно воскликнул Джеймс. — Пока мы — католики — обороняли Сент-Мэрис от саскуеханнок, эти мятежники-еретики захватили все остальные наши города и стратегические объекты, разграбили наши церкви!

— А почему католики и протестанты друг друга ненавидят? — спросила вдруг Айна. Она искренне не понимала. — Вы же ничем не отличаетесь, — сказала она, — верите в одних богов. У вас даже цвет кожи один.

Разумеется, она полагала, что белые покупали и продавали её соплеменников в рабство исключительно из-за цвета кожи.

— Разве у тебя в Африке племена не воюют друг с другом? — спросил Маккрейли. — Хотя вы вроде как верите в одних богов и кожа у вас одного цвета.

Будучи католиком, как и большинство ирландцев, Патрик Маккрейли никогда не испытывал ненависти к протестантам и представителям других религий. Он понимал, что религиозные и прочие различия есть лишь повод для войны, прикрытие для реальных её причин.

— Наше племя было уничтожено народом эфик, — произнесла Айна тяжёлые для неё слова, — потому что они хотели получить нашу землю и обменять наши души на безделушки португальцев.

Хотя могло показаться, что произнося эти слова Айна не испытывала никаких эмоций, на самом же деле это было не так. Она испытывала глубокую скорбь о гибели своего народа. Душа её болела за собратьев своих, проданных в рабство или убитых. Не было ни единого дня, когда она не вспоминала своих близких, павших от рук кровожадных недругов. Она вспоминала мать и отца, и братьев. Все они погибли вот уже много лет назад. За это время Айна научилась тщательно скрывать свою боль за маской эмоциональной бесчувственности. Но это не могло помешать горьким воспоминаниям вновь всколыхнуть её память.

— Вот ты и ответила на свой вопрос, Айна. — обратился к ней де Мелье. — Нам не нужны никакие различия, чтобы резать и убивать друг друга. Религия и всё остальное, это лишь прикрытие. Реальные причины войн это политика и экономика, жажда наживы. В Европе сейчас бушует война, вот уже много лет бушует и вся Европа в неё втянута. С одной стороны католики, с другой — протестанты. И религия здесь лишь прикрытие, клич народным массам, дабы обосновать жестокость и кровопролитие. В реальности же короли католические и короли протестантские бьются за власть и богатство.

Мелье вдруг замолчал. Он ведь и сам в своё время воевал с гугенотами под стенами Ла-Рошели, ещё будучи под знамёнами французского короля Людовика XIII. А спустя время оказывал им поддержку уже под знамёнами короля английского Карла Стюарта. То, как он переменял в своё время сторону, только подтверждало, что религия тут ни при чём.

— И как бы там ни было, у протестантов есть повод ненавидеть католиков. — заметил Джордж Беккер.

— Не меньше повод, чем у нас, ненавидеть протестантов! — резко ответил Джеймс и посмотрел на Беккера с таким видом, как бы спрашивая: «А ты сам-то какой веры?».

— Позволю себе заметить, — сказал Беккер, — протестанты никогда не устраивали ничего подобного Варфоломеевской ночи.

— Что ещё за ночь? — с любопытством поинтересовалась Айна.

— Варфоломеевская ночь. Католики тогда устроили резню во Франции, убили тридцать тысяч гугенотов. — объяснил ей Беккер настолько спокойно, насколько протестант мог обсуждать резню в канун дня святого Варфоломея. — То была самая жуткая религиозная бойня прошлого столетия.

Ещё увидите, — хмыкнул Джеймс, — протестанты подготовили нам ответную Судную ночь, здесь в Мэриленде... и эта ночь — сегодня.

Сказав это, он повернулся, свет фонаря мерцал на его морщинистом лице.

Сказанные им слова прозвучали настолько зловеще, что у Маккрейли аж холодок пробежал по спине... а, нет, это от холода.

Остаток пути Джеймс потратил на то, чтобы вкратце поведать обо всём, что произошло за последнее время — о том, как держали оборону Сент-Мэриса, как покинули город с кавалерийским отрядом, как отвлекали саскуеханнок и угодили в засаду, как вырвались из окружения с большими потерями и отступили к поместью. Наконец, он поведал своим спутникам, как при отступлении они с Калвертом потеряли всех своих людей, не столько убитыми и ранеными, сколько дезертирами. Другими словами, до поместья они с губернатором добрались лишь вдвоём.

Добравшись, наконец, до вершины холма, Мелье и его спутники увидели железную калитку посреди каменной ограды.

— Ну вот мы и на месте. — Джеймс открыл калитку. — Прошу вас.

Их взору предстал большой деревянный особняк, точнее его силуэт на фоне звёздного неба. Лишь однажды Мелье довелось здесь побывать — на свадьбе Леонарда Калверта. Уже тогда гасконец оценил всю красоту и убранство его роскошного дома. Стены были покрыты густыми зарослями плюща. Крыша выложена черепицей. Над крышей красовался бельведер. В окнах особняка мерцал свет. Выложенная камнем извилистая дорожка вела от калитки к чёрному ходу. Через заднюю дверь они прошли в длинный узкий коридор, стены которого были обиты тёмным бархатом. Вдоль стен висели портреты членов семьи Калверт в массивных позолоченных рамах. В особняке стояла мёртвая тишина, словно в склепе. Несмотря на то, что повсюду горели свечи, создавалось ощущение, что в поместье никого нет, настолько здесь было тихо. Свечной свет мерцал на золотых канделябрах и позолоченных рамах картин. Под тёмной ковровой дорожкой скрипели половицы.

Де Мелье задержал взгляд на портрете очень красивой женщины в роскошном тёмном платье с белым гофрированным воротником. Она была прекрасна и буквально приковала его взгляд к себе. Большие голубые глаза, пряди белокурых волос, едва заметная улыбка. Это была жена Калверта Энн, в девичестве Энн Брент. Баронесса Калверт.

Коридор закончился. Джеймс и его спутники вышли в большой просторный холл с двумя широкими лестницами, ведущими на второй этаж, и высокими окнами справа и слева от парадного входа.

Сверху раздался взволнованный мужской голос:

— Это ты, Джеймс?

— Сэр, к вам посетители. — доложил дворецкий.

— Посетители?

Послышались спешные шаги. По ступенькам вниз спустился высокий широкоплечий человек в бархатной жилетке поверх белоснежной рубашки с накрахмаленным воротником и кружевными манжетами. В руках он держал английский мушкет с фитильным замком. По моде тех лет он носил усы и длинные волосы. Каштановые и волнистые от природы, его волосы спадали на плечи и вкуче с небрежной озорной чёлкой обрамляли его красивое лицо. Гордая осанка, прямой греческий нос и тонкие черты лица выдавали в нём истинного аристократа. Для местных дам он виделся единственным и неповторимым Аполлоном любви, таким холодным, но таким желанным. Впрочем, холодность его легко объяснялась тем, что он беззаветно любил свою жену, баронессу Энн Калверт, и не обращал внимания на других женщин. Его добрые глаза, уставшие и красные от недосыпания, удивлённо расширились, когда он увидел, кто к нему пожаловал.

— Кого я вижу! — удивленно и в то же время радостно воскликнул хозяин поместья. — Да это же сам граф Арманьяк! Рад тебя видеть, Шарль! Благодарю, Джеймс, ступай.

Дворецкий молча удалился. Калверт по-дружески обнял де Мелье.

— Какими судьбами?

— Услышали, что тебе тут не помешает помощь, ну и примчались как можно скорей.

— Друзья мои, вы как никогда вовремя.

Жестом указав следовать за ним, барон Балтимор быстро взбежал обратно вверх по ступенькам. Все четверо поднялись следом на второй этаж и оказались в гостиной. Помещение было настолько большим, что потолок здесь поддерживался четырьмя деревянными колоннами.

— У меня здесь наблюдательный пункт, — указал Калверт на центральное окно, — своего рода смотровая площадка.

За стеклом виднелось прекрасное звёздное небо со всеми известными и неизвестными человеку созвездиями. Друзья подошли к большому окну полукруглой формы, расположенному по центру фасада, прямо над парадным входом. Напротив парадного входа, шагах в пятидесяти от него, находились главные ворота с кованной решеткой. От главных ворот до парадного входа вела небольшая аллея с живой изгородью по обеим сторонам и статуями, изображавшими античных героев и богинь. Благодаря тому, что поместье Калверт располагалось на высоком холме, днём отсюда открывался прекрасный вид на болотистую местность полуострова Делмарва, а ночью... обычно это были едва заметные огоньки Сент-Мэриса, но только не теперь. Первое что увидели Мелье и его спутники, это не ворота, звёзды и статуи, нет, первым делом они узрели зарево пожара. Пожар бушевал в Сент-Мэрисе столь ярко, что далеко освещал окрестности.

— Клейборн обещал мне отомстить и своё слово он сдержал. — мрачно произнёс Леонард Калверт. — Но он бы ни за что не посмел, если бы не государственный переворот в столице. У него теперь развязаны руки. Всё, что он делает, он делает с одобрения Сената. И говоря Сенат, я имею в виду группу узурпаторов. Заговорщиков, что взяли власть силой.

— Так я и думал. — сказал де Мелье. Языки пламени плясали у него в глазах.

Не отрываясь, все пятеро пристально смотрели на объятый огнём город.

— Но постойте, — сказал вдруг Маккрейли, — осада началась ещё до переворота в Сенате, верно?

— Верно. — кивнул Калверт. — Вот только подготовились заговорщики заранее, снабжали индейцев оружием и до последнего не заявляли о себе в открытую.

— Зачем им всё это? — спросила Айна. — Какой Сенату от этого интерес?

— Меня хотят сместить. — ответил Мелье. — Давно уже на меня зубы точат господа плантаторы.

— И Новую Англию удержать в составе ОСПА. — добавил Беккер. — Ради этого даже новую конституцию приняли.

— Не только ради этого. — покачал головой барон Балтимор.

— А ради чего ещё?

Мелье вопросительно уставился на Калверта. Тот задумался.

— Вы что, правда до сих пор ничего не знаете?

— Нет, Леонард, мы только из Нового Амстердама и сами ломаем голову над тем, что здесь, чёрт возьми, происходит! — горячо воскликнул гасконец. Затяжное неведение его раздражало. Он жаждал поскорее во всём разобраться и был уверен, что Калверт именно тот, кто даст ответы на все вопросы.

— Боюсь, — мрачно промолвил хозяин поместья, — новости вас не обрадуют. — развернувшись к окну спиной, он направился к ближайшему столику. — На днях мне пришло письмо голубиной почтой. Собственно, вот оно. — взял со стола листок бумаги. — Письмо от

одного моего хорошего знакомого из Джеймстауна. Он мне сразу доложил обо всём, как только заговорщики взяли власть. Уильям Беркли его зовут.

— Беркли? — переспросил гасконец. — Ха, так я его знаю! Это же мой советник по аграрным вопросам. Отличный мужик! Я с ним против англичан на одном корабле ходил!

— Вообще-то, капитан, мы тут все ходили с вами на одном корабле. — заметила Айна.

— Верно говоришь. — кивнул гасконец. — Ну так что там, в письме-то?

Мелье не терпелось узнать подробности.

— Вам лучше присесть. — Калверт кивнул на диван.

Гости, чуть помедлив, согласились и усевшись, куда он указывал, принялись слушать. Вчетвером на один диван.

Расхаживая перед ними по комнате, барон Балтимор прокашлялся и принялся зачитывать вслух:

— «Уважаемый господин Калверт! Спешу сообщить вам неприятную весть. В недобрый час пишу я вам из Джеймстауна, в Сенате чёрт те знает что творится. Эта жирная свинья Френсис Уайетт и группа делегатов выступили с проектом новой конституции. Мы ознакомились с текстом и многие из нас пришли к выводу, что новая конституция слишком радикальна, хотя многим она и пришлась по нраву. Автор конституции — некий Микель Ортелиус. На заседаниях Сената он не появлялся. Быть может, вы знаете, кто это? Лично я не знаю никого с таким именем, хотя я знаю каждого в Сенате. Вывод — он явно не член Сената. Хотя, возможно, Микель Ортелиус это не настоящее его имя, а псевдоним. В этом случае, им может быть кто угодно. Как бы там ни было, никто из сторонников новой конституции не заявил о себе, как о её авторе.»

— Подожди, Леонард, — прервал его де Мелье, — а ты сам-то знаешь этого Микеля, как там его, Ортелиуса?

Барон Балтимор отрицательно покачал головой.

— Я думал, — сказал он, — быть может, это ты его знаешь.

— В том-то и дело, что нет. Столько лет управлял Вирджинией. Может он и не из Вирджинии вовсе. Мсье Беккер, быть может вы знаете человека с таким именем?

— Нет, сэр, впервые о таком слышу. — ответил Беккер.

— Даа, загадка, однако. — протянул де Мелье. — Но да ладно, решим её позже. Продолжай, Леонард.

Барон Балтимор вернулся к чтению:

— Так вот, на чём я остановился... «После ознакомления с содержанием конституции, Уайетт сразу выставил вопрос о её принятии на голосование. Я пытался вразумить остальных, мол нельзя принимать такие решения пока лорд-президент Мелье не вернётся из Квебека. Но они всё равно решили голосовать. Сначала я думал, что разум возобладает и большинство проголосуют против... этого не произошло. Большинство проголосовало ЗА! Те, кто оказались в меньшинстве, начали роптать, мол это голосование не может иметь законную силу, ибо лорд-президент, единственный кто может наложить вето на решение Сената, на нём не присутствовал. Вот только, проголосовавшим ЗА на это было плевать. Уайетт тут же вынес на голосование другой вопрос — отправить Мелье в отставку и снова те же самые люди проголосовали ЗА. Это государственный переворот! Кто оказался в меньшинстве, пытались вразумить оппонентов, иные же бросались обвинениями, называли их мятежниками. Это и есть мятеж в чистом виде! Дело чуть не доходило до драки и тут... в зал заседаний ворвались гвардейцы во главе с комендантом Уильямом Грейвом. И знаете, чью сторону они приняли? Они встали на сторону мятежников. Остальных же скрутили и взяли под арест. Мне и ещё нескольким удалось ускользнуть под шумок. Укрывшись у моего хорошего товарища, я наблюдал, как гвардейцы вместе с городской стражей устраивают аресты по всему городу. Хватают всех недовольных после оглашения воли Сената.»

Пока Калверт читал, у Мелье судорожно сжимались от злости кулаки. Заметив это, барон Балтимор прервался и сказал:

— Шарль, там в буфете есть шотландский виски. Угощайся. Угощайся и крепись, ибо это ещё не всё. Все угощайтесь.

— Дальше ещё хуже?

Мелье извлёк из буфета сразу несколько бутылок.

— Хуже. — ответил Калверт. — Гораздо хуже. Я ведь ещё не дошёл до содержания конституции.

Гасконец раздал бутылки с виски своим товарищам и уселся уже в кресло — на диване вчетвером было тесно. Откупорив, сделал затяжной глоток.

— Эээх, забористое пойло! Жаль, у тебя вина нет.

— Вино есть в винном погребе. — ответил Калверт. Могу попросить Джеймса сходить.

— Не нужно. Виски сойдёт. Продолжай, будь любезен.

— Ну так вот... кхм... да, вот... «Я не запомнил всего дословно, что было в тексте конституции, могу лишь вкратце передать её содержание. Там что-то говорилось о неполноценности индейцев, мол они дикари и всё такое. И потому они не могут быть гражданами ОСПА и незаконно занимают свою землю, потому что земля эта, оказывается, совсем не их, она была территорией ОСПА (вся территория Нового Света!) ещё задолго до прибытия европейцев. Такой вот бред.»

— Действительно, бред.

Голубые глаза гасконца налились кровью от злости. Ведь не было в Вирджинии более ярого защитника прав индейцев, чем он.

— Что дальше?

Калверт продолжил чтение:

— «Если всё упростить, у колонистов появилось право отнимать у индейцев землю, потому что те её занимают якобы незаконно...»

— Негодяи. — сквозь зубы процедил де Мелье. Даже шотландский виски перестал ему приятно горячить горло. Руки у него затряслись. Гасконец был готов выйти из себя.

Поднявшись с кресла, Мелье принялся нервно прохаживаться из угла в угол. С самого первого дня знакомства с индейцами он очень трепетно к ним относился и дорожил этой дружбой даже больше, чем репутацией среди колонистов. В отличие от большинства колонистов он никогда не называл индейцев дикарями и не считал их таковыми вовсе. Он понимал их. Возможно, это отчасти связано и с тем, что во Франции его, как гасконца из глухой горной провинции, порой и самого считали за дикаря, но часто боялись сказать ему это в лицо. Де Мелье не раз говорили, мол, ты слишком заиклился на своих индейцах, слишком к ним привязался... пожалуй, это было правдой. А сейчас, выражаясь простым языком, Сенат отказал индейцам в праве считаться даже людьми! Это приводило гасконца в ярость. Впрочем, пока что он свою ярость сдерживал и уже начал придумывать, куда бы её выплеснуть.

Послышались торопливые шаги. Из-за двери вышел Джеймс. В руках он держал подозрную трубу.

— Джеймс, дружище, у тебя взволнованный вид. — заметил Калверт. — Что-то случилось?

— Сэр, я поднимался на бельведер. Оттуда открывается отличный вид и... вам лучше взглянуть самому.

Протянув Калверту подозрную трубу, Джеймс указал в сторону окна.

— Это ведь то, о чём я думаю? — произнёс барон Балтимор, подходя к окну.

— Да, сэр.

Приложившись к подозрной трубе, Калверт принялся вглядываться в ночную темноту.

— Что там? — спросил Мелье, становясь рядом. Его товарищи последовали его примеру.

— Огни. — ответил Калверт.

— Где?

— Вон там, внизу на болоте.

Действительно, скопление огоньков. Они были далеко и на таком расстоянии было трудно определить, что они движутся, но они действительно приближались к поместью. Медленно, но приближались.

— Идут за мной. — промолвил Калверт.

— Сколько? — спросила Айна.

— Трудно сказать. Человек пятьдесят, не меньше. Они сейчас далеко, так что времени у нас предостаточно.

Калверт опустил подзорную трубу.

— Может тогда просто покинем поместье, раз они далеко? — предложил Маккрейли. — Чего зря погибать? Защищать нам здесь всё равно некого, ни детей, ни женщин, здесь все мужики.

Айна посмотрела на ирландца с таким видом, словно собирается выбросить его из окна.

— То есть, я имею в виду, мы тут все бойцы, беззащитных здесь нет. — спешно поправился Маккрейли.

— Может нам и вправду уйти сейчас? — согласился Беккер. — Эта битва всё равно проиграна, но не проиграна ещё война.

Барон Балтимор, похоже, не разделял их идею.

— Это поместье семьи Калверт. — с гордостью произнёс он. — Символ того, что все проживающие в этих землях люди, несмотря на своё вероисповедание, могут жить в свободе, терпимости и безопасности.

Джеймс закатил глаза, но хозяин этого не заметил, он продолжал:

— Покинув поместье без боя, я навсегда замараю идеалы моего отца! Всё то, за что он боролся! Вы можете идти, господа, — благожелательно взглянул на гостей, — но я остаюсь. Я не из тех людей, кто раньше времени бежит с поля боя. Встречу мятежников как подобает настоящему джентльмену!

— Нет, — поправил его де Мелье, нервно подкручивая усы, — МЫ встретим мятежников как подобает!

— Ты со мной?

— Естественно! Да я с места не сдвинусь пока не отправлю в могилу хотя бы половину того сброда, что сейчас прёт на нас! — махнул в сторону огоньков на болоте. — Иначе не быть мне гасконцем! — Мелье выставил вперёд перевёрнутую вниз ладонь. — А что вы, мои верные спутники? — посмотрел на них вопросительно. — Макарелли?

Ирландец терпеть не мог, когда коверкают его фамилию, тем более на итальянский лад.

— Я не Макарелли, капитан, я Маккрейли. Я ирландец, а не итальянец. И я докажу всем здесь присутствующим, что мы, ирландцы, ничуть не хуже гасконцев. — положил свою ладонь поверх ладони капитана.

Мелье одобрительно кивнул.

— Мсье Беккер?

— Ну, я конечно не из славного рода гасконцев и не отчаянный ирландец, но я вырос в Антверпене, а там каждый день как на войне. Конечно же, я с вами.

Беккер положил свою ладонь поверх этой импровизированной пирамиды единства.

— Я не могу вас неволить. — сказал Калверт. — Раз вы так решили, то так тому и быть. — положил сверху ладонь.

— Куда вы, сэр, туда и я. — присоединился к пирамиде Джеймс.

Оставалась только Айна. Все вопросительно посмотрели на неё.

— Хватит уже хернёй страдать, лучше бы план нормальный придумали. — недовольно проворчала она. — Скоро они уже будут здесь.

Негритянка метнула взгляд на болото.

— А ведь действительно. — рассмеялся Калверт. — Мы ещё даже не готовы.

— Каков будет наш план? — спросил у него де Мелье.

— Для начала предлагаю перетаскать сюда все наши мушкеты. Мне понадобится помощь в оружейной. Джеймс?

— Да, сэр?

— Пойдёшь со мной.

— Я тоже вам помогу. — вызвался Мелье. А вы, — посмотрел на Айну, Маккрейли и Беккера, — оставайтесь здесь и наблюдайте. — кивнул на окно.

Мелье, Калверт и Джеймс направились в оружейную. Оружейная размещалась в подвале и представляла из себя достаточно просторное помещение. Чего здесь только не было: мушкеты, пистолеты, сабли, пики, кирасы, бочонки с порохом. Увидев всё это богатство, Мелье присвистнул.

— Если бы враги знали, какой арсенал у тебя здесь хранится, они бы захватили поместье в первую очередь.

Гасконец взял в руки богато украшенную кирасу.

— Хорошо, что враг об этом не знал. — усмехнулся барон Балтимор. — Можешь её, кстати, надеть.

— Пожалуй не стану. Кираса стесняет движения в ближнем бою. Да и от мушкетного выстрела едва ли защитит. Только от пистолетного. Думается мне, враг взял с собой именно мушкеты.

Мелье положил кирасу на место.

— Нам понадобятся только мушкеты, порох и пули. — бери в охапку, да потащи.

Взяв мушкеты в охапку, все трое направились обратно в гостиную.

— Слушай, я тебя ещё вот чего хотел спросить, — обратился к Калверту Мелье, — что с твоими родными? Они в городе?

Гасконец вспомнил портрет прекрасной баронессы Энн Калверт, который видел в коридоре по пути в холл. В девичестве Энн Брент. Мелье присутствовал на их свадьбе, здесь, в этом же самом поместье, несколько лет тому назад. Ох и давно же это было, как будто целая вечность минула. Ещё тогда он обратил внимание на красоту невесты. Как же прекрасна она была в том подвенечном платье. А её аристократичная элегантность вызывала вздохи восхищения у гостей. Многие мужчины её желали, многие женщины ей завидовали. Баронесса Калверт по праву слыла первой красавицей Мэриленда. В тот солнечный день её обворожительная улыбка заставляла её жениха буквально светиться от счастья. Теперь же Леонард Калверт был мрачен, несмотря на не слишком успешные попытки это скрыть.

— Мои жена и сын остались в городе. — опустошённо промолвил он.

Сердце барона Балтимора сжималось при мысли, что с ними могло приключиться несчастье. Он не знал, живы они или нет. Если живы, то наверняка в плену. И ведь не скажешь, что хуже. Оставалось лишь надеяться, что у Клейборна хватит благородства не причинить вреда женщине и ребёнку, как бы сильна не была его ненависть к Калверту. В конце концов, он может потребовать выкуп.

— Друг, я буду вместе с тобой молиться об их спасении. — утешительно обратился к Калверту Мелье. — И я сделаю всё возможное, чтобы вы вновь воссоединились.

— Спасибо, Шарль. Ты настоящий друг.

Леонард Калверт прослезился. В его сердце затрепетал луч надежды, зажёгся с новой силой подобно спасительному маяку в бушующем океане отчаяния.

Он ещё не знал, какой кошмар суждено пережить его жене и её сёстрам...

Глава XIV. Слёзы и кровь

Пожар продолжал полыхать в Сент-Мэрисе. Оранжевые языки пламени вздымались огненными всполохами к чёрному ночному небу и обретали при этом некий мистический вид. Оставшиеся в живых горожане пытались тушить этот пожар всеми доступными средствами: таскали воду и вёдра с песком, но это не сильно им помогало. Многие из них до сих пор не отошли от той кровавой вакханалии, что произошла минувшим днём. Всё это казалось настолько невероятным и пугающим одновременно, что трудились измождённые горожане в полном безмолвии. За их слабыми потугами наблюдал из окна ратуши виновник сего торжества.

Ричард Ингл на время занял кабинет Леонарда Калверта. Кабинет его представлял собой просторное помещение с высокими окнами. Центр комнаты устилал огромный персидский ковёр с причудливыми цветами и лилиями. Вдоль обитых красным бархатом стен были расставлены стулья с мягкими спинками и сиденьями. В углу кабинета в кожаных креслах расположились трое вождей саскуеханнок и терпеливо ждали, пока Ингл налюбуется видами города. Чёрные тучи полностью заволокли луну и только бушевавшее пламя служило источником света. Море огня.

Время от времени головорезы Ингла подводили под окна небольшие группки местных жителей, отказавшихся принять новую веру, и все они падали замертво с перерезанным горлом.

Наконец, Ингл повернулся к своим краснокожим союзникам.

— Ну что, господа краснозадые, приступим к делу. Вы, верно, хотите получить свою награду за участие в разгроме Калверта, я прав?

Те молча сидели и просто таращились на его тёмный силуэт на фоне зарева пожара.

— Ну хоть кивните, что ли, идиоты. Я же знаю, что вы меня понимаете.

Все трое разом кивнули.

— Отлично! Тогда прошу!

Ингл хлопнул три раза в ладоши и как по заказу распахнулись створки дверей и в кабинет ввели связанных сестёр Брент с кляпами во рту. Их щёки были влажные от слёз. Глаза индейцев загорелись алчными похотливыми огоньками при виде пленниц.

— Эй вы, зажечь канделябры! — приказал Ингл своим людям. — А то здесь слишком темно, а мне хотелось бы получше рассмотреть наших прелестных барышень.

Пират обратил внимание, как жадно его индейские союзнички пожирают девушек взглядом. О, да, он определённо угадал с их желаниями и знал, что предложить им. Девушек поставили на колени.

— Красивые, да? Полагаю, увиденное вам по душе, я прав?

И вновь индейцы кивнули в знак согласия. Пират усмехнулся.

— Вот что я вам предлагаю, господа, вы забираете сих прелестных созданий к себе в берлоги и пользуете их как вашей душе угодно. Их дальнейшая судьба меня не волнует, можете хоть затрахать их до смерти. Но хочу дать вам один маленький совет — их можно выгодно продать господину Калверту, если конечно тот не угодит каким-то чудом к нам в плен ещё до рассвета. — пират бросил взгляд в ночное небо. — Так что думайте сами, решайте. Как вам моё предложение?

— Мало! — крикнул один из индейцев.

— Вы правы, господа! — усмехнулся Ингл. — Для таких могучих воинов, как вы, трёх полудохлых белых сучек и впрямь будет маловато. Не волнуйтесь, это ещё не всё. У меня ещё много подарков.

Ингл вновь хлопнул в ладоши три раза. Спустя несколько секунд его верные сподручные, Богдан и Билл, ввели в кабинет Джайлса, связанного и с кляпом во рту. При виде сестёр он что-то гневно замычал в адрес Ингла. Пират на это лишь расхохотался.

— А как вам эта сучка? — указал на пленника. — Она-то уж пожирнее будет, верно?

Головорезы Ингла тем временем зажгли канделябры. Комната осветилась тусклым мрачным светом. На стенах мерцали тени участников этой сцены.

— Мало! — повторил индеец.

— Мало?! Даа, аппетиты у вас, скажу я, нехилые, господа! И вы ещё смеее называть нас «васичу»?!

Словом «васичу» индейцы презрительно называли жадных бледнолицых.

— Мы хотим дочь Китамакунд. — заявил вождь.

Услышав это, Джайлс задёргался, головорезам пришлось швырнуть его на пол. Лицо пленника покраснело. Если бы не кляп, пираты услышали бы от него поток отборнейших проклятий и угроз. Его бессильная злоба вызвала у них только смех.

Ингл же не обратил на Джайлса внимание, настолько он был поражён наглостью краснокожих.

— А вы не охренели, господа?! — воскликнул он. — Я вам целого вождя предлагаю, да ещё и белого к тому же! Берите, пока не передумал, а не то получите его по кускам!

Последние слова пират буквально прорычал. Вытащив саблю из-за пояса, он подошёл к пленнику и схватив его за волосы, приложил клинок к его горлу. В глазах Ингла отражалось явное намерение осуществить сказанное. Сёстры Брент в ужасе замычали с кляпами во рту, а вожди замахали руками и закричали что-то на своём языке выражая, по всей видимости, готовность к сделке.

— Ну вот и славно.

Улыбнувшись, Ингл убрал саблю и швырнул Джайлса лицом в пол.

— Ставьте свои закорючки и валите отсюда. И чтоб я вас в городе больше не видел, понятно?

Пират указал на письменный стол, где лежали заранее подготовленные документы. Инглу хотелось, чтобы всё было официально. Двое вождей по очереди подошли к столу и расписались.

— Ну а тебе чего, особое приглашение надо? — обратился Ингл к третьему, продолжавшему сидеть в кресле скрестив руки на груди. Это был тот самый верзила, сопровождавший Клейборна по прибытии в город.

— Иди расписывайся! — потребовал Ингл.

— Нет. Я хочу её тут. Она — жена верховного белого вождя, а я — вероанс⁴⁹ саску-еханнок. Таков обычай.

Верзила поочерёдно указал сначала на баронессу Энн Калверт, затем на ковёр, после чего ударил себя кулаком в грудь. Голубые глаза баронессы расширились от ужаса.

— Что-то ты сегодня очень разговорчив, дружок, — заметил Ингл, — ты не заболел ли?

— Я хочу её! Здесь! Сейчас!

— Господи, какой вы сложный народ. — скрестив руки на груди, Ингл закатил глаза. — Я понятия не имею о чём ты. Какой ещё обычай? Кто тут жена верховного вождя? Объясни. А хотя постой... да, кажется, я догадываюсь, о чём ты.

Ингл медленно перевёл взгляд на белокурую красавицу Энн Калверт.

Пирата осенило:

«Калверт же и есть „верховный вождь“ для местных колонистов, а его супруга, эта самая блондинка на которую указал Верзила — жена верховного вождя. И он хочет публично её изнасиловать, показав тем самым свою силу и унижить нас — европейцев. Ну что же, раз хочет,

⁴⁹ Вероанс - верховный вождь у индейцев

пускай трахает, я не страдаю приступами расовой гордости или какой-то там расовой солидарностью как некоторые. — Ингл вспомнил Клейборна и его „нянечку“ Ричарда Беннетта. — Для меня это выгодный обмен. Три дырки для члена и ненужный уже Джайлс — лучшая сделка в мире.»

С видом мудреца, познавшего смысл жизни, пират подошёл к баронессе и приподнял её заплаканное личико за подбородок, чтобы получше её рассмотреть. Примерно так он ранее разглядывал Аделину. Джайлс снова что-то замычал, лёжа на полу, но стоявший поблизости Богдан успокоил его пинком в живот.

— Так значит, вы и есть та самая баронесса Энн Калверт, чьей красотой восторгаются по всему Мэриленду и за его пределами? — произнёс Ингл, глядя испуганной женщине прямо в глаза. — Что ж, слухи о вашей красоте не преувеличены, вы само очарование. Жаль, что мы с вами познакомились в столь неприятное для вас время.

Резким движением он вытащил кляп из её рта и впился ей в губы жадным поцелуем. Её глаза ещё больше расширились от ужаса, а её брата пришлось утихомиривать уже двум разбойникам сразу.

Энн была Инглу абсолютно безразлична, как и большинство женщин, которых он когда-либо трахал или имел возможность трахнуть, но этому краснозадому верзиле надо было показать, что последнее слово всегда за ним — за Инглом.

— Ты хочешь оскорбить меня, васичу?! — гневно вскричал Верзила. — Почему не обращать внимание на слова?! — вскочил с кресла. — Почему ты трогать мою женщина?! — угрожающе направился в сторону Ингла. — Ты против обычая?!

Лицо вождя сквозило агрессией.

— Нет, что ты, дружище. — улыбнулся пират. — Прости, не совладал с собой. Я ведь такую красотку тебе отдаю, сам бы с радостью взял её в жены, но увы, — пожал плечами, — иначе наш с вами союз не закрепить. Ничего более ценного у нас нет.

Пират тяжело вздохнул, прижав руку к сердцу. Он сыграл на тщеславии вождя и сыграл, как всегда, великолепно. Краснокожий повёлся.

— Я уметь видеть ценность. — сказал он. — Она стоит сотню мушкетов. Мы купить у вас вчера с десятков их и томагавки⁵⁰ вы нам все отдать. У вас больше ничего нет. Вы вынуждены отдать её.

Довольный индеец смеялся, наивно полагая, что обманул этого бледнолицего. Он и подумать не мог, что столь мощное для него оружие, как мушкет, европейцы производят десятками тысяч в год.

— Да, ты прав, — кивнул Ингл, — зря я тебе её предложил. Может лучше возьмишь вместо неё сотню томагавков? Они из железа, между прочим.

— Нет! Меня не провести, васичу. Я за неё больше выручить — две сотни мушкетов и тысячу томагавков!

Индеец продолжал смеяться.

— Ну что ж, дело твоё. — согласился пират. — Приступай тогда, — махнул рукой в сторону высокородной пленницы, — желание союзника для нас — закон.

Пират наиграно тяжело вздохнул.

Двум другим вождям тоже хотелось поскорее объездить белых женщин.

— Мы тоже хотим любить своих женщин! — сказал один из них.

Взглянув на белокожих соблазнительных самок, он облизнулся.

— Я бы вам с радостью помог, ребята, — насмешливо обратился к нему Ингл, — но вы уже поставили свои подписи. Так что сидите смирно и наслаждайтесь зрелищем!

— Как ты смеешь, васичу, так говорить с нами?!

⁵⁰ Томагавк - боевой топор индейцев Северной Америки

Схватившись за томагавки, двое вождей угрожающе двинулись на Ингла. Богдан и Билл, выхватив сабли, встали между ними и капитаном. Их враждебные взгляды говорили о готовности отправить этих краснорожих дикарей на тот свет.

— Эй, Верзила, притормози-ка своих парней, — обратился пират к вероансу, — иначе я отменю сделку!

Он знал, что вероанс не откажется. Он уже давно заметил, каким похотливым взглядом индеец смотрит на свою будущую жертву.

«О, да, он уже ни на что её не променяет.» — думал Ингл с улыбкой на лице. Своей улыбкой он ещё больше бесил этих дикарей, готовых броситься на него и порубать его на куски.

— Сели на место, живо! — прикрикнул на вождей Верзила. — В следующий раз смотрите, что подписываете, неудачники!

Сердито ворча в адрес «проклятого васичу», вожди уселись обратно в кресла. Они сейчас напоминали обиженных побитых детей.

— Ну вот и славненько. — улыбнулся Ингл. — Не расстраивайтесь, господа, в своём лагере вы отымеете их как вашей душе угодно. Но сейчас я буду вынужден их отсюда увести.

Пират хлопнул три раза в ладоши. В кабинет вошёл один из его офицеров в сопровождении двух мордovorотов.

— Чего изволите, капитан?

— Бери этих, — кивнул в сторону пленниц, — и топай к дикарям в лагерь. Скажешь, это трофеи для вождей. И пойла захвати. Они союзники, как-никак, пусть тоже отметят наш триумф.

— Понял, капитан. Джек, Боб, тащите их к дикарям. Я за выпивкой.

— Есть!

Мордovorоты вывели сестёр и Джайлса за дверь. И только Энн продолжала стоять на коленях посреди кабинета. Такая нежная, хрупкая и беззащитная. Красивое голубое платье с белыми кружевами подчёркивало её стройную фигурку и пышные прелести. Светлые волосы её были заплетены в две длинные косы, спадающие до талии. Воистину, она была самой желанной женщиной Мэриленда. Вероанс саскуеханнок жадно пожирал её взглядом. Ему уже доводилось видеть её однажды на церемонии, где колонисты с индейцами торжественно обменивались подарками. Вопреки расхожему мнению, враждовали они не всегда, бывали и мирные времена. То было несколько лет назад. Уже тогда он обратил внимание на эту прекрасную светловолосую женщину — жену верховного белого вождя. Тогда он и подумать не мог, что когда-нибудь сможет ею обладать. Сама фантазия об этом ужасно его возбуждала. И вот она стоит перед ним на коленях, связанная и покорная. Предвкушая всё то, что он с нею сделает, вероанс почувствовал сильнейший прилив возбуждения. Красные заплаканные глаза Энн Калверт испуганно смотрели то на Верзилу, то на Ингла, то на его головорезов. Во взгляде её отчётливо читалась мольба.

Подойдя к пленнице, Ингл перерезал верёвку что стягивала её белоснежные запястья. Энн умоляюще посмотрела ему прямо в глаза в надежде, что он передумает. Ведь джентльмен не может просто так взять и отдать благородную белую женщину на поругание какому-то дикарю. Но его взгляд, мёртвый и безэмоциональный как у акулы, говорил сам за себя — там не осталось души, лишь холодный расчёт. Поднявшись на трясущихся от страха ногах, женщина прижалась к его груди в отчаянной попытке разбудить в нём первобытные инстинкты защитника и тихо прошептала:

— П-прошу... не надо... я отдам всё, что у меня есть.

— Боюсь, леди, у вас нет ничего, что мне нужно. — холодно ответил Ингл. — Ступайте к своему суженому.

Из глаз Энн Калверт брызнули слёзы. Лицо пирата скривилось в усмешке, он подтолкнул её к Верзиле, прямо ему в руки. Она вырвалась с криком:

— Предупреждаю, только посмей ко мне прикоснуться, животное! Мало тебе не покажется!

Бросив на него гневный взгляд и пригрозив указательным пальцем, она отвесила дикарю звонкую пощёчину. Пираты заржали. Медленно проведя ладонью по щеке, Верзила тоже громко засмеялся и ответил баронессе пощёчиной такой силы, что сбил её с ног.

— Ты забавна, васичу, ты меня возбуждать. Люблю вспылчивых, они хорошо трахаться.

Баронесса закричала, когда дикарь схватил её за волосы. Громадной неумолимой скалой он возвышался над ней и сил сопротивляться у неё попросту не было. С жадным предвкушением, как дьявольские черти, пираты наблюдали разворачивающуюся на их глазах трагическую сцену. Жизнь, воля к жизни, сама судьба баронессы ломалась на их глазах и то было лишь самое начало её мучений. Гордая аристократка была унижена и опорочена, а честь её растоптана самым варварским образом. Для дамы столь благородных кровей сия участь была ужаснее самой смерти.

Пираты вдоволь потешались, свистели и улюлюкали, затем начали горланить песню:

В девушку влюбился я
красоты невиданной,
дочкой фермера была
воооот с такими сиськами!

Ей цветы с полей носил,
признавался ей в любви!
А она, такая тварь,
католичкой стала, блядь!

Чистейшая агония и абсолютное отчаяние царили в тот момент в белокурой голове баронессы Энн Калверт. Верзила же испытывал совершенно иные чувства.

Вождь никогда не понимал, почему это белые женщины так старательно берегут свою девственность до брака. Ему это казалось нелепым. Разве женщина не должна набираться опыта прежде чем удовлетворить своего будущего мужа? В племени саскуеханнок был обычай — прежде, чем выйти замуж, девушки набирались любовного опыта. Для этого каждой из них предстояло переспать едва ли не с половиной мужского населения племени. Считалось, чем больше партнёров — тем лучше. А несколько партнёров за раз — вообще идеально. Молодые девушки племени поговаривали: «Хорошо иметь двух мужиков, а лучше трёх, но самый смак — пять... и за раз». Когда удивлённые колонисты спрашивали: «А как это пять за раз?», индианки с самым невозмутимым видом им отвечали: «А два члена в руках». Что и говорить, белым женщинам было далеко до индианок по части любовных утех. Вероанс же слыл не просто лучшим воином племени, но и превосходным любовником. Он мог заниматься этим по четыре часа кряду, а то и больше. Каждая девушка в племени знала, что ёбарь он прирождённый. Настоящий мужчина, — говорили они ему, — должен сливать своё семя где он хочет, когда хочет и в кого хочет.

Когда Верзила закончил, он выпрямился в полный рост, а по лицу его расплылась довольная улыбка.

— Хороша. — сказал он. — Трахать тебя всегда.

— Нет ничего слаще, чем спустить в жену своего врага, верно? — усмехнулся Ингл.

— Верно. — всё с той же довольной улыбкой ответил вероанс. Посмотрел на опороченную жертву, рыдающую у его ног. — У тебя широкий бёдра, васичу, ты родить мне много детей.

Двое других вождей нервно теребили подлокотники кресел. Они продолжали бросать на баронессу вожделенные взгляды, только теперь к вожделению примешалось чувство бессилия.

Как бы не было сильно их желание, они не могли сейчас удовлетворить свою похоть. Что касается Ингла, его взгляд был холоден и задумчив. Он словно пытался оценивать некую дорогую картину ища в ней смысл, заложенный художником, но отчаянно его не находил.

Эта сценка могла затянуться, если бы не отворилась дверь. Только один человек из команды Ингла мог зайти так бесцеремонно. Это был Микелетто.

— Оу, я не вовремя? — усмехнулся он при виде обнажённой баронессы. — Мне выйти?

Микелетто до сих пор не привык к некоторым художествам своего капитана.

— Зачем? — удивился капитан. — Мы уже закончили, так что проходи. — перевёл взгляд на индейцев. — А вас, господа, прошу на выход. И её не забудьте. — кивнул на пленницу.

Двое вождей склонились было над телом Энн Калверт, как Верзила тут же съездил им ногой по лицам. Затем он схватил баронессу за волосы и потащил её из комнаты. Ругаясь на своём языке, вожди поплелись следом.

— Эй, уроды краснозадые. — окрикнул их Ингл. — Документы не забыли?

С недовольным видом индейцы протопали к письменному столу, забрали бумаги и убралась восвояси. Когда дверь за ними захлопнулась, капитан посмотрел на Микелетто.

— Ну что, нашёл их?

— Да.

— Отлично! — Ингл радостно хлопнул в ладоши. — Пора завершить моё представление. Кстати, а где они прятались?

— В винном погребе, кэп. Не так уж и трудно их было найти.

Микелетто ухмыльнулся.

— Ну никакой фантазии. — кэп хлопнул себя ладонью по лбу. — Ладно, идём, дружище, а то ещё без нас начнут. — усмехнулся. — Ты только посмотри, какая луна сегодня яркая.

Действительно, за то время, пока Верзила насиловал баронессу, заслонявшие луну чёрные тучи постепенно рассеялись, заливая лунным светом городскую площадь. Площадь эта была переполнена головорезами Ингла. Недовольные тем, что их оторвали от важных дел, коими вне всяких сомнений для них являлись насилие, пьянство и грабёжи, они шумно высказывали своё недовольство.

— Да что... ик, опять случилось-то, Билл? почему нас... ик, посреди ночи на эту чёртову площадь согнали?! Разве мы... ик, не заслужили отдых? — раздражённо вопрошал у своего командира напившийся до поросычьего визга пират.

— Вот именно, даже не дали позабавиться с этой малышкой, уроды! — вторил ему другой головорез, надевая на ходу штаны.

Позади него плакала раздетая молоденькая колонистка. Стоило только пирату отдалиться от неё на приличное расстояние, как она, утерев слёзы и сопли, подобрала своё разорванное платье и, прикрывшись им, спешно шмыгнула за угол ближайшего дома.

— Сам дьявол не знает, что в голове у капитана! — рявкнул на них Билл. — Что вы от меня-то хотите?! Стойте смирно и заткнитесь!

Никто даже и не думал исполнять этот идиотский приказ. Пираты продолжали роптать и ситуация, казалось, сейчас выйдет из-под контроля. То тут, то там раздавались гневные пьяные выкрики, затем послышался звук бьющегося стекла — в стену ратуши полетели бутылки. Но стоило только Инглу появиться на пороге, как все разом утихло.

Звучный бас капитана раздался над площадью:

— Други мои, смотрю, чего это вы так разволновались?

Голос его звучал ласково, словно заботливый отец встречает нерадивого сына у порога дома.

Повисла недолгая пауза.

— Капитан, ну сколько можно нас дёргать?! Дайте нам отдохнуть! — выкрикнул кто-то из пиратов.

— Мы герои... ик, чёрт побери, или кто?! Мы требуем... — подвыпивший пират запнулся на миг, пытаясь вспомнить слово, — уважения!

— Понимаю ваше недовольство, братцы. Я всех вас оторвал от важных дел. Прошу прощения. Дайте мне минутку вашего драгоценного времени и вы поймёте, что сделал я это не зря. Ну как, согласны?

Ингл продолжал играть в демократию зная, что от него хотят услышать бойцы и как они ему ответят.

— Да, капитан! Говорите!

— Отлично! Тогда слушайте, все ли из вас знают в лицо семью Корнуоллисов?

Лишь немногие ответили ДА, остальные в недоумении смотрели друг на друга и пожимали плечами.

— Ах да, я же забыл, что большинство из вас неместные. — капитан театрально хлопнул себя ладонью по лбу. — Впрочем, это неважно. Вы наверняка слышали, что я обещал с ними сделать, верно?!

— Да!!!

— Вот этим мы сейчас с вами и займёмся! Привести обвиняемых!

Один из людей Ингла притащил откуда-то барабан и начал выбивать барабанную дробь. Такую медленную ритмичную, под такую дробь осуждённых обычно ведут на эшафот. Под громкие аплодисменты и улюлюканье к центру площади Микелетто и его люди вывели двух женщин в белых платьях. Лица этих женщин было невозможно разглядеть из-за холщовых мешков, надетых им на головы. Руки женщин были связаны на запястьях верёвками.

— Где вы их нашли, капитан?

— В их же винном погребе, там потайная дверь была. Так что, в погреб, господа, не только за вином надо лазить.

Пираты заржали как гиены. Барабанная дробь усилилась.

— А теперь, момент истины!

Ловким движением пальцев Ингл сорвал мешки и команда смогла лицезреть двух прелестных блондинок, похожих друг на друга как две капли воды и только лёгкие морщинки одной из них отличали её от другой. Барабанная дробь смолкла.

— Знакомьтесь, миссис Шарлотта Корнуоллис и её прелестная дочь Амелия!

Капитан поочерёдно указал на них ладонью. Кто-то из пиратов присвистнул. Мать и дочь были настоящими красавицами.

— Кстати, а где наш виновник торжества? Где Томас, Микелетто?

Ингл оглянулся в поисках Корнуоллиса.

— А здесь он.

Микелетто подал знак своим людям и те вынесли раненого адмирала. Челюсть этого бедолаги была раздроблена и обмотана кровавой тряпкой.

— Жаль, что ты не можешь нам ничего сказать, дружище. Однако это не освобождает тебя и твою чёртову семейку от ответственности, тебе ясно? — Ингл издевательски похлопал Томаса по плечу. — Ладно, раз этот не может, пускай хотя бы они выскажутся. — кивнул на пленниц. — Дадим приговорённым последнее слово.

По приказу капитана с пленниц сняли кляпы.

— Мразь! Гори в аду!

Миссис Шарлотта плюнула Инглу в лицо.

— Какие вы тут все приветливые до безобразия. — расхохотался пират, вытирая рукавом плевков. — Запихайте ей кляп обратно. Думаю, она всё сказала. Ну а ты, Амелия, — повернулся к дочке, — что скажешь? Заслуживаешь ли ты наказание за грехи своего отца?

Девушка тряслась от страха.

— П-прошу... н-не надо... отпустите мою семью. Я... я сделаю всё, что вы захотите.

— Всё, говоришь? Ну разве она не прелесть, братцы? Ну как такую можно наказывать?
— Я сама себя накажу, сэр.

К большому удивлению всех собравшихся, Амелия подошла к Инглу и впилась ему в губы страстным поцелуем. Не ожидая от неё такой прыти, пират оттолкнул её от себя с ошарашенным видом.

— Ты... ты... ты что делаешь, дура?! — вскричал он.

— Вы же хотите меня наказать за отца, верно? Ну... я и подумала... что будет лучше...

Что хотела предпринять Амелия, она и сама того не ведала, ей лишь хотелось спасти свою семью, пускай даже ценой её собственной чести.

— Подумала что? Прыгнуть на меня первой?! Вот так поворот, парни! Впервые вижу, чтоб девка на меня первая прыгала!

Ингл озадаченно развёл руки в стороны. Пираты просто ухохатывались. Жуткий вид капитана обычно отталкивал от него барышень.

— Нет, я... я хочу предложить себя в обмен на свободу моих родителей. — смущённо произнесла Амелия. — Я готова быть с тобой всегда... а не только сейчас. — повернулась к родителям. — Простите. Я не хочу, чтобы вы страдали.

Слёзы ручьём капали из её милых ярко-синих глаз.

— Господи, да я сам сейчас расплачусь. — воскликнул Ингл. — Дай хоть обниму тебя, малышка. — театрально смахнув несуществующую слезу, пират заключил девушку в объятия. — Но ты должна понимать, что у меня уже есть невеста. Аделина, помаши ручкой. Впрочем, я ценю твой благородный порыв. Так уж и быть, я соглашусь на сделку. Ублажи меня, как ублажила бы ты будущего мужа, и вы свободны, даю слово. — поднял вверх правую ладонь в знак клятвы. — Ну как, согласна?

— Да, согласна. — произнесла она на удивление решительно.

Достав из-за пояса саблю, пират перерезал путы, что стягивали её тонкие запястья.

— Ну так действуй, я весь твой.

Передав саблю Микелетто, Ингл развёл руки в стороны и обернулся вокруг своей оси как бы демонстрируя: «Вот он весь я». Затем подошёл вплотную к Амелии и шепнул ей на ухо:

— Ты уж постарайся, детка, хорошо?

Амелия смущённо кивнула.

— Вот и умничка.

Погладив девушку по голове, он поцеловал её в лоб.

Барабанщик вновь принялся выбивать дробь:

«Бум-бум-бум! Бум-бум-бум!»

Неловкими движениями пальцев Амелия принялась расстёгивать Инглу жилетку и следом за ней рубашку. Сказывалось не только её волнение, но и неопытность — ещё ни разу она не была с мужчиной. Пуговица за пуговицей, обнажив его волосатую грудь она всё так же неуверенно осыпала её поцелуями. Пират жутко вонял многолетним несмываемым слоем мужского пота и эта вонь всё усиливалась по мере того, как девушка спускалась всё ниже. И тут она заметила рукоять кинжала, торчащую из его сапога. В её белокурой головке тотчас же созрел план. Продолжая целовать Инглу живот, она было потянулась к рукояти, как пират внезапно схватил её за волосы. Сердце Амелии учащённо забилося от страха.

«О, Боже! Неужели он догадался?!» — пронеслась в голове убийственная мысль.

— Э, нет-нет, девочка, так дело не пойдёт. Я уже тысячу раз это проходил. — с разочарованным, скучающим видом Ингл приподнял испуганную Амелию, поставил её на трясущиеся ноги и шуточно так, совсем несерьёзно, пригрозил указательным пальцем. — Давай-ка мы с тобой немного ускорим этот процесс, хорошо? — задорно ей подмигнул.

Пират отнюдь не горел желанием смотреть, как очередная неопытная деваха пытается ублажить его ртом и дело тут не только в неумении — каждая вторая жертва пыталась откусить

ему член. Перспектива потерять свой драгоценный конец его совсем не прельщала, а потому он решил взять дело в свои руки. Он хотел видеть страх в её глазах и наслаждаться им. Он хотел слышать, как она кричит от боли. Он хотел, чтобы она показала ему свои истинные эмоции, а не изображала из себя героиню. Он хотел, чтобы она играла по его правилам.

Но Амелия решила иначе:

«Не дождёшься, ублюдок.»

Интуитивно поняв его посыл, она стала делать всё ровно наоборот. Преодолевая боль и унижение и дикую ненависть, пряча их за маской, она только и выжидала удачный момент, когда мучитель её потеряет всякую связь с реальностью, и вот тогда-то у неё появится шанс. Тогда она сможет вонзить клинок в его вонючее горло.

Очень недобро Ричард Ингл сверкнул глазами. Всё шло совсем не по его плану. И она это видела. Видела, как в глазах его проскальзывают сомнения и растерянность.

Пираты тем временем ликовали. Они хохотали вовсю, они обожали подобные зрелища. На их глазах сейчас разворачивалась самая настоящая игра взглядов, состоящая из лжи, похоти и цинизма.

Амелии же хотелось только одного — поскорее уйти в мир иной прихватив с собой Ингла. То был шаг отчаяния. Она понимала, что его люди этого так не оставят, что они убьют её на эмоциях и надеялась, что смерть её будет быстрой. Но большинство людей Ингла — неместные, у них нет личных счётов с семьёй Корнуоллисов, а значит они могут довольствоваться одним лишь выкупом и не причинят её родным вреда. Рукоять кинжала казалась так близко.

И вот, долгожданный момент настал.

Сердце Амелии бешено стучало словно намереваясь выскочить из груди. Барабан бил ей по ушам: «Бум-бум-бум! Бум-бум-бум!».

Всё должно было случиться в ближайшие секунды...

«Бум-бум-бум! Бум-бум-бум!»

И вот...

Торопливым, неумелым движением она схватилась за рукоять, что торчала из сапога, и... не успев как следует им замахнуться, почувствовала крепкую руку Ингла, перехватившую её запястье. Пират оказался ловчее. Он словно предвидел эту ситуацию. Внутри у девушки всё оборвалось.

«Неужели всё кончено?! Как же больно! Я не хочу умирать! Я сделала всё, что могла!» — эти мысли каскадом пронеслись у неё в голове.

— Вот это истинная Амелия. — ослабил Ингл.

Он вывернул ей запястье таким образом, что кинжал сам выпал ему в свободную ладонь. Амелия кричала от боли и отчаяния. Инглу пришлось зажать ей рот, а лезвием кинжала он полоснул ей по горлу. Её нежная шейка отозвалась алым фонтаном, окропила ему торс и лицо. Глаза девушки расширились от ужаса и вместе с ними — глаза её родителей. Пираты резко замолчали, даже они не ожидали такого финала. Барабан смолк. На площади воцарилась тишина. Все вокруг застыли в молчаливом ожидании. Ингл не переставал смотреть в глаза своей жертве, пока свет жизни навеки в них не померк.

— А я-то уж подумал, что действительно влюбилась! — радостно воскликнул Ингл и расхохотался.

Пираты дружно его поддержали. Капитан облизал нож. Кровь Амелии была тёплая и солоноватая на вкус, она даровала ему прилив свежих сил. Запрокинув вновь голову, он завыл по-волчьи. Как хищник, он сполна насладился жертвой. Окровавленный, он был похож на дьявола в тот момент.

— Как видишь, меня не так легко обмануть, Амелия... хотя, ты уже не с нами.

Ингл закрыл ей глаза и перекрестился. Команда последовала его примеру. Поднявшись на ноги, пират задорно блеснул огоньками глаз и огонёк этот дьявольский не предвещал ничего

хорошего оставшимся в живых пленникам. Затаив дыхание, команда ждала дальнейших приказов.

— Ну вы чего взгрустнули, братцы? Бросьте уныние! Уныние это грех, знаете ли! Теперь ваша очередь! — Ингл обратил свой взор, полный коварства, на мать Амелии — Шарлотту. — Приговорённая сказала своё последнее слово! Так что вперёд, господа, к исполнению наказания!

— Но капитан, как же уговор? — спросил Богдан.

— Какой такой уговор? ... Ах, этот! Ну так Амелия сама его нарушила, когда попыталась меня убить.

Возразить было нечего.

— Приступайте, парни! — скомандовал Ингл, подтягивая штаны. — Затрахайте её до смерти!

Барабанщик с новым рвением принялся выбивать дробь:

«Бум-бум-бум! Бум-бум-бум! Бум-бум-бум!»

Приговор был приведён в исполнение. Головорезы обступили леди Шарлотту со всех сторон, они напоминали диких зверей, рвущих на части свою жертву, они терзали её подобно коршунам.

И всё это время гремел барабан:

«БУМ-БУМ-БУМ!!! БУМ-БУМ-БУМ!!! БУМ-БУМ-БУМ!!!»

Капитан Ричард Ингл вдоволь утолил свою жажду мести. Теперь-то эти ублюдки точно получили по заслугам, что Калверты, что Бренцы, что Корнуоллисы. Ингл вдоволь насытился их страданиями.

«Впредь будут знать.»

Не дожидаясь, пока этот карнавал безумия закончится, он подозвал к себе Микелетто.

— Готовьте корабли к отплытию. На рассвете я отправляюсь в Джеймстаун. Ты здесь остаёшься за главного.

— Да, капитан. Но почему вы нас покидаете так скоро?

— Хочу лично доложить Святому Микелю, что его поручение выполнено. Он будет доволен. Полагаю, он нас щедро вознаградит.

Запрокинув голову, пират втянул ноздрями ночной воздух, пропахший пожарищем, кровью и порохом.

«О, да, — подумал он с нескрываемым удовольствием, — день удался на славу. Жаль, что он уже подошёл к концу.»

Оставив позади крики несчастной леди Шарлотты, Ингл и Микелетто направились к пристани. Луна светила ярко, отражаясь в бликах воды и освещая путь к пристани, пожар по-прежнему бушевал в городе и пепел сыпался с небес, а барабанщик выбивал сумасшедшую дробь на центральной площади Сент-Мэриса:

«Бум-бум-бум! Бум-бум-бум!»

Ночь ещё не закончилась...

Глава XV. Мэриленд в огне

Луна в ту ночь светила особенно ярко и отражаясь многократно в болоте, заливала его и окрестности своим серебристым светом. Неуклюже спотыкаясь о кочки, через болото продирался отряд из полусотни человек с факелами в руках. Ноги их утопали в болотине и от воды лишь отчасти спасали высокие кожаные ботфорты. Впереди отряда шагал Уильям Клейборн. Его люди не были наёмниками, пиратами, или регулярной армией, это были ополченцы-протестанты, восставшие ранее против Калверта. Помимо факелов они несли с собой тяжёлые мушкетеры. Некоторые из ополченцев ворчали, мол нельзя было утра подождать, обязательно надо было ночью переться через болото. Ещё эти чёртовы комары, на руках, лице и шее не оставалось свободного места от их укусов. Укусы жутко чесались. То и дело приходилось останавливаться, чтобы их почесать, а руки-то заняты. Расчёсывали в кровь. Несколько человек были уже насквозь мокрые оттого, что споткнулись несколько раз и упали в болотную жижу. Ещё и порох промочили. Иными словами, ополченцы были недовольны решением Клейборна идти штурмовать поместье Калверт именно ночью. Но Клейборну не терпелось поскорее покончить с бароном Балтимором, поскорее захватить его в плен. Поэтому он не стал дожидаться утра, тем более что опасался, что к утру Калверт может спастись бегством. Барона Балтимора было необходимо застать у него в поместье именно сейчас — посреди ночи.

Когда до поместья оставалось совсем недалеко, Клейборн обернулся и посмотрел на свой уставший отряд. Подумал, сейчас самое время для вдохновляющей речи. Вскрабкался на большой валун и обратился к соратникам:

— Итак, братцы мои, я хочу вам сказать...

— Даа! — кто-то одобрительно потряс факелом.

— Да подожди ты, я ещё не сказал!

— Ой, простите, сэр.

— Там на холме, — указал Клейборн в сторону огней, — поместье Леонарда Калверта!

Тиран и католик, он угнетал вас долгие годы! Он завлекал вас «терпимостью», свободой вероисповедания, сюда, в Мэриленд, чтобы в итоге сделать вас своими слугами! Поганный лицемер! Всё, что он говорил вам, всё, что обещал вам, есть гнусная ложь! Он видит в вас своих рабов! Бесправных и безмолвных, видит в вас тягловую скотину! Он хочет, чтобы вы жили в грязном хлеву и жрали солому! Вы для него вообще не люди! Для него вы грязь под ногами, рождённые лишь для того, чтобы служить семье Калверт и жрать за ними дерьмо! Он хочет, чтобы вы пресмыкались перед ним, лизали грязь с его сапог!

Пока он говорил, в глазах ополченцев закипала ярость. Они жаждали схватить Калверта и разорвать его на куски, жаждали казнить его самыми ужасными способами.

Клейборн продолжал:

— Пришло время, братья мои, сказать громогласное НЕТ тирании Калверта! Мы и так слишком долго терпели. И я убеждён, что не должны католические свиньи властвовать над нами — гордыми протестантами Мэриленда!

— Да!!! — хором откликнулись ополченцы, воинственно потрясая факелами.

— Так пусть же лицемерный еретик услышит наш клич!

— Да!!!

— И мы разнесём этот клич по всему миру, заставим католиков всего мира трепетать!!!

— Дааа!!!

Несколько ополченцев выстрелили в воздух в порыве эмоций.

— Да вашу ж мать! — выругался Клейборн. — Поберегите порох. Хорошо, братья мои, вопросы есть?

— Да, их точно там двое?

— Верно, — кивнул Клейборн, — только он и дворецкий.

— А что остальные?

— А что остальные? Остальные погибли, угодив в западню. А те, что не погибли, погибли при отступлении, когда саскуеханнок наступали им на пятки. А те, что не погибли при отступлении, дезертировали. Презренные трусы бежали, поджав хвосты!

— А вдруг не все?

Сомнения снедали ополченцев.

— Разведчики саскуеханнок доложили мне, что видели, как эти двое добрались до поместья. — сказал Клейборн. — Хотя какая-то польза есть от этих красножопых ублюдков.

— А если их там изначально дожидались союзники?

— Да откуда им там взяться?! Думаете, всё это время Калверт держал у себя в поместье запасной батальон?! — в голосе Клейборна послышалось раздражение.

Ополченцы начали роптать:

— Да, вдруг их там не двое, а больше?

— Что если нас там ожидает засада? Я на такое не подписывался!

— Я тоже!

— Одно дело ночью по болоту шастать, другое — это!

Достав из-за пояса пистолет, Клейборн выстрелил в воздух.

— Так, а ну-ка заткнулись все!

— Сэр, вы же сами сказали, побережь порох.

— Как вас ещё, баранов, заткнуть?! — Клейборн начал выходить из себя. — Повторяю ещё раз, его люди бежали, в поместье их всего двое!

— Ну так что, мы штурмуем или как?

— Да, чёрт возьми, чего и от вас добиваюсь! — Клейборн был недоволен тем, что трусость его приспешников поколебала их решительность прямо перед самым штурмом. И это после его вдохновляющей речи!

— То есть, их там точно двое? — уточнил кто-то из ополченцев.

— Да, мать вашу, их двое! — гневно воскликнул Клейборн. — Сколько раз ещё повторить, прежде чем до вас дойдёт?!

Настолько они привыкли нападать превосходящим числом, словно большая стая волков на одного медведя. Мысль, что придется сражаться лишь с двумя противниками слегка приободрила отважных ополченцев:

— Ну тогда чего же мы ждем?! С двумя-то мы уж точно управимся! Верно говорю, братцы?!

— Да, порвём их как английский флаг!

— Смерть Калверту!

— Да, смерть ему!

— Насадим его голову на пику!

— Дааа!!! — воскликнули хором несколько человек из отряда, воинственно потрясая факелами и мушкетами.

— Да, — раздраженно усмехнулся Клейборн, — смотрю, храбрости вам не занимать! Уж лучше бы я взял с собой этих краснозадых уродов, они хоть и тупицы, зато отважные тупицы! Впрочем, с их дисциплиной я бы добрался до поместья один. А, к чёрту эту сраную лирику! Все за мной! — спрыгнул с валуна и по колено в воду.

Отряд мятежников продолжил путь к поместью, не подозревая, что их там действительно поджидает засада.

Луна отражалась в болоте. Лунный свет пробивался сквозь большие окна особняка. В гостиной была сложена груда мушкетов. Мелье, Калверт и Джеймс в очередной раз направи-

лись в оружейную за следующей партией оружия. В это же время Айна, Маккрейли и Беккер заряжали те мушкеты, что были уже принесены.

— Вы слышали? — сказала вдруг Айна, напрягая слух.

— Что?

— Выстрелы. — негритянка выглянула в окно. — Они уже близко.

— Я вот подумал, — сказал Маккрейли, — может имело смысл переправить сюда ребят с корабля? Тогда бы шансы уравнились.

— Слишком долго. — отмахнулась Айна. — пока всех переправим, защищать уже будет нечего.

Послышались шаги. Мелье, Калверт и Джеймс вернулись с оружием, положили мушкеты в общую кучу.

— Там осталось немного. — доложил Калверт. — Мы с Джеймсом управимся. Шарль, помоги товарищам зарядить.

Барон Балтимор с дворецким вновь удалились. Мелье хотел было взяться за мушкет, но тут заметил на столе то самое письмо из Джеймстауна, которое ранее Калверт не успел дочитать.

— Продолжайте, не отвлекайтесь. — сказал гасконец, подходя к столу. Взял в руки письмо.

— Капитан, читайте вслух. — попросила Айна.

— Сейчас.

Мелье подошёл к большому позолоченному канделябру, чтоб подсветить текст. Глаза его забегали по строчкам.

— Что там? — спросила Айна.

— Тут про твоих собратьев по расе. — ответил гасконец после непродолжительной паузы.

— Так-так-так, негритянок принуждают выходить замуж за ирландцев? — насмешливо поинтересовался Маккрейли.

Айна сделала вид, что не заметила его насмешку... или не придавала значения. Слишком её поглотили домыслы касательно судьбы её расы.

— Нет, Макарелли, — ответил ирландцу Мелье, — зато там сказано, что ирландцев теперь можно продавать в рабство за долги. Крепись. Я уже давно подумываю тебя продать.

Гасконец принял самое серьёзное выражение лица, на которое был способен.

— Ч-что? В-вы это серьёзно, капитан?

Маккрейли аж побледнел, насколько это было заметно в лунном свете. Он даже неотреагировал на то, что капитан только что в очередной раз исковеркал его фамилию, настолько он был ошарашен сей новостью. Хотя он терпеть не мог, когда его фамилию коверкают на итальянский лад.

— Да шучу я, тупица. — расхохотался капитан. — Видел бы ты сейчас свою физиономию. Маккрейли облегчённо выдохнул и тоже расхохотался.

— А ведь я вам почти поверил, капитан.

— Так а всё-таки, что там с моей расой? — спросила Айна с самым серьёзным тоном. Ей сейчас было совсем не до шуток.

— Ах да, — спохватился Мелье, — сейчас, зачитаю... «Ещё там говорится, в конституции, что все ниггеры, вне зависимости от их нынешнего статуса, объявляются собственностью. Они не могут считаться гражданами ОСПА и все те естественные и неотчуждаемые права и свободы, гарантированные конституцией нам — белым людям — на них не распространяются...»

— Ну всё понятно! — воскликнула Айна. — Всё как обычно, негры у вас отныне — рабы. Поздравляю вас, «высшая раса»!

С недовольным видом негритянка отбросила в кучу только что заряженный ею мушкет. Рука её сама потянулась к катане. Достав клинок из ножен, она принялась фехтовать с незримым противником как ни в чём не бывало. Однако было понятно, что таким вот образом она пытается заглушить выход эмоций. Она частенько так делала, из-за чего казалась безэмоциональной. Когда эмоции рвались наружу, она подавляла их.

— Это ещё не всё. — сказал Мелье, с тревогой поглядывая на Айну. — Слушайте дальше... «Все негры, пребывающие в статусе свободных и землевладельцев, проживающие как на территории ОСПА, так и за её пределами, должны быть схвачены и выставлены на аукцион, а их имущество конфисковано в пользу казны. Негры, пребывавшие в статусе кабальных слуг, отныне являются полноправной собственностью их хозяев.»

Пока Мелье читал, Айна размахивала клинком и всё меньше и меньше это напоминало тренировку в фехтовании. Ведь для фехтования характерны сосредоточенность и хладнокровие, в то время как у Айны, с каждым произнесённым Мелье словом, движения становились всё более дёргаными, а на лице нет-нет да и проскальзывала едва уловимая вспышка ярости. Отложив мушкеты, Маккрейли и Беккер наблюдали за ней. Казалось, вот-вот разразится буря. Буря, которую она сдерживала очень долго. Ураган эмоций таки пробил себе путь на волю. Не в силах сдерживать ярость, Айна обрушилась на ближайшую колонну, выплеснула на неё весь свой гнев. С яростью берсеркера⁵¹ она рубила колонну так, что щепки летели в разные стороны. Её красивое чёрное лицо исказила гримаса ненависти. Ненависти к рабству, к плантаторам, к работорговцам, ненависти к Сенату, ненависти ко всей этой колониальной, рабовладельческой Америке. Нет, её абсолютно не заботило то, что белые думали о неграх, она уже давно привыкла к надменности «белых господ». Её беспокоила судьба её малышей — двухгодовалой Сони и пятилетней Жослин. Айна испытывала страх за дочерей, она боялась, что их продадут в рабство, как её саму когда-то. Она была готова пожертвовать всем, чтобы их защитить. На глазах у неё выступили слёзы. Впервые за много лет. Все присутствующие замерли, глядя на неё. Никогда они ещё не видели её такой. Никогда не видели слёз на её лице. Айна продолжала яростно истязать ни в чём не повинную колонну, когда в гостиную вернулись Калверт и Джеймс с мушкетами. Они застыли на месте от открывшегося им зрелища и видок у них, соответственно, был озадаченный. Впрочем, Калверт не счёл нужным сделать негритянке замечание, дескать она портит его имущество, находясь у него же в гостях.

Аккуратно подойдя к ней сзади, Мелье лёгким движением забрал у Айны катану, после чего крепко обнял свою боевую подругу.

— Всё хорошо? — участливо спросил Калверт.

— Всё в порядке, Леонард, минутная слабость. — ответил Мелье, не выпуская негритянку из объятий. Слёзы текли по её щекам. — Ну что ты, Айна, — Мелье заботливо погладил её по спине. — Мы тебя все здесь любим и в обиду не дадим. Верно говорю?! — обратился к соратникам.

— Да! — хором ответили Маккрейли и Беккер.

Ирландец подошёл к Айне, почесал свой затылок.

— Айна, — сказал он, ну прости меня дурака, если что, за мои шутки. Я ж ирландец, мы народ чудной, пошутить любим. Ты превосходный воин и отличная мать. Давай выпьем за тебя!

Айна слегка улыбнулась и кивнула головой в знак согласия. Маккрейли жестом пригласил всех за стол.

— Простите за колонну, господин Калверт, — извинилась Айна перед хозяином поместья, виновато опустив голову, — я всё возмещу.

⁵¹ Берсеркеры - воины из древнескандинавской мифологии. Отличались неистовостью в сражениях

— Не переживайте из-за этого, — со всем добродушием улыбнулся барон Балтимор, — этот дом всё равно, так или иначе, спалют. — окинул взглядом помещение. — Так что вам, милая леди, разрешаю тут всё разнести.

Все засмеялись, кроме Беккера. Когда его товарищи усаживались за стол, он единственный не составил им компанию, сказав:

— Я, конечно, извиняюсь, господа, но мушкеты сами себя не зарядят. — кивнул на грудку незаряженных мушкетов.

— Да бросьте вы, мсье Беккер, — отмахнулся Мелье, откупоривая бутылку, — время у нас ещё есть.

Пожав плечами, Беккер продолжил заряжать мушкеты.

— Эх, забористое у тебя пойло, Леонард. — похвалил гасконец, похлопав Калверта по плечу. — Айна, ты как?

— Всё хорошо. — улыбнулась Айна. Слёзы у неё на лице ещё не подсохли, но ей уже явно полегчало. Всё-таки, поддержка близких друзей — великое дело.

— Мсье Беккер, а что вы думаете о новой конституции? — спросил гасконец.

— Что я думаю? — Беккер отложил в сторону очередной заряженный мушкет и взялся за следующий. — Пока у меня не было возможности с ней ознакомиться должным образом. Всё, что мы о ней знаем, мы знаем из того письма. — Беккер задумался. — То, что мы знаем, нас определённо не радует, ведь речь идёт о тирании, ужаснее которой ещё не было. Человек по определению не может быть свободен.

— Ироничные слова из уст бывшего работоторговца. — нахмурился де Мелье.

— Ключевое слово «бывшего», сэр. Я уже давно не занимаюсь этим богомерзким делом... Эх, бурная молодость, столько ошибок понаделал в прошлом.

Беккер вздохнул.

— Все мы совершаем ошибки, мсье Беккер. — сказал де Мелье. — Порой прошлое необходимо отпустить, чтобы жить дальше. Выпьем же за будущее! — поднял вверх свою бутылку.

— А я и не знал, что вы были работоторговцем, мистер Беккер. — удивился Маккрейли.

Вообще, о прошлом Беккера мало кто что слышал. В основном то, что родом он из Антверпена, о чём он сам частенько напоминал в беседах. Очевидно, он очень гордился своим родным городом.

Насладившись шотландским виски, друзья вернулись к мушкетам.

— Значит, план такой, — сказал де Мелье, — дожидаемся мятежников, расходуем на них весь наш запас свинца и режем их на солонину, я всё правильно понял?

— Ну, не совсем, конечно, — поправил гасконца хозяин поместья, — но общую мысль ты уловил. Правда, уходить нам всё равно придётся. Нам не выстоять долго. Расходуем на них весь наш запас свинца и уходим.

Последний мушкет был заряжен Айной. Она провела по нему ладонью, ощутив его грозную силу, как огнестрельного оружия, и прошептала:

— Встретим же ублюдков во всеоружии.

Сейчас они олицетворяли для неё всё то, что она ненавидела в колониальной Америке. Они пришли сюда, чтобы заковать её в цепи, её и её детей. Они пришли поработить их и подвергнуть унижениям. Но им это не удастся.

— Вы слышите? — прислушался Джеймс. — Они идут.

Издали донеслась барабанная дробь. Защитники поместья осторожно выглянули в окно и увидели, как к воротам приближается отряд с факелами.

— Так, берите мушкеты, занимаем боевые позиции. — скомандовал барон Балтимор. — Стреляйте только по моей команде.

Он приоткрыл окно, чтобы лучше слышать происходящее снаружи. С улицы повеял ночной ветерок. Барабанная дробь усилилась. По мере приближения отряда всё отчётливее за

барабанной дробью слышался тяжелый топот сотни ног с хлопанием болотной воды в ботфортах. Маршировали строем в такт барабану. Внезапно дробь прекратилась. Отряд приблизился к кованной решетке главных ворот и по команде Клейборна остановился. Факелы по его приказу они воткнули в землю.

— Замок повесил с цепями, — усмехнувшись, обратил внимание Клейборн, — как будто нас это остановит.

Помимо ворот, особняк был защищён стеной — высокой каменной оградой. Защитники поместья рассредоточились по разным окнам. Калверт посмотрел в подзорную трубу и прошептал:

— Клейборн, сукин ты сын. Так я и знал, что явишься лично.

Командир отряда довольно потирал руки. Долгие годы он ждал этого момента. Подойдя к решетке вплотную, Клейборн громко крикнул:

— Калверт! Леонард Калверт! Я знаю, что ты там! Отзовись!

Барон Балтимор вопросительно посмотрел на своих товарищей. Те лишь пожали плечами.

— Каааалверт! — повторил Клейборн, уже громче.

— Я попробую с ним поговорить, — сказал барон Балтимор, — а вы сидите и не высовывайтесь. Он не должен знать, что вы здесь.

Товарищи кивнули в знак согласия.

— Кааааалверт!!!

— Я здесь, Уильям! — отозвался барон Балтимор, выглядывая из окна. — Что тебе нужно?!

— Сдавайся, Леонард, и тебе не причинят вреда!

— Сэр, — обратился к Клейборну один из его приспешников, — мы же хотели насадить его голову на пик.

— Тсс, всему своё время. — шепнул ему Клейборн.

— На каком основании ты требуешь от меня сдаться?! — крикнул Калверт.

— На том основании, что я арестовываю тебя именем Сената за участие в сговоре с предателем де Мелье!

Калверт расхохотался.

— За участие в сговоре?! Ты, верно, шутишь! Ты же понимаешь, что это бред?! Что это вы здесь настоящие предатели и мятежники!

Смех быстро сменился гневом.

— Сенат считает иначе! — ответил Клейборн. — Сдавайся!

— А если не сдамся?!

— Тогда мы всё равно возьмём тебя и твоё поместье! Шансов у тебя нет! Нас пятьдесят, а вас всего двое!

Дворецкий Джеймс тоже высунулся из окна, чтоб подтвердить его заблуждение.

— Если сдашься сейчас, — продолжал Клейборн, — я смогу ручаться за вашу безопасность. К слову, у нас твои родные. Советую тебе хорошенько об этом подумать.

Услышав эти слова, Калверт резко помрачнел.

— Решать тебе! — крикнул Клейборн.

Барон Балтимор вновь посмотрел на своих товарищей, теперь растерянно. И вновь те пожали плечами. Калверт пытался быстро соображать в экстремальной ситуации, взвешивая всё за и против, внутри него шла борьба.

— Что ты решил, Леонард?! — крикнул Клейборн.

В глазах у Калверта вдруг загорелась решимость. Он выглянул в окно и обратился к неприятелю:

— У меня есть встречное предложение, Уильям!

— Я не слышу, Леонард! Говори громче!

— Я сказал, — Калверт повысил голос, — у меня есть встречное предложение!

— Я слушаю!

— Отпусти сперва мою жену и сына, и её сестёр! Тогда я сдамся!

В ответ — тишина. Клейборн обдумывал предложение. Недолго обдумывал.

— Ты не в том положении, чтобы ставить такие условия, Леонард!

— Тогда нам не о чем говорить!

— Если не будешь упрямиться, даю тебе слово джентльмена, что с вами поступят по чести!

Клейборн поднял вверх правую ладонь в знак клятвы.

— Я тоже дам тебе слово, Уильям! — глаза Калверта загорелись ненавистью. — Даю тебе слово джентльмена, что отправлю вас всех в могилу!

Приспешники Клейборна захохотали. Не смеялся лишь сам Клейборн.

— А ну заткнитесь! — рявкнул он на них.

Хохот тотчас же стих. Клейборн медленно повернулся в сторону противника.

— Ну тогда пеняй на себя!

— Нет, — ответил Калверт, — ты пеняй!

Прицелившись в Клейборна, Калверт спустил курок. Раздался выстрел. Пуля срикошетила от решётки. Этого хватило, чтобы отряд с руганью отпрянул от ворот.

— Твою мать! — выругался Клейборн. — Братцы, стреляйте в него! Огонь! Огонь!!!

Вскинув вверх мушкеты, ополченцы открыли огонь по окнам второго этажа. Калверт и Джеймс успели пригнуться. Пули вынесли окна вдребезги. Осколки стекла посыпались на защитников поместья.

— Рассредоточиться! — скомандовал Клейборн.

Разойдясь по обе стороны от ворот, его люди укрылись за каменной оградой, где пули обороняющихся их достать не могли.

— Джеймс, дружище, будь так любезен, передай мне заряженный мушкет. — обратился к дворецкому Калверт, отбрасывая разряженный в сторону.

Куча заряженных мушкетов, оборонительная позиция и элемент неожиданности — вот какие козыри имелись у защитников поместья против численности врага.

— Перезарядить оружие! — велел Клейборн своим людям. — Сейчас мы очистим это место от скверны! Тьфу ты, блин, уже как Ричард Ингл говорить начал, чтоб его!

Ополченцы принялись перезаряжать мушкеты. Они были уверены в лёгкой победе. Защитники поместья затаились в ожидании. Ограда высока, а ворота всё ещё были крепки. Ненадолго. Когда мушкеты были вновь заряжены, Клейборн обратился к одному из ополченцев:

— Пороховой бочонок всё ещё при тебе?

— Да, сэр, конечно.

— Давай его сюда.

Подкатив бочонок к воротам, командир отряда велел всем отойти назад. Вытащил из-за пояса пистолет, прицелился и спустил курок. За выстрелом последовал взрыв. Ворота сорвало с петель.

— Вперёд!!! — скомандовал Клейборн.

Под дымовой завесой захватчики с криками ринулись в образовавшийся проём. То, что произошло дальше, застало их врасплох.

— Пли!!! — скомандовал Калверт.

Не два, а целых шесть мушкетных выстрелов заглушили воинственный клич противника, внесли сумятицу в его ряды. Четверо оказались ранены, один, кажется, убит.

— Какого чёрта?! Клейборн! Ты же сказал, что их всего двое! — испуганно завопил кто-то из ополченцев.

— Вашу мать!!! — яростно взревел Клейборн. — Огонь!!! Огонь!!!

Протестанты открыли беспорядочную пальбу по окнам второго этажа, откуда прозвучали выстрелы. Защитники поместья вновь ловко укрылись, отбросили в сторону разряженные мушкеты и, схватив из общей кучи заряженные, продолжили вести огонь по вражескому отряду, не тратя на перезарядку драгоценное время. Стоявший рядом с командиром ополченец получил в лоб пулю и, истекая кровью, упал замертво, заляпав Клейборна брызгами крови.

— Рассредоточиться!!! В укрытие!!! — приказал Клейборн.

Протестанты бросились за постаменты статуй древнегреческих героев и богинь, что были расставлены вдоль аллеи. Места всем не хватало, пули защитников находили всё новые и новые жертвы. Одна из пуль продырявила шляпу Клейборна.

— Сдохните, проклятые протестантские свиньи!!! — кричал Джеймс ненавистному врагу.

— Первое подразделение, на штурм! — приказал Клейборн. — Остальные, продолжайте вести огонь!

Ещё перед атакой он разделил свой отряд на два подразделения. Одни бросились к парадному входу, другие прикрывали их огнём. Сам Клейборн, не обладая по природе излишней храбростью, предусмотрительно остался командовать за одним из постаментов. Калверт целился в своего давнего недруга, но самое большее, чего он добился — это ещё одна дырка в шляпе Клейборна.

Взбежав на крыльцо, пуритане принялись ломиться в парадную дверь. Били прикладами в створки. Пули свистели над головами. Свистели туда-сюда.

После очередного выстрела Мелье отбросил мушкет и, выхватив шпагу, скомандовал:

— Айна, Макарелли, за мной!

— Я не Макарелли, сэр, я Маккрейли! Я ирландец, а не итальянец!

Вооруженные клинками, гасконец, ирландец и негритянка быстро спустились вниз по лестнице в холл. Парадная дверь сотрясалась от гулких ударов снаружи. Калверт, Беккер и Джеймс продолжили вести огонь из окон гостиной.

— Занимайте позицию, ирландец! — скомандовал капитан. — Вы не у себя на скотном дворе! Здесь вы закуска к выпивке!

Мелье по праву считал себя одним из лучших фехтовальщиков Франции. Пришло время в очередной раз это доказать. Парадная дверь затрещала, поддаваясь натиску снаружи.

— Ну же, вы, идите к папочке, чёртовы сукины дети! — вскричал ирландец, размахивая клинком. — Я вас угощу свинцовой котлетой и кашкой из пороха!

— Мсье Макарелли, — укоризненно посмотрел на него капитан, — вам никто не говорил, что у вас ужасное чувство юмора?

— Маккрейли, я Маккрейли!

Раздался треск.

— Ну же, ещё немного! — послышался голос с той стороны. — Стреляйте по двери!

— Советую отойти. — сказал де Мелье.

Вслед за гасконцем Айна и Маккрейли отскочили в сторону и в этот же момент раздался выстрел. Пули прошли створки насквозь, выбили замок и петли.

— Осторожно! — крикнула Айна своим товарищам.

Тяжёлые створки сошли с петель и с грохотом обрушились прямо перед отважной троицей. Снаружи повалил пороховой дым. В облаке дыма показались ополченцы, удивлённые тем, что их здесь встречают. От удивления они застыли на месте.

— Ну чего вылупились, каналы?! Защищайтесь! — воскликнул Мелье и первым обрушился на врага. А вслед за ним и Айна с Маккрейли.

Опешивших от такой наглости ополченцев резали и кололи. Резким выпадом Мелье проткнул брюхо одного из противников. На блестящий паркет хлынула кровь. Умело работая клинками, вдвоём они сдерживали в дверном проёме натиск превосходящего числом врага.

— Мы как три спартанца при Фермопилах! — гасконец расхохотался.

Враги поскальзывались в луже собственной крови и падали, становясь беззащитными перед тремя клинками. Айна безо всякой жалости рубила противников своей катаной, словно капусту. Лицо её выражало только злость и ненависть.

«Эти „белые господа“ пришли поработить тебя! — звучал её внутренний голос. — Никакой пощады им! Слышишь?! Никакой пощады!!!»

Слева и справа послышался звук бьющегося стекла.

— Они лезут в окна! — воскликнул Мелье. — Айна, Макарелли, займитесь ими!

— Маккрейли! — возмутился ирландец. — Я Мак...

Заскочивший в окно здоровенный ополченец сбил его с ног.

— Маккрейли, не отвлекайтесь!

Капитан ткнул нападавшего острием шпаги. Быстро вскочив на ноги, ирландец вытолкнул раненого врага обратно в окно. На одного де Мелье пришлось весь натиск в дверном проёме. Со стороны Айна ещё один противник залез было в окно, но пиратка молниеносным движением катаны порезала его и тоже вытолкнула обратно. Тот обрушился на своих товарищей и все вповалку повалились наземь.

Поняв, что через окна им не пролезть, враги предприняли очередную попытку проваться в особняк через парадный вход. Никогда они ещё не встречали столь матёрых соперников. Натиск усилился.

Ещё в юности де Мелье заметил, что в узкой улочке можно вдвоём или даже в одиночку одолеть целую шайку неприятелей, не дав им себя окружить. Эта тактика сработала и здесь. Лишь несколько противников столпились у дверей, а остальные позади, не могли прорваться. Лезли было в окна и там получали отпор.

— Чего стоите, болваны?! — кричал им Клейборн. — Заряжайте ваши мушкеты! Превратите в решето этих чёртовых гадов!

Но пока что ополченцев самих превращали в решето три метких стрелка в окнах второго этажа. А вот в тех, кто столпился у самого входа, они прицелиться не могли. Перезарядив мушкеты, пуритане из первого подразделения просунули их было в окна и тут же заметили, что под натиском их боевых товарищей непокорная троица отступает спиной к лестницам. Так что теперь их дула были направлены в спины и задницы своих же товарищей-пуритан.

В просторном холле у пуритан появилась было возможность окружить противника молниеносным манёвром, но нет, умело отскочив назад, Мелье запрыгнул на нижние ступеньки лестницы, ведущей в гостиную. То же самое на второй лестнице проделали Айна с Маккрейли. Отражая удары один за другим, они медленно отступали в гостиную. Ступенька за ступенькой. Каждая ступенька давалась противнику с боем. Стрелки рассредоточились вдоль стен. В эдакой суматохе это оказалось непросто.

— Мушкеты к бою! Огонь!

Оружейный залп сотряс стены холла, но несгибаемая троица уже исчезла где-то наверху, чтобы затем вновь обрушиться на врага ураганом молниеносных ударов, колющих и режущих, кромсающих плоть. Счёт потерям со стороны нападавших шёл уже на десяток, а то и больше. Взмахнув катаной, Айна снесла одному из них голову. Фонтан горячей крови обагрил его товарищей, пришедших в ужас в тот жуткий момент. Ряды протестантов дрогнули и отважная троица перешла в стремительную контратаку, обратила неприятеля в беспорядочное бегство. Побросав мушкеты, ополченцы бежали назад к выходу. Бежали, поскальзываясь в лужах крови.

— Куда же вы?! — гасконец издевательски крикнул им вслед. — Веселье же в самом разгаре! Разве нет?! — ткнул остриём шпаги в задницу бегущему в панике ополченцу. — Я вас не отпускал, чёрт побери!

Как и его товарищи, Мелье был весь перепачкан в крови неприятеля.

— Не смейте отступать! — яростно кричал Клейборн бегущим соратникам. — Стоять и сражаться!

Но его не слушали, продолжали бежать в сторону ворот. Те, кто до этого укрывались за постаментами, стрелки из второго подразделения, последовали за бегущими. Ополченцев охватила паника, их боевой дух дрогнул. Меж тем стрельба со второго этажа поредела. Подняв вверх голову, Клейборн увидел, как дворецкий произвёл очередной выстрел в спину одному из убежавших, после чего повернулся к Калверту.

— Это последний мушкет, сэр!

То были его последние слова. Вскинув молниеносно пистолет, Клейборн выстрелил и попал Джеймсу в висок. Тот погиб мгновенно.

— Джеееееймс!!! — отчаянно закричал Калверт. — О, Господи! Нееет!!!

Уронив дымящийся мушкет, барон Балтимор упал на колени рядом с бездыханным, истекающим кровью телом и зарыдал.

Стрельба стихла. Над поместьем повисла тишина, прерываемая лишь криками раненых ополченцев. Воздух пропах порохом. Оглянувшись и поняв, что все его люди отступили и он остался один, Клейборн поспешил к воротам, куда вёл кровавый след. Только одна утешительная мысль играла у него в голове: «Хоть кого-то подстрелил».

Выжившие в этой мясорубке ополченцы укрылись за оградой и тяжело дышали.

— Какого чёрта?! — сердито закричал на них командир. — Вас в десять раз больше, чем их!

— Сэр, они слишком сильны!

Раненый ополченец сполз по стене на землю, едва не рыдая.

— Слишком сильны?! Их, вашу мать, пятеро! Пятеро всего осталось! Никчёмные вы вояки! Их в десять раз меньше, чем вас!

Клейборн впал в ярость. Он понимал, как засмеёт его Ингл, когда узнает, что с отрядом из пятидесяти бойцов он не смог взять особняк, что удерживала горстка храбрецов.

«Нет, — решил про себя Клейборн, — так дело не пойдёт.»

Его взгляд упал на факелы, торчащие из земли. Решение пришло само собой.

— Берите факелы! — велел он. — Мы сожжем это поместье к чертям! Сожжём его вместе с этими ублюдками!

— Но, сэр, там есть чем поживиться...

— Выполнять!

У защитников поместья не осталось больше боеприпасов. Им оставалось наблюдать, как вражеский отряд подбирается ближе к особняку, а затем с криками, руганью и проклятиями начинает забрасывать дом факелами. Огоньки слетались со всех сторон как светлячки. Факелы залетали в окна и на крышу. Пламя быстро охватило покрытые плющом деревянные стены и деревянные же дорические колонны. Начался пожар. Густой чёрный дым повалил в помещение, разъедая глаза. Защитники поместья начали кашлять и задыхаться.

— Всё, уходим, господа! — скомандовал де Мелье. — Один бы я... кха... кха... один бы я справился, но за вас не хочу брать ответственность!

Клейборн смотрел, как разгорается пламя. Огонь быстро поднялся до самого чердака и полностью охватил крышу и бельведер. Языки пламени лизали стены и балки, вздымались в небо огненными всполохами. Отражаясь в чёрных глазах плантатора, языки пламени придавали им дьявольский блеск.

«Уйдут сукины дети, нутром чую.»

— Сэр, — обратился к нему один из приспешников, — нам их сюда не выкурить. И не задержать. Они сбегут через заднюю дверь.

— За ними! — скомандовал Клейборн.

— В огонь?! Нет, я не пойду!

— Нет, идиоты, обойдём дом вокруг! Чего встали?!

Выхватив клинок, Клейборн бросился вокруг дома. Его соратники последовали за ним. В это же время беглецы на ощупь пробирались по задымленному коридору в сторону чёрного хода. Мелье вновь бросился в глаза портрет баронессы Энн Калверт. В последний раз, прежде чем его поглотила дымовая завеса. Наконец, задняя дверь распахнулась и в лицо им ударил свежий ночной воздух. Друзья бросились к калитке и далее по тропинке в сторону берега. Зарево пожара освещало окрестности. Позади были слышны яростные крики преследователей, раздались мушкетные выстрелы, по сторонам засвистели пули. Сердце бешено колотилось где-то в области кадыка, грозя выпрыгнуть наружу. Спустя несколько минут погони по склону холма, беглецы спотыкаясь и падая выбежали на каменистый берег, где возле шлюпки их дожидались матросы.

— Наконец-то, чёрт возьми! Мы уж хотели бежать вам на выручку!

— Не дайте им уйти! — кричал Клейборн. — Мы их не догоним, так пули наши догонят!

Оттолкнувшись от прибрежных камней, беглецы отчалили к кораблю. Преследователи, добежав до берега, спешно построились в шеренгу и столь же спешно принялись перезаряжать мушкеты. В момент, когда они вскинули свои стволы, Мелье закричал:

— Пригнитесь!

Раздался мушкетный залп. Пули просвистели над головами, ранив одного из матросов и оцарапав плечо мистеру Беккеру.

— Перезаряжайте! — рявкнул Клейборн.

К счастью для беглецов, пуританам потребовалось никак не меньше минуты, чтобы перезарядить оружие. За это время лодка заметно отдалилась от берега. Перезарядив мушкеты, пуритане дали последний залп по шлюпке вдогонку, но было уже слишком поздно — шлюпка ушла далеко. Только брызги зря подняли. Испустив яростный крик, Клейборн в бешенстве швырнул на землю мушкет.

— Будьте вы прокляты, чёртовы сукины дети!!!

Поместье Калверт горело, горел и Сент-Мэрис. И не только они. К северу от тех мест горели католические храмы и фермы католиков по всему Мэриленду. Мэриленд утопал в огне. Вся колония была охвачена огнём.

Айна и Калверт стояли на шканцах отдаляющегося от берега корабля «Николь» и с грустью в глазах наблюдали, как вдали догорает некогда великолепный особняк. Белоснежная рубашка барона была теперь перепачкана копотью, грязью и кровью погибшего дворецкого.

— Бедняга Джеймс, он всегда был мне верен. — Калверт тяжело вздохнул. — Он был мне как отец. Фактически, он меня воспитал... как жаль, что я его тогда не послушал... не надо было пускать протестантов в Мэриленд.

Барон Балтимор совсем поник. Айна пыталась его утешить, хотя сама нуждалась в утешении в неменьшей степени. Она всё ещё переживала за судьбу своих детей. Они были в безопасности, когда она их в последний раз видела, но с тех пор многое могло измениться.

— Айна, Леонард, — обратился к ним де Мелье, — пройдемте в каюту, есть разговор.

В капитанской каюте, при слабом свете свечей, вокруг стола с картой Восточного побережья столпились Мелье, Калверт, Айна и Беккер. Плечо у Беккера было перевязано, на повязке виднелась кровь.

— Как ваше плечо, мистер Беккер? — поинтересовался у него барон Балтимор.

— Всё хорошо, мистер Калверт, пуля лишь слегка оцарапала. В юные годы я такие ранения получал едва ли не ежедневно в моём родном Антверпене.

Беккер улыбнулся, предавшись на мгновение ностальгическим воспоминаниям о своей бурной молодости.

— Хорошо. — сказал Мелье, положив ладони на карту. — Теперь, когда все в сборе, полагаю, пришло время высказаться... Что же хочется сказать? А сказать хочется, всё же никудышные из этих мятежников вояки! Ох и никудышные же! Таких болванов ещё поискать!

Стукнув кулаком по столу, Мелье разразился хохотом.

— Да! — воскликнул Беккер. — У себя в Антверпене я таких каждый день ел на завтрак! Да у меня в иезуитской школе, где я учился, были враги опаснее, чем эти горе-вояки!

Обычно, Беккер не проявлял подобной эмоциональности. Однако сражение настолько разогрело ему кровь, что сдерживать эмоции он просто не мог. Это чувство, слегка подзабытое, ему нравилось, когда кровь кипит и сердце рвётся в бой. В молодости будущий пастор Беккер немало сразил негодяев. В те годы он едва ли уступал Мелье в горячности.

— Ещё этот Клейборн, — рассмеялся Мелье, — такой же никудышный командир. Этот горе-вояка славится больше как политик, как чиновник, как торговец, но никак не военачальник. Он мог тысячу раз обойти нас с тыла, зайти с чёрного хода нам в тыл, или подкараулить нас там! Помните, когда мы отступали? У него была тысяча возможностей нам помешать и он пренебрёг ими всеми! — гасконец вновь треснул кулаком по столу. Вместе с Беккером они вовсю потешались над нерадивостью неприятеля.

По поведению Мелье и Беккера могло сложиться ощущение, что у собравшихся в каюте какой-то весёлый праздник. Вон даже бутылка вина на столе. Но нет, серьёзные выражения лиц Айны и Калверта говорили скорее о трауре. И барон Балтимор не замедлил об этом напомнить, как только смех поутих.

— Господа, — обратился к присутствующим Калверт с какой-то особой, мрачной торжественностью, — сегодняшние события непременно войдут в историю Мэриленда. Ибо это самый чёрный, самый кровавый, самый трагичный день в истории нашей колонии.

— С этим не поспоришь. — согласился Мелье.

— Каков будет наш план касательно дальнейших действий? — спросила Айна, со всей серьёзностью взглянув в лицо капитану.

— Хороший вопрос, Айна. — Мелье глубоко задумался.

— Ты слышал Клейборна? Он собирался арестовать меня за якобы участие в сговоре с тобой, от лица Сената он собирался меня арестовать. — напомнил Калверт.

— И?

— Значит ты тоже объявлен вне закона. Путь в Джеймстаун нам закрыт.

— Ну это пока. Не весь народ поддерживает узурпаторов. Не забывайте, есть ещё индейцы. Целая Пуухатанская конфедерация племён.

— И что же вы планируете, сэр? — спросил Беккер. — Заручиться поддержкой индейцев?

— В перспективе. — кивнул гасконец. — А ещё я планирую не предпринимать опрометчивых действий, побродить вокруг, да присмотреться.

Айна удивленно посмотрела на де Мелье.

— Капитан, на моей памяти вы впервые проявляете подобную осторожность, это на вас непохоже.

Разумеется, она привыкла видеть его, отважно бросающегося в бой, сломя голову, забыв про всякую осторожность и чувство самосохранения, столь нехарактерное для гасконца.

— Ситуация на самом деле серьезней, чем мы думали, Айна. Бесы захватили власть и только сила креста нам поможет. — Мелье посмотрел на Беккера. — Мсье Беккер, хоть вы и

не католик, но других священников я здесь поблизости не вижу. Будьте добры, прочитайте нам девяностый псалом. В такой момент мы должны быть защищены Господом.

Прокашлявшись, Беккер начал молитву:

— Кхм... э... qui habitat in adiutorio Altissimi in protectione Dei caeli commorabitur dicet Domino susceptor meus es tu et refugium meum Deus meus sperabo in eum quoniam ipse liberabit me de laqueo venantium et a verbo aspero in scapulis suis obumbrabit te et sub pinnis eius sperabis scuto circumdabit te veritas eius non timebis a timore nocturne a sagitta volante in die a negotio perambulante in tenebris ab incursu et daemonio meridiano cadent a latere tuo mille et decem milia a dextris tuis ad te autem non adpropinquabit verumtamen oculis tuis considerabis et retributionem peccatorum videbis quoniam tu Domine spes mea Altissimum posuisti refugium tuum non accedent ad te mala et flagellum non adpropinquabit tabernaculo tuo quoniam angelis suis mandabit de te ut custodiant te in omnibus viis tuis in manibus portabunt te ne forte offendas ad lapidem pedem tuum super aspidem et basiliscum ambulabis et conculcabis leonem et draconem!

«Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: „прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю“! Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы, перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение — истина Его. Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень. Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизятся: только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым. Ибо ты сказал: „Господь — упование мое“; Всевышнего избрал ты прибежищем твоим; не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему; ибо Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих: на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею; на аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона!»

Пастор сделал вид, что закончил молитву.

— Аминь!

Все присутствующие перекрестились. Повисло молчание. Беккер первым его нарушил:

— Так что же мы намерены делать дальше?

Ответ последовал неожиданный:

— Я пошлю своего человека на разведку в Джеймстаун, пусть он всё разузнает. Особенно меня интересует личность этого серого кардинала Вирджинии — Микеля Ортелиуса. Кто он? Из того письма следует, что он может быть главным заговорщиком. Тот, кто управляет всем этим заговором. Возможно, кто-то из наших старых знакомых скрывается под маской Микеля Ортелиуса. Мой лазутчик это выяснит. Ну а сам я наведуясь к индейцам, заручусь их поддержкой.

Индейцы. Как уже ранее было сказано, Мелье испытывал к ним самые что ни на есть трепетные чувства. Чувства глубокой симпатии и привязанности. Разумеется, относилось это не ко всем индейцам Нового Света, а лишь к тем, с которыми Мелье удалось сблизиться. Так к саскуеханнок он никаких трепетных чувств не испытывал. Речь шла о поухатанах. О поухатанах в целом и племени чикахомини в частности. Поухатаны относились к алгонкиноговорящим племенам, а саскуеханнок — к ирокезоязычным. Ирокезы и алгонкины приходились друг другу злейшими врагами. Постоянно вели войны друг с другом. Мелье симпатизировал алгонкинам, даже поставлял им огнестрельное оружие, благодаря которому алгонкины частенько выигрывали сражения у ирокезов. В алгонкинах гасконец видел что-то своё, родное. Видел нечто такое, что оставил у себя дома, в Гаскони. Гасконь. Пожалуй, единственная причина, по которой он, скорее всего объявленный вне закона, до сих пор не принял решение бросить всё и вернуться во Францию, заключалась как раз таки в искреннем желании помочь этим независи-

мым и гордым краснокожим людям, среди которых было немало его друзей. В желании обезопасить их от нападок Сената и особо рьяных колонистов. Он желал обеспечить им достойное будущее, насколько это было возможно на континенте, что с каждым годом всё более и более покоряется белому человеку. Более того, обязательства перед поухатанами есть его долг, как союзника, мужа, отца и зятя. Несмотря на то, что Мелье не являлся более губернатором Вирджинии, с Адехом — вождём племени чикахомини — у него по-прежнему заключен союз, не говоря уже о том, что гасконец женат на его дочери Тиве, от которой имеет двух сыновей и дочь. Самый настоящий династический брак.

Айна прокашлялась.

— Капитан, вы сказали, что пошлёте в Джеймстаун своего человека, если вы не против...

— Нет, Айна, ты слишком заметная. Без обид. Я знаю, кого послать...

Глава XVI. GR

— Вы шутите?! Какой из меня лазутчик?! — удивлённо и в то же время с негодованием воскликнул Генри Блуд на следующее утро, когда капитан изложил ему подробно свой план.

— Но у тебя уже есть опыт. — заметил Мелье. — Ты единственный на этом корабле, кто принимал участие в подобной вылазке.

— Вы смеётесь, капитан?! В прошлый раз я угодил в плен, если вы помните!

Негодованию боцмана не было предела.

— Постарайся в этот раз не угодить, если не в плен, так хотя бы в болото.

Мелье расхохотался.

— Вам смешно, — рассердился Блуд, — а у меня до сих пор задница болит после Гаваны! Да после испанского плена я месяц кровью мочился, якорь мне в зад!

— Понимаю тебя, Генри, но только ты способен это сделать. Могу лишь обещать, что на сей раз всё будет по-другому. — капитан утешительно положил руку на плечо боцмана. — С меня бочонок рома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.